

"Один момент, одно утро"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Сара Райнер

Один момент, одно утро

Понедельник

07 ч. 58 мин.

Лу притворяется спящей, но краем глаза подсматривает, как женщина напротив наносит макияж. Ее всегда это завораживает – смотреть, как другие женщины «делают» себе лицо в поезде. Сама Лу никогда не красится – разве что в редких или особых случаях, – и хотя понимает, что так можно сэкономить время, ей кажется нелепым выносить этот процесс на публику, в общественный транспорт, а не прихорашиваться в уединении. Когда маскируешь дефекты кожи, делаешь ресницы пушистее, глаза больше, а щеки румянее в окружении людей, это уничтожает таинство. А в семь сорок четыре, когда поезд отправляется в Викторию, [1] людей вокруг полно; по большей части они спят или, по крайней мере, дремлют, некоторые читают, а кто-то, их меньшинство, разговаривают.

Женщина на соседнем сиденье, через проход от Лу, одна из таких. У Лу тихонько играет айпод, и она не слышит, что женщина говорит, но по наклону головы ясно, что женщина разговаривает с мужчиной справа от себя. Лу пододвигается и чуть сдвигает капюшон своей парки, мокрый от дождя – ведь пришлось ехать до станции на велосипеде под морозящим дождем. Ей хочется получше разглядеть эту пару. Это муж и жена. На их пальцах обручальные кольца, в руках – бумажные стаканчики с кофе. Женщине, наверное, лет сорок. Лу не видит ее полностью, но, кажется, у нее тип лица из тех, что Лу нравятся. Интересный, привлекательный профиль, хотя и с легким намеком на второй подбородок, а каштановые волосы ниспадают плотным занавесом. Насколько Лу может рассмотреть ее мужа, он выглядит не так хорошо – тяжеловесного сложения, седеющий, – и Лу решает, что он лет на десять, а то и больше, старше жены, но лицо у него доброе. В выражении лица видна мягкость, а глубокие морщины вокруг рта говорят, что он любит посмеяться. Женщина нежно прислонилась к его плечу. Перед ним толстая книга в бумажном переплете, последний бестселлер, но он не читает – он гладит жену по руке, тихо, ласково. Лу даже ощутила зависть. Она завидует их нежности и тому, как они, не задумываясь, проявляют ее.

Поезд останавливается в Берджесс Хилле. За окном льет, и усталые пассажиры, заходя в вагон, отряхивают и складывают зонтики. Их поторапливает короткий свисток, и когда раздвижные двери закрываются, Лу снова переводит взгляд на женщину напротив. Она закончила наводить тени, придав глазам больше выразительности – теперь все ее лицо как будто приобрело отчетливость, резкость. Только губы остались бледными, словно лишенными жизни. Лу кажется, что без макияжа она выглядела не хуже – как-то милее, беззащитнее. Впрочем, как ни посмотри, она хорошенькая. А ее волосы, копна светлых спиралевидных завитков, – в них столько энергии, они такие упругие, так отличаются от ее, Лу, волос – коротких, торчащих, мышинового цвета. А вот до волос этой женщины хочется дотронуться.

Лу наблюдает, как молодая женщина переключает внимание на свои губы. И вдруг замирает – «лук купидона» лишь наполовину зарозовел, как у недоделанной фарфоровой куклы. Следуя за ее взглядом, Лу смотрит на супружескую пару – мужчину внезапно стошнило, и причем самым неловким образом. По всему его пиджаку, рубашке, галстуку течет пузырящаяся молочная слизь с кусочками полупереваренного круассана, как у маленького ребенка.

Лу украдкой вынимает наушник.

- О, господи! - говорит женщина, лихорадочно вытирая блевотину слишком маленькой салфеткой, которую дают вместе с кофе.

Но безуспешно: с детским булькающим звуком мужчину снова рвет. На этот раз на запястье жены. Рвота забрызгивает ее шифоновую блузку и - о ужас! - занавес ее волос.

- Не знаю... - говорит он, разевая рот, и Лу видит, что он вспотел, обильно, отвратительно, как-то совсем ненормально. - Прости...

Лу кажется, что она знает, в чем дело - теперь мужчина схватился за грудь - и сидит, выпрямившись, как будто аршин проглотил, и вдруг - бух! - он со стуком падает лицом на столик. И замирает. Совершенно замирает. Несколько секунд - или так кажется - никто ничего не делает. Лу просто смотрит на его разлитый кофе, как бежевая струйка бежит вдоль края окна, по боковой стороне кремового пластикового столика и - кап-кап-кап - на пол. За окном по-прежнему проносятся мокрые деревья и поля.

А потом поднимается шум.

- Саймон! Саймон! - вскакивая, кричит его жена.

Саймон не реагирует.

Супруга трясет его, и Лу мельком замечает его лицо с открытым ртом и измазанной блевотиной щекой, прежде чем он откидывается назад, мотая головой. И тут она понимает, что видела его раньше в этом поезде.

- Боже! - говорит недовольный пассажир напротив, помахивая своей газетой. - Что с ним за чертовщина? Напился, что ли? - Он фыркает с явным осуждением.

Его неодобрение словно гальванизирует Лу.

- Черт! У него сердечный приступ! - Она вскакивает, торопливо вспоминая стародавние курсы по оказанию первой помощи, детские лагеря и эпизоды из сериала «Скорая помощь» [2]. - Кто-нибудь, позовите кондуктора!

Другой мужчина, молодой, неряшливый, с козлиной бородкой, сидевший рядом с женщиной, наносившей макияж, бросает свой пластиковый пакет и встает.

- Где проводник? - спрашивает он у Лу, как будто та все знает.

- В середине состава! - кричит жена.

Молодой человек в растерянности озирается.

- Туда, - говорит Лу, указывая в сторону головного вагона, и он убегает.

* * *

В третьем вагоне Анна с удовольствием читает свой любимый гляцевый журнал. Целые две остановки она была поглощена главной статьей номера о поп-принцессе, находящейся на излечении от алкогольной зависимости, а теперь дошла до раздела «Разыскиваются», где высмотрела пиджачок, который бы очень ей подошел, из сетевого магазина, новое поступление к весне, по вполне разумной цене. Она только загнула страницу, чтобы не забыть еще раз посмотреть вещичку, и в этот момент ее локоть задевает молодой человек с козлиной

бородкой: он несется куда-то вперед.

- Большое спасибо, - саркастически бормочет она. Ох уж эти брайтонские хиппи!

Через несколько секунд он торопливо возвращается, за ним по пятам следует кондуктор. Она переосмысливает ситуацию - оба выглядят встревоженными.

Похоже, что-то стряслось.

Потом из репродуктора слышится голос машиниста:

- Есть среди пассажиров доктор или медсестра? Если есть, пожалуйста, подойдите к кондуктору в пятом вагоне.

«Откуда пассажирам знать, где этот пятый вагон?» - думает Анна.

Но люди, очевидно, знают - не проходит и десяти секунд, как мимо нее почти бегом промчались две женщины с сумками в руках. Анна удивленно поднимает брови, глядя на пассажиров напротив. Такой испуг - редкость на этом утреннем поезде, где существует негласное правило не шуметь и вести себя деликатно. И это немного тревожит.

Вскоре поезд подъезжает к Уивелсфилду. «Почему мы здесь остановились? - беспокоится Анна. - Обычно мы проезжаем мимо, не снижая скорости».

Она надеется, что это просто сигнал семафора, но подозревает, что случилось что-нибудь более зловещее. Через пять минут ее беспокойство возрастает, и в этом она не одинока: все люди рядом нетерпеливо ожидают отправления, беспокойно ерзая на сиденьях. Анне нужно, чтобы поезд прибыл вовремя, иначе она опоздает на работу. Она работает внештатно, и хотя у нее долгосрочный контракт, работодатели очень педантичны в отношении учета времени. У них просто железная дисциплина, и все знают, что начальник с сердитым видом стоит у входа, поджидая опоздавших.

Слышится, как кто-то подул в микрофон, а затем следует еще одно объявление:

- Мне очень жаль, но один из пассажиров серьезно заболел. Мы стоим еще несколько минут в ожидании «скорой помощи».

Сердце у нее упало, и она подумала: почему же заболевшего не вынесли из поезда, чтобы дожидаться «скорой помощи» на перроне? Но тут же бранит себя за бессердечие: один взгляд на хлещущий за окном дождь дает ответ. Сейчас февраль, холодно.

вернуться

1

Железнодорожный вокзал в Лондоне. (Прим. ред.)

вернуться

2

«Скорая помощь» - американский телесериал, первая серия которого была показана в 1994 г.

В главных ролях – Энтони Эдвардс, Джордж Клуни, Шерри Стрингфилд и др. (Прим. ред.)

Происшествие отвлекло ее от чтения, и она смотрит в окно: дождь колотит по серой платформе, и там, где поверхность неровная, собирается в лужи. «Уивелсфилд, – думает Анна, – где это, черт возьми?» Она никогда не бывала в этом месте, только проезжала мимо на поезде.

Десять минут превратились в пятнадцать, потом в двадцать; новых сообщений не поступало. Пассажиры уже набирают на своих мобильных сообщения или звонят куда-то; большинство говорят очень тихо. Некоторые, менее сочувственные, громко выражают свое бессердечное негодование:

– Не пойму, в чем дело. Ну, кому-то стало плохо – наверное, чертову наркоману...

Но другие, похоже, рады возможности показать собственную значительность:

– Мне очень жаль, Джейн, я здесь застрял, опоздаю на совещание. Пусть перенесут, хорошо, пока я не приеду? – и тому подобное.

Потом, наконец, Анна видит, как мимо окна спешат три фигуры в ярких куртках и с носилками. Слава богу, теперь уже недолго.

Она не отрывает глаз от платформы, ожидая, что вот-вот обратно торопливо понесут носилки с притянутым ремнями телом, но видит только лишь унылую бетонную стену, а дождь все льет, заполняя водой канавки на желтом предупреждении: «Осторожно, край платформы!» [3]

Наконец, слышится стук, какой-то шум, и новое объявление:

– Леди и джентльмены, я снова прошу прощения: похоже, мы останемся здесь на неопределенное время. Мы не в состоянии вынести пассажира. Если можно, прошу набраться терпения. Как только будут какие-то известия, мы вам сразу сообщим.

Раздается коллективный вздох, все шевелятся.

«Какая досада!» – думает Анна, прежде чем успеваешь подавить эту мысль, и на смену приходит не такая бессердечная: «Как странно!» Она определенно не купилась на предположение о наркомане – боже правый, брайтонские наркоманы не ездят на утренних поездах. Несомненно, кому-то в самом деле стало плохо. И все же ее беспокоит ситуация на работе, у нее сегодня полно дел. Ее мысли – смесь собственных интересов и альтруизма – похоже, совпадают с настроением сидящих напротив пассажиров – на их лицах явно читаются недовольство, раздражение и озабоченность.

– Почему они не могут ехать? – наконец, говорит мужчина напротив, нарушив табу не разговаривать в поезде с незнакомыми.

Он высокий, в очках, с бритой головой и безукоризненно накрахмаленным воротничком – как с картинки Нормана Роквелла [4].

– Может быть, кто-то получил травму позвоночника, – говорит пассажирка рядом с ним, полноватая пожилая женщина. То, как она слегка отодвигается от него, произнося эти слова, говорит о том, что ей хочется дистанцироваться от этого бессердечного типа. – Их шею нельзя трогать.

Мужчина кивает:

- Может быть, так оно и есть.

Анна не совсем уверена в этом.

- Однако, несколько странно: как можно в поезде получить травму позвоночника?

- Может быть, кто-то умер.

Обернувшись, Анна видит рядом молодую девушку: прямые черные волосы, пирсинг на лице. Готка.

- О, ради бога, нет! - озабоченно восклицает пожилая женщина. - Конечно, никто не умер?!

- Все может быть, - соглашается Норман Рокуэлл. - Может, именно поэтому мы и стоим здесь. Им нужно вызвать полицию.

- Засвидетельствовать смерть, - говорит готка.

И вдруг глянецовый журнал уже не кажется Анне по-прежнему интересным. Обычно, когда она читает его, то получает еженедельную дозу развлечения, моды, стиля и сплетен; она знает, что журнал несерьезный и довольно пустой, но считает, что в этом нет ничего страшного, ведь он все-таки затрагивает и более широкие темы. И тут, как будто подтверждая ее мысли, она видит именно такую статью: фотография молодой афганской женщины с обезображенным ожогами телом.

Анна вздрагивает от ужаса.

* * *

Лу видит, как пассажиры наклоняют головы, когда двое санитаров поднимают носилки над сиденьями, и это ей кажется чуть ли не смешным. Носилки неудобные, даже с удаленными колесиками и поперечиной они больше, чем любой чемодан, и все происходящее кажется нереальным, как в кино, или, точнее, это напоминает эпизод из телевизионного сериала. Только телевизор можно выключить, а тут приходится смотреть - как можно не смотреть, когда все происходит в нескольких дюймах от тебя?

Последние десять минут две молодые женщины - очевидно, медсестры, ехавшие на работу в Хейвордс-Хитскую больницу, - пытались привести мужчину в сознание, все больше теряя надежду на успех. Они проверили, дышит ли он, пощупали пульс на шее, а потом с помощью кондуктора положили его на пол, в горизонтальное положение. Все это происходило прямо у ног Лу, она не успела отойти в сторону и потому, стиснутая, оказалась вынуждена смотреть на разворачивающийся перед ней кошмар. Медсестры работали поочередно - одна нажимала, нажимала, нажимала ладонями ему на грудь такими размеренными и напористыми движениями, что они казались яростными, а другая вдвухала воздух ему в рот через каждые три десятка нажатий. Когда та женщина, которая нажимала на грудь, уставала, они менялись местами.

Все это время его жена беспомощно стояла в проходе. Она не произносила ни звука, переключая внимание с одной медсестры на другую, а потом снова на мужа. Лицо ее исказила тревога.

Потом прибыли санитары, и медсестра, которая дышала мужчине в рот, отстранилась. Взглянув на них, она покачала головой – коротким, но многозначительным жестом. Ничего хорошего.

Санитары сумели занести носилки сбоку, положили на них больного и быстро унесли на более просторное место у дверей вагона. Несколько стоявших там пассажиров посторонились. Лу увидела кислород, дефибриллятор, лекарства – инъекция, потом крик «Отойдите!», и санитары ударили его током.

Никакого результата.

Еще раз.

Никакого результата.

Еще раз.

Опять никакого результата.

Все в вагоне замерли. Это была не просто нездоровая зачарованность, а неспособность понять, что происходит. Все испытали настоящий шок. Что теперь делать? Но кондуктор неправильно понял, что означают отвисшие челюсти и вытаращенные глаза пассажиров, и – то ли из сочувствия к мужчине и его жене, то ли из желания взять ситуацию под контроль, не важно, – пролаял достаточно громко, чтобы все услышали:

- Будьте любезны, все немедленно покиньте вагон.

Лу собрала свои вещи – мобильник, айпод, рюкзачок, она была благодарна, что ей предоставили возможность уйти. На столике осталась книжка мужчины – пожалуй, она ему уже не понадобится. Лу застегнула молнию на куртке, подняла капюшон и направилась через двери на улицу, под дождь.

Из репродуктора последовало новое объявление, на этот раз требование, чтобы все пассажиры покинули поезд, и совсем скоро Лу окружили люди, озадаченные и смущенные выходом на незнакомой станции.

* * *

Анне пришлось потолкаться, чтобы суметь раскрыть зонт. На платформе было тесно, но, черт бы ее побрал, если она намочит волосы или случится что-нибудь еще – она терпеть не может, когда хоть слегка растрепана, а так и будет, если не быть осторожной. Сегодня это было бы особенно досадно, поскольку она специально встала рано, когда на улице была еще кромешная тьма, чтобы вымыть голову и высушить волосы феном. Сегодня на работе совещание, нужно выглядеть отлично. Слава богу, Анна достаточно высокого роста, а ее зонт открывается автоматически, одним нажатием кнопки – бац! Она поднимает его над толпой, и – ура! – ее волосы в порядке.

Рядом с ней полная пожилая женщина, а чуть впереди Норман Роквелл.

- Ну, и какого черта нам теперь делать? – спрашивает он.

- Подадут автобусы, – говорит пожилая женщина.

Анна не знает, откуда женщина это взяла – такое случается не каждый день, – но верит ей на слово.

– Но откуда им взять столько автобусов, чтобы все поместились?

Ее мысли едва успевают за событиями.

– Наверное, придется пригнать из Брайтона, – говорит Норман.

вернуться

3

Чтобы понять, о каких канавках идет речь, можно посмотреть иллюстрацию такого предупреждения на английской станции здесь:

<http://www.georgefwhite.co.uk/phpmedia/news/lrg/ba3dbd66ba183de599109658ffa8f528.jpg>. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

вернуться

4

Норман Роквелл (*англ.* Norman Rockwell) – американский художник, известный изображениями американского быта.

– Черт побери! – вмешивается четвертый голос – это девушка-готка, стиснутая толпой за спиной у Анны. – На это уйдет несколько часов. Я сдаюсь. Еду домой.

«А я не могу», – думает Анна. Если бы могла! Но ее клиенты специально приехали на презентацию; кроме того, если она не доберется до офиса, ей просто не заплатят, а она главный добытчик в доме.

Независимо от того, кто будет ждать автобусов, а кто поедет обратно в Брайтон, всем придется прилично потолкаться. Выход и противоположная платформа находятся за пределами навеса, в дальнем конце станции, где видны обшарпанные стены и ободранные рекламные плакаты. Нужно спуститься на несколько ступеней по лестнице.

Толкотня плеч и локтей – некоторые упорно говорят по телефону или набирают сообщения, что только замедляет движение, и потому кажется, что проходит целый век, прежде чем они спускаются по лестнице мимо билетной кассы и выходят на улицу.

Здесь Анна задерживается, чтобы осмотреться и оценить ситуацию. Зрелище нелепое – несколько сотен человек на таком небольшом пространстве. Местечко крохотное – здесь даже нет настоящего здания станции, а лишь небольшая билетная касса на лестнице. Хотя, наверное, по всей стране сотни таких станций, они вряд ли проектировались для массового исхода всех пассажиров поезда из десяти битком набитых вагонов. Здесь даже нет настоящей автомобильной стоянки. И Анна не видит никакой автобусной остановки, не говоря о самих автобусах.

Вляпалась.

Но в этот самый момент, разбрызгивая колесами лужи, к ней подъезжает белый «форд мондео». Такси. На короткое мгновение Анна тушует и думает: «Поиди ж ты, кто-то вызвал машину, как здорово всё организовали», но вскоре понимает, что, скорее всего, никто ничего не организовывал, а просто это железнодорожная станция, хотя и маленькая, так что здесь вполне могло оказаться такси. На крыше машины горит табличка – такси свободно. Толпа бросается вперед, все хотят занять место в автомобиле. Но задняя дверь прямо рядом с ней. Анна открывает ее, заглядывает и спрашивает водителя:

- Вы свободны?

Одновременно открывается противоположная дверь, и Анна видит отороченный мехом капюшон и встревоженное лицо.

- В Хейворд-Хит? – спрашивает другая женщина.

- Рада поделиться, – предлагает Анна.

- Как угодно, – согласно хмыкает водитель. Ему все равно. Тариф есть тариф.

Не дав ему времени передумать, обе женщины садятся в машину.

08 ч. 30 мин.

Анна шумно выдыхает:

- Уф!

По крыше машины барабанит дождь, словно говоря: как же вам повезло!

- Настоящая удача, – говорит женщина в парке, откидывая капюшон и ловким движением стряхивая с плеч рюкзачок.

Она небольшого роста и гибкая и, похоже, опытна в подобном упражнении.

- Бедный дядька, – говорит она, откидываясь на спинку.

- Что с ним? – спрашивает Анна.

- Сердечный приступ, – отвечает женщина в парке.

- Он умер, как вы думаете?

- Боюсь, что да.

- О, боже!

- Знаю, ужасно. Он с женой ехал.

- Откуда вы знаете?

- Я сидела рядом с ними. С другой стороны прохода.

- Черт возьми! Наверное, ужасно это видеть.

- Да, - кивает женщина в парке.

«А я там жаловалась на задержку», - упрекает себя Анна. Готка была явно права. Разве так важно, что я немного опоздаю на работу? Она озвучивает свои мысли:

- Вы бы предпочли умереть не совсем так, верно? Лучше умереть, запуская змея со своими внуками, или на каком-нибудь торжестве, или что-нибудь такое. Не в утреннем поезде.

- Эй, леди, - перебивает ее водитель, не давая продолжить. Он слушает потрескивающий искаженный голос по радио. - Ехать в Хейвардс-Хит нет смысла. Очевидно, все поезда стоят. Всё встало.

- Но ведь этого не может быть? - озабоченно спрашивает Анна.

- О, вполне может, поверьте мне, - говорит водитель. - Вы представьте себе, что творится на Брайтонской линии - единственная колея в оба направления от Хейвардс-Хита до побережья. Достаточно одного поезда, чтобы движение полностью парализовалось.

Женщины переглядываются.

Водитель явно ловчит.

- Так куда вас довезти?

- Домой? - предлагает женщина в парке.

- Это где? - спрашивает другая.

- В Брайтоне, - говорит та, что в парке, и уточняет: - В Кемптауне.

У Анны в голове жужжат мысли. Парка, мальчишечье лицо, коротко подстриженные, намазанные гелем волосы, никакой косметики, джинсы, рюкзак, адрес в Кемптауне: это лесбиянка. Кемптаун недалеко от Аниного дома - это *так* заманчиво, но...

- Я не могу, - объясняет она. - Мне нужно в Лондон.

- Пожалуй, я тоже туда поеду, - соглашается женщина в парке. - Просто было бы неплохо в кои-то веки найти повод туда не ехать.

- У меня встреча, - говорит Анна.

- Во сколько?

- В десять.

Анна смотрит на часы. Сейчас тридцать пять минут девятого.

- Как назло, не правда ли? Обычно поезд, который отходит в семь сорок четыре, прекрасно довозит меня до работы.

- Но ведь на работе поймут? - говорит женщина в парке. - Просто в поезде кто-то умер. - Она смеется, но это не кажется бездушным - просто комментарий к нелепой ситуации. Потом замолкает и, подумав, спрашивает: - Разве нельзя просто позвонить и объяснить, что опоздаете?

Анна представляет себе бульдозью стойку начальника у входа, и это не придает ей уверенности.

- Леди, - снова вмешивается водитель. Они подъезжают к светофору на перекрестке. - Решайте. Куда едем?

Анна ловит в зеркале его взгляд. Она уверена, что он ухмыляется, ему нравится сложившаяся ситуация.

- Мне действительно нужно в Лондон, - повторяет она.

Ей не хочется подставлять коллег. Не хочется, чтобы кому-то пришлось проводить презентацию вместо нее. К тому же в уведомлении об увольнении нет ничего смешного. Она наклоняется вперед, к уху водителя:

- Сколько стоит туда доехать?

- Смотря куда именно.

Она задумывается: куда будет удобно и ей, и хорошо бы, другой женщине, и чтобы при этом они не застряли в пробке в час пик?

- На Клэпхэм-Джанкшн?

- А где у вас встреча? - спрашивает женщина в парке.

- На Чейн-Уок, у Кингс-роуд - туда идет много автобусов.

- Меня вполне устроит, - соглашается женщина в парке. - От Клэпхэма я доеду на поезде до Виктории.

- Семьдесят фунтов, - говорит водитель.

Они останавливаются у светофора.

Анна быстро подсчитывает. Цена несусветная для расстояния миль в шестьдесят. Но по ее дневному заработку, оно стоит того - она потеряет куда больше, если не появится на презентации. Анна смотрит на женщину в парке. Та, похоже, колеблется - Анна понимает, что не все зарабатывают такие деньги, как она.

- Я могу заплатить пятьдесят, - предлагает она. - Мне действительно очень нужно попасть на работу.

- О, но это несправедливо.

- Мне заплатят за этот день, - объясняет она. - Так что меня устроит, честно.

- Вы уверены?

- Да.

- М-м-м...

- В самом деле, устроит. Иначе, если вы не поедете, я оплачу поездку полностью.

- Тогда ладно. Спасибо, - признательно улыбается женщина в парке.

- Прекрасно. - Анна снова наклоняется к водителю. - Поехали.

И он включает сигнал поворота, сворачивает налево и направляется на автостраду.

* * *

- Давайте познакомимся. Меня зовут Лу. - Лу поворачивается к попутчице и протягивает руку.

Женщину не назовешь хорошенькой в общепринятом смысле, и тем не менее, она необыкновенна. Ей, наверное, слегка за сорок - а Лу лет на десять моложе, - у нее волевое угловатое лицо и темные, как у Клеопатры, совершенно прямые волосы. В глаза бросается ее макияж: кроваво-красные губы, темные тени на веках, беззастенчиво подчеркивающие карие глаза. Это говорит о самоуверенности и прекрасно сочетается с ее ростом и длинными конечностями. Она стройна и хорошо одета, в изящной темно-синей полушубке, и ее большая сумка из змеиной кожи с виду недешева. Общее впечатление - женщина умная, но немного пугающая.

- Меня зовут Анна, - отвечает Анна.

Рука у нее холодная и костлявая, пожатие твердое и уверенное. Но Лу уже заметила, что она великодушна и умеет сочувствовать; ясно, она не *так* сурова.

- Вы куда едете? - спрашивает Лу.

- Я работаю в Челси. У меня встреча в офисе. А вы?

- Я добираюсь до Хаммерсмита. - Следует пауза. - Я работаю с молодежью, - добавляет Лу.

- А, - кивает Анна.

Хотя Лу любит свою работу, она прекрасно понимает, что эта профессия не особенно престижна и не очень хорошо оплачивается. Пока она не очень хорошо представляет, чем занимается эта женщина, работающая неподалеку от Кингс-роуд, но, наверное, это птица гораздо более высокого полета, и Лу в некотором роде хочется ее одобрения. Но у нее нет возможности подробно объяснить, почему она занимается тем, чем занимается, потому что Анна всем телом поворачивается к ней и настойчиво просит:

- Так расскажите, что случилось в поезде?

Лу рассказывает все, что может припомнить.

- Просто не было времени, чтобы кто-то его смог реанимировать, - заканчивает она. - Хотя медсестры появились почти сразу же, и они пытались сделать все возможное... Видит Бог, пытались. - Она поеживается, вспоминая случившееся. - Но все произошло так быстро. Только что он пил свой кофе, а через минуту - или так показалось - уже умер.

- Бедная его жена! - в ужасе произносит Анна. - Только представьте - поехать на работу с мужем, думая, что это обычный день, и вдруг он падает и умирает. Прямо перед тобой. О, мне *действительно* ее жаль.

* * *

- Так, значит, вы тоже живете в Брайтоне? - спрашивает Лу, когда они уже мчатся по автостраде.

Водитель нажимает на педаль, и вскоре они уже летят со скоростью семьдесят миль в час. У бровки мелькают только начинающие расцветать желтыми цветами кусты утесника.

- Да.

- Где именно?

- В Севен-Дайалсе. Знаете?

- Конечно, - обижается Лу. - Я живу в Брайтоне почти десять лет.

- Ну, да. - Тогда можно сказать поточнее. - На Чарминстер-стрит.

Лицо Лу остается бесстрастным.

- Между Олд-Шорхэм-роуд и Дайк-роуд.

- Ах, да! - восклицает Лу. - Там милые маленькие викторианские домики, и в конце улицы квартал офисов.

- Да. Грязновато, но мне нравится.

- Вы живете одна?

Лу как будто искренне заинтересована, и Анна замечает, что она смотрит на ее палец - вероятно, ищет обручальное кольцо. «Как забавно, - думает Анна, - мы обе ищем сигналов, оцениваем друг друга». Тем не менее она не хочет продолжать разговор. Это не та тема, в которую она хочет углубляться.

- М-м-м, нет... Я живу со своим другом.

Лу улавливает ее настроение и меняет тему.

- Так вы всегда работаете в Лондоне?

- По большей части, да. А вы?

- Четыре дня в неделю. Мне бы не хотелось ездить туда все пять дней.

- Да, это утомляет.

Анна неожиданно чувствует обиду: если бы Стив зарабатывал больше, ей бы не приходилось так много ездить. Но она молчит, только глубоко вздыхает, а потом более решительно произносит:

- Впрочем, мне нравится в Брайтоне. Так что оно того стоит. - Анна улыбается, с любовью думая о доме с террасой, на ремонт которого она потратила столько времени и сил, о его внутреннем садике и прекрасном виде на Даунс [5]. И еще неподалеку живет горстка близких друзей; совсем близко Лэйнс, где теснятся единственные в своем роде лавочки и такие же эклектичные люди, крутой, покрытый галькой берег, а за ним море... Из-за этого, пожалуй, более всего стоит терпеть утомительные поездки: серое, зеленое и синее, прибор, спокойствие

моря и его зыбь, его способность постоянно меняться. Ах, это море...

Лу прерывает ее мысли.

- Мне тоже нравится жить в Брайтоне.

- А вы где живете в Кемптауне? - спрашивает Анна. - Очень надеюсь, вы не скажете, что там у вас целый дом у моря!

Конечно, она шутит: дома эпохи Регентства [6] у пляжа в Кемптауне просто огромные. И не только огромные, но и великолепные, с изящными оштукатуренными кремовыми фасадами, гигантскими окнами от пола до потолка, комнатами удивительных пропорций с мраморными каминами и вычурными лепными карнизами - о владении таким домом можно только мечтать.

Лу смеется.

- Нет. Я живу в маленькой квартирке в мансарде - на самом деле это студио.

Что-то в ее манере и в том, что она постоянно употребляет «я», а не «мы», говорит, что она живет одна. Анна уточняет:

- Значит, вы ни с кем ее не делите?

Лу снова смеется. У нее заразительный смех: глубокий, горловой, непринужденный.

- Боже, нет. Там вряд ли хватит места повесить кошку.

- И где это, если можно спросить?

- На Магдален-стрит.

- Ух ты! Значит, из окна видно море?

- Да, из эркера в комнате, за дальним концом дороги. Наверное, агенты по недвижимости называют это «дальний вид на море». И у меня есть крохотная терраса на крыше, откуда видно море и мол.

- Как мило.

Анна задумывается. Ей всегда хотелось иметь собственную мансарду. Мимолетно она представляет себе другую жизнь, где у нее не так много обязанностей, где не надо выплачивать ипотеку, нет Стива, и она может заниматься собственным творчеством...

Но хватит об этом: ничего не изменишь. И все-таки ей хочется узнать о Лу побольше.

- Там вокруг, наверное, прекрасная ночная жизнь, - говорит она, в надежде подтолкнуть ее на откровения.

Лу живет в сердце Брайтонского квартала геев, там десятки пабов и ночных клубов, где, как представляется Анне, происходят захватывающие вещи.

- Иногда даже *чересчур* прекрасная, - отвечает Лу. - Бывает шумновато.

«Разговор становится скучным», – думает Анна. Ей хотелось рассказов о разнузданном употреблении наркотиков и лесбийской любви втроем. Если ее собственное существование нынче строго ограничено, она могла бы, по крайней мере, пожить чувствами других. Но, опять же, если в жизни Лу и есть что-то интересное, она вряд ли станет этим делиться с незнакомкой в такси.

* * *

Через полчаса поездки Лу решает, что Анна вроде бы ничего, но по-прежнему не уверена, что у них есть что-то общее. Лу в целом хорошо разбирается в людях, годы работы консультантом-психологом отточили врожденную способность, поэтому она обычно оценивает людей правильно. Пожалуй, она не так проницательна, когда дело касается женщин, когда мешает их сексуальная привлекательность. Но она видела многих традиционно ориентированных женщин – и мужчин тоже, если на то пошло, – которые неправильно оценивали людей, когда похоть мутила их восприятие, так что она, по крайней мере, не одинока в этом.

Как бы то ни было, Анна явно традиционной ориентации и физически относится не к тому типу, который привлекает Лу. Тем не менее она ее заинтриговала. Ничего Лу так не любит, как копаться в чужой душе; это то же любопытство, которое захватывает ее, когда она наблюдает за незнакомыми людьми в поезде, представляя себе их жизни, складывая в единую картину все внешние признаки. И это тоже привлекает ее профессионально, она любит докапываться до дна и выяснять: что же создает сложный – хотя зачастую трагически саморазрушительный – мотив поведения молодых людей?

Несмотря на безупречный внешний вид Анны, что предполагает более материалистический склад ума, чем у самой Лу, Лу подозревает, что в ее попутчице может быть нечто большее, чем предполагает ее невозмутимая внешность. Во время пути она уловила некоторые слабые сигналы. Она не упоминала о детях, а большинство женщин непременно упомянули бы, учитывая разговоры, которые они вели о своих домах. Поэтому Лу подозревает, что у нее нет детей, что довольно необычно для женщин ее возраста. Но интереснее то, что Анна заколебалась, прежде чем упомянула своего партнера; Лу подозревает, что здесь кроется какая-то история. Она всегда замечает, когда кто-то что-то скрывает – не в последнюю очередь потому, что в определенных ситуациях сама поступает так же. И еще Анна чувствует нужды других, даже когда руководит ими. В конце концов, они делают то, чего от них хочет Анна, и все же она предложила Лу заплатить за нее ее долю. Это намекает на острый ум и сложный характер, и любопытство Лу возрастает.

вернуться

5

Даунс (Downs) – холмы в Юго-Восточной Англии.

вернуться

6

Английское Регентство, или просто Регентство – наименование периода в истории Англии с 1811 по 1820 гг. В течение этого времени принц-регент, в будущем король Георг IV, правил государством по причине недееспособности своего отца Георга III. (*Прим. ред.*)

«Интересно, – размышляет она, когда они съехали с шоссе М23 и выехали на двухполосную дорогу в тусклом пригороде Коулдсона, – мы когда-нибудь еще увидимся потом?» Она часто по утрам ездит по собственным делам в Лондон, используя поездку, чтобы поразмышлять. И все же неплохо время от времени с кем-то поболтать, когда есть настроение. Может быть, если Анна так же часто, как она, ездит на поезде в семь сорок четыре, они увидятся в вагоне. Хотя это длинный поезд и всегда переполненный. Если ездить на нем в одно и то же время, это еще не значит, что их пути снова пересекутся.

09 ч. 45 мин.

Карен стоит на автомобильной стоянке. Она сама точно не знает, как сюда попала и сколько уже тут находится. И только когда трясушимися руками пытается закурить, осознает, что идет дождь. Белая бумага сигареты покрывается капельками, которые расплываются и пропитывают ее. Карен смотрит на небо – по нему несутся серые тучи. Она запрокидывает голову, и лицо быстро покрывается водой. Она должна почувствовать на коже холодную влагу, но не чувствует. Карен открывает рот, чтобы проверить, может ли ощутить вкус, но, хотя рот наполняется дождинками, она не чувствует никакого вкуса. Она поеживается, но холода совсем не испытывает.

Карен пытается понять, где находится. Неожиданно видит большую вывеску:

КОРОЛЕВСКАЯ БОЛЬНИЦА ГРАФСТВА СУССЕКС

Кажется, в этом есть какой-то смысл. И что теперь делать?

Саймон мертв.

Мертв.

Она повторяет это слово про себя, и сама видела, как он умер прямо у нее на глазах, но это не реально.

Она наблюдала, как две медсестры пытались оживить его, а санитары пытались электрическим шоком запустить его сердце – они пытались снова и снова, и в карете «скорой помощи» тоже. И доктор подтвердил, что Саймон умер несколько минут назад, и записал время смерти, но это все же нереально, этого просто не может быть.

Ей позволили побыть с Саймоном в отделении экстренной помощи – там повсюду торчали трубки. Теперь его перенесли в морг – очевидно, в смотровой зал, где ей предложили, если хочет, еще какое-то время побыть с ним. Но ей прежде всего хотелось выкурить сигарету, и она оказалась здесь, в растерянности и ошеломлении.

– В ошеломлении.

Теперь она повторяет это слово вслух. У нее странные воспоминания. Разве не говорят, что ошеломление – первая стадия горя?

Наверное, ей нужно как-то позаботиться о детях. Который час? И где они? Ах, да, конечно, сегодня они с няней, с Трейси. Ее номер, да, верно – он у нее в мобильнике.

О, боже, идет дождь, всюю. Ей лучше укрыться от дождя, а то телефон намокнет.

Карен видит большой стеклянный навес у входа в больницу, всего в нескольких шагах. Там стоят люди и разговаривают. Она присоединяется к ним. Теперь она в укрытии и сознает, что промокла. Челка прилипла ко лбу крысиными хвостами, и холодные струйки стекают по затылку на шею; даже ее замшевые туфли промокли – какой ужас!

Карен достает из мешка телефон – из мешка с ручками, в котором носит документы, когда они есть, и в котором сегодня лежит мартовский выпуск журнала «Ведение домашнего хозяйства», кошелек, губная помада и расческа, бутылка воды и сигареты. В ее мобильнике, базовой модели в потертom кожаном футляре, который дети облепили ужасными блестящими стикерами, в списке контактов есть номер Трейси. Наверняка существует способ найти его быстрее – быстрым набором или как-то еще, – но она не помнит, как это сделать. Поэтому перебирает составленный по алфавиту список и, наконец, дойдя до Трейси, хочет нажать зеленую кнопку вызова.

Боже, что она делает? Что она скажет? «Люк, Молли, папа умер. Приезжайте посмотреть на тело»? Ради бога, им пять и *три*. Они не поймут. Она сама не понимает.

Господи. *Господи!*

Нет, Карен нужно поговорить с подругой, с лучшей подругой. Она скажет, что делать: она всегда все знает. Этот номер она набирает автоматически, не думая. Все еще трясущимися руками Карен нажимает на кнопки с цифрами.

* * *

Неподалеку от Клэпхэм-Джанкшн такси застревает в пробке. Водитель мчался на автостраде М23, со впечатляющей быстротой пробрался через удручающие окраины Кройдона, Норбери и Стретэма, несмотря на десятки светофоров, но теперь им понадобится минут двадцать, чтобы спуститься с Сент-Джонского холма.

Анна начинает волноваться, и тут она чувствует на бедре вибрацию – звонит телефон. Вскоре он начинает звонить все громче в глубине ее сумки из змеиной кожи. Она роется в ней. Черт возьми – где же он? Наконец, она нащупывает гладкий металл и вытаскивает аккуратный телефончик, напоминающий моллюска. Она торопливо раскрывает его, зная, что через несколько секунд он переключится на голосовую почту.

- Привет! – говорит она, с радостью увидев на экране имя.

- Анна? – спрашивает голос, тихий, горестный.

- Да, это я. А это ты?

Голос на другом конце ломается:

- Да.

Он звучит так, словно его обладательница хочет сказать что-то важное.

- Эй, эй, – говорит Анна более спокойно и отчетливо, прямо в микрофон, чтобы ее было лучше слышно. – Что случилось?

- Тут... понимаешь... Саймон.

Голос – такой ей знакомый – звучит странно тихо.

– Что с ним? – не понимает Анна.

– Он... – Повисает пауза. Долгая пауза.

– Что? – допытывается Анна – теперь она встревожилась.

– Он...

И тут все сразу проносится у Анны в голове. У нее жуткое предчувствие: она уже знает, что сейчас последует, но этого не может быть, нет, не может, – и вот страшное подтверждение, слово уже здесь, в такси, вылетело:

– Умер.

– О, Боже! – вскрикивает Анна. Мысли теснятся. Что это – какая-то глупая шутка?

– В чем дело? – спрашивает Лу, схватив Анну за колено.

Анна стряхивает ее руку, жестом показывая, чтобы та замолчала.

– Как?.. Когда?..

– Только что... Сегодня утром... В поезде...

– Что? На семь сорок четыре до Виктории? Нет!

– Да. – Голос еле слышен. – Как ты узнала?

– Да я была в этом поезде! – восклицает Анна. – Господи Иисусе, не могу поверить! Ой, ой, Карен... – Она инстинктивно начинает плакать, огромные слезы капают, она не в силах их сдержать. На самом деле это даже не печаль, она еще не успела сознать ужасное известие. Это шок. Карен и Саймон – ее друзья. Карен – ее *лучшая* подруга. И все же нужно принимать правду, какой бы горькой она бы ни была. Что вы делали в этом поезде? Вы обычно не садитесь на него... Это я на нем езжу.

– Да, наверное, так и должно было быть, – говорит Карен. – Я не подумала.

– Черт! – И вдруг Анна осознает, что это не шутка. Совсем не шутка. – Вам сегодня нужно было подписать бумаги на ипотеку, да?

– Да, – говорит Карен, чуть громче шепота. – Мы вместе ехали в Лондон, к юристам, а потом Саймон собирался на работу. Это казалось вполне разумным. А потом мне нужно было кое-что купить. Я собиралась в «Хэмлис» [7], поискать Люку подарок на день рождения.

В это время вмешивается водитель такси.

– Мне очень жаль, – говорит он, и его тон на этот раз не так резок, – но мы приехали.

– Что? – Анна смотрит в окно, видит цветочный ларек – всплеск цвета и листьев, – а над ним большую красную вывеску:

КЛЭПХЭМ ДЖАНКШН

- Да, да, верно. - Она собирает свою сумку. - Одну минутку, Карен, одну минутку, просто нужно расплатиться за такси. Не вешай трубку - я сейчас вернусь.

- Все в порядке, - говорит Лу. - Вы выходите - продолжайте говорить - я расплачусь, не беспокойтесь. Все в порядке, мы разберемся сию секунду.

Анна благодарно кивает.

- Спасибо, - открывает дверь такси и кое-как вылезает на тротуар, по-прежнему держа телефон рядом с ухом, чтобы не потерять связь с Карен. Лу расплачивается с водителем - к счастью, ей хватает наличных, - и выходит следом.

вернуться

7

Магазин игрушек в Лондоне. (Прим. ред.)

- Ты еще слушаешь? - спрашивает Анна.

- Да.

- Одну секунду. - Несмотря ни на что, Анна хочет расплатиться. Она роется в глубинах сумки в поисках кошелька, но, как только его достает, тут же роняет.

Лу поднимает его и возвращает ей.

- Я могу подождать.

- Пожалуйста, продолжайте.

- Вы уверены?

Лу кивает и дипломатично отходит в сторону, чтобы не слышать разговор.

Анна продолжает говорить:

- Ты где?

- В больнице.

- В какой? В Хейвардс-Хите?

- Нет, в Брайтоне. Почему-то нас привезли сюда - наверное, потому что здесь есть кардиологическое отделение или что-то вроде этого.

- А, понятно. Так расскажи мне, что случилось, подробнее.

Хотя она уже слышала эту историю от Лу, Анне хочется услышать ее от Карен, чтобы убедиться, что так все и было, и осознать, что это реальный факт.

- Сегодня утром мы сидели вместе в поезде, знаешь, все было как обычно... Не знаю... Мы разговаривали, оба пили кофе... И вдруг - сердечный приступ.

- Как? Ни с того ни с сего?

- Ну, странно, но по пути к станции он жаловался на несварение. Но ты же знаешь Саймона, у него вечно изжога, и он всегда жаловался – так что, честно сказать, я не придавала этому особого значения. Просто нервы – новый дом, нужно подписать документы.

Анна кивает, хотя Карен не может этого видеть.

- Так что... – Анна колеблется в неуверенности, не будет ли это выглядеть бесчувственностью, но все же продолжает: между ней и Карен никогда не было особых барьеров. – Это случилось совершенно внезапно, да?

- Да. Он сидел рядом со мной. И все произошло буквально за несколько минут... Его стошнило, он упал ничком и опрокинул свой кофе. Потом прибежали медсестры и пытались реанимировать его, и всем пришлось сойти с поезда, потом приехала «скорая помощь», и нас отвезли в больницу. Его положили в отделение экстренной помощи... Потом мне пришлось говорить с полицией и больничным капелланом – там было столько людей! Но доктор сказал, что они ничего не смогли сделать. – Голос Карен снова перешел в шепот. – Очевидно, он сразу умер. Вот так.

У Анны закружилась голова, и она прислонилась к столбу цветочного киоска.

- Э-э-э... Дай мне подумать... Так где, ты говоришь, сейчас находишься?

- В Королевской Суссекской больнице.

- Что? В Кемптауне?

- Да.

- А, понятно. А дети?

- Они у Трейси.

- Люк не в школе?

- Нет. В Брайтоне на этой неделе каникулы. Мы отвели их к Трейси, чтобы съездить в Лондон.

- Понятно. И когда ты собираешься их забрать?

- Ох, м-м-м... В полчетвертого.

«Хорошо, у нас есть хоть какое-то время», – думает Анна; в голове бешено кружатся мысли.

- Ты им сказала?

- Нет.

- А Трейси?

- Нет, нет, нет еще. Я тебе первой позвонила.

- А где сейчас Саймон?

- М-м-м... - Карен, похоже, взволнована и как будто не понимает, о чем говорит Анна. - Он тоже здесь. В больнице. Его перенесли в специальное помещение. Мне нужно туда скоро вернуться. Наверное, в отделении экстренной помощи. А ты где?

- В Клэпхэм-Джанкшне. На станции. Я взяла такси.

Анна думает, не объяснить ли, что она сидит рядом с женщиной, которая видела, как Саймон умер, но потом решает, что не стоит. Сейчас не время, да и это не важно.

- Слушай... - Она пытается составить план. - Я скоро вернусь. У меня тут презентация, но ее может провести кто-нибудь другой. На самом деле, это не так важно. Я им позвоню. Они поймут, а если нет, то и черт с ними. Так что, не знаю... подожди там. Я буду... - Она смотрит на часы: сейчас без пяти десять. - Думаю, поезд уходит в десять двенадцать. Если расписание уже соблюдается, я буду в Брайтоне к одиннадцати и возьму такси. Буду у тебя, как только смогу.

- В самом деле сможешь? - У Карен снова срывается голос. - Ты уверена, что приедешь?

- Уверена? - Анне не верится, что об этом нужно спрашивать. - Конечно, уверена. Где ты будешь ждать? Пойдешь домой?

- Не знаю. - Карен очевидно не в состоянии принять решение. - Потом - да, но сейчас я хочу побыть с Саймоном...

- Конечно. Все равно я снова позвоню, буквально через минуту. Мне только нужно убедиться, что я успеваю на следующий поезд, и позвонить на работу, так что сейчас мне надо идти на станцию. Ладно? Я позвоню снова, скоро.

- Ладно, - совсем тихо говорит Карен. - Спасибо.

Спустя несколько секунд Анна чувствует, как кто-то сжал ей локоть.

Это Лу.

- Все хорошо?

- Нуу, так... - отвечает она, хотя мысли ее где-то далеко.

- Не хотите пойти выпить кофе или что-нибудь такое? Вы побелели как полотно. Думаю, вам нужно присесть.

- Нет. Мне надо идти. Это была моя подруга Карен. Это ее муж умер в поезде. Мне нужно вернуться, повидаться с ней. Но все равно спасибо.

- Точно? У вас действительно такой вид, что вам нужно посидеть, прийти в себя. Тут рядом кофейня...

Лу права: говоря по телефону, Анна уставилась на знакомый синий логотип, но не видела его.

- Нет, - решительно говорит она. - Мне нужно успеть на следующий поезд. Я обещала.

- Понимаю.

Анна уныло улыбается, и тут вспоминает:

- Господи! Я же вам должна пятьдесят фунтов. Или больше? Вы дали ему на чай? - Она роется в кошельке. - Черт! У меня только три двадцатки.
- Двух вполне хватит. Правда. А то вдруг вам не хватит, и вы не сможете взять такси обратно.
- Нет, нет, - настаивает Анна. - Наверняка я смогу разменять.
- Не глупите! Сорока хватит за глаза.
- Терпеть не могу занимать деньги.
- Ну, тогда ладно, но вот что я вам скажу: чем волноваться о долге, лучше возьмите вот это.

Теперь Лу в свою очередь открывает бумажник и достает оттуда деловую визитную карточку с надписью «Хаммерсмит и Фулхэм, образовательные услуги».

- Напишите мне как-нибудь. А еще лучше, позвоните или пришлите эс-эм-эс, когда будете в поезде. Ну, понимаете.

- Да, конечно.

- Я работаю с понедельника по четверг. Или звоните в любое время. Если просто захотите поговорить.

Лу говорит так доброжелательно, что Анна не знает, что и ответить. Она бормочет «спасибо», но это кажется совершенной нелепостью.

- Не за что.

- Нет, я, правда, вам благодарна.

- Не стоит об этом. И, пожалуйста, при случае - если такой выпадет, - скажите вашей подруге, что я очень сочувствую ей.

- Да, конечно, скажу, - говорит Анна.

11 ч. 00 мин.

Анна вертит в пальцах карточку Лу, рассеянно чистя ногти ее уголками, когда поезд останавливается у семафора перед прибытием на конечную станцию. Слева, на холмах Даунса и за ними, раскинулся город, ряд за рядом тянутся домики с террасами, издалека они кажутся совсем маленькими. В конце вагона высвечивается оранжевыми точками бегущая строка: *Следующая станция - Брайтон*. Хотя Анна почти приехала, она чувствует себя совершенно дезориентированной, она никак не может собраться с мыслями. Она проехала от Брайтона до Уивелсфилда, оттуда по автостраде до Клэпхэма и вернулась обратно, а сейчас всего одиннадцать. У нее такое чувство, будто по пути она растеряла часть своего сознания и в результате стала совсем другим человеком.

Она пытается вновь собраться с мыслями, направить их в более-менее рациональное русло, чтобы помочь Карен. Как они перенесут это горе? Проблема с Люком и Молли: как сказать маленьким детям, что их папа умер? Вопрос даже не в том, как сказать им о случившемся, а в том, как это повлияет на их жизнь. Чем для них обернется потеря отца? Они еще такие маленькие, впереди у них долгие годы детства. И ведь есть еще мать Саймона, его брат Алан.

Анна несколько раз виделась с ним, они были близки с Саймоном. Он живет неподалеку, и они частенько вместе играли в футбол на лужайке у моря вместе с какими-то местными отцами семейств.

А сама Карен? Она была с Саймоном с тех пор, как впервые пошла на работу после колледжа. Когда они познакомились, Саймон жил с другой женщиной – какая это была драма! Но это случилось целую вечность назад, и с тех пор они прожили вместе почти двадцать лет. И хотя у них были безрадостные периоды – например, когда Саймон потерял работу, или когда Люк серьезно заболел вскоре после рождения – они не угрожали их браку. По сути, ничто никогда не колебало их отношений... до сегодняшнего утра.

Анна содрогается. Она понимает, что это только начало, самое начало, и уже так чувствует боль Карен, что не знает, где кончаются собственные чувства и начинаются ее. Конечно, рана еще слишком свежая, поэтому она никак не может поверить в случившееся, что Саймона в самом деле больше нет. И хотя Анна уронила несколько слезинок час назад, она чувствует, что плакать еще рано.

Может быть, он не умер? Она на долю секунды впускает в свою голову эту нелепую мысль. Может быть, Карен сошла с ума, неправильно поняла или что-нибудь еще.

Вдруг рассердившись, Анна качает головой. Конечно, все она поняла правильно. Но разве не мог кто-то где-то что-то сделать для него? Мужчины в пятьдесят один год не умирают просто так: конечно же были какие-то признаки? Разве сам Саймон не знал, что с ним что-то не так? А когда играл в футбол? Тогда он не чувствовал какого-то недомогания? Почему он не проверился, не сходил на осмотр? Ради бога, он же отец, у него были обязанности перед семьей. Медицина могла предотвратить такой исход. Почему его терапевт не предупредил его? (Впрочем, Анна не могла себе представить, чтобы Саймон согласился бы пойти к врачу. Стив тоже не был у врача уже много лет.) А как же медсестры в поезде, о которых говорила Карен, – почему они не смогли ничего сделать? Или эти чертовы санитары, или доктора в дорогом Брайтонском кардиологическом отделении? Понятное дело, что у них не хватало персонала и оборудования. Значит, тут виновато и правительство. Компания идиотов. Черт бы их всех побрал.

Тут ее посетила другая мысль, не такая злобная, но более удручающая. Наверняка Карен упрекает себя – самоедство было ей свойственно. Карен вообще очень тревожна и всегда первым делом думает о других. О детях, Саймоне, а зачастую и о ней, Анне. Конечно же это не ее вина, но Карен все равно наверняка будет винить себя, будет думать, что это она не уследила за Саймоном.

И тут Анна впервые чувствует тень собственной вины. Возможно, это она не уследила за Саймоном. Понятно, что Карен не замечала его состояния, живя с ним и присматривая за большой семьей. Анна может понять, как легко было не заметить, что его здоровье постепенно ухудшается. Но она-то, Анна, могла быть более объективной. Она должна была заметить. Если бы не была так погружена в свою работу и не была бы так занята собственными отношениями. Она ведь часто видела Саймона, каждую неделю, видит Бог, это продолжалось очень долго. Она должна была заметить, что у него появилась одышка, он часто испытывал слабость и головокружения, что у него не обычное несварение, или красное лицо, или какие-то еще симптомы, предшествующие инфаркту, если бы не была так погружена в себя.

Господи, думает она, толчком возвращаясь к настоящему. Пассажиры уже покинули вагон, она одна все еще сидит на месте. Лучше выйти из поезда. По проходу прошла уборщица, руками в перчатках собирая в большой прозрачный мешок стаканчики и брошенные газеты.

И Анна надевает свое пальто, берет со столика сумку и второй раз за день идет по брайтонской платформе.

* * *

Карен сидит в кафе напротив больницы и смотрит на часы на стене. Анна должна прибыть через несколько минут. Ей хочется дождаться подругу, ей нужна помощь, руководство, без этого она не сможет вернуться домой. Никогда в жизни Карен не нуждалась в чьей-то помощи, обычно она сама заботилась о других. Даже когда была маленькой, она была старшей сестрой и старшим товарищем, несла ответственность за ближних. Но сегодня одно катастрофическое событие перечеркнуло прошедшие сорок лет. Она как будто попала в кошмарный сон, из которого ей самой не выбраться: нужно, чтобы кто-то ее разбудил, сказал, что произошла какая-то ошибка, ничего страшного не произошло, и можно идти домой. Она чувствует себя отвергнутой окружающим миром. Помещение, в котором она сидит, выглядит нереальным, его пропорции совсем не соответствуют кафе: оно слишком просторное, между столами слишком большое расстояние, а полоска флуоресцентных ламп светит зловеще ярко; стойка, с которой она взяла чай, выглядит странно одномерной, плоской. И хотя слышатся голоса – в кафе печально пусто, но все же здесь кто-то есть: пожилая пара, например, и женщина рядом, воркующая со своим ребенком, – их голоса кажутся отдаленными, искаженными раздающимся эхом.

Кажется, у нее галлюцинации. Успокаивало то, что это скоро закончится, что это лишь игра сознания. Да и Анна находилась рядом. Она помогла Карен прийти в себя и успокоила разговорами.

А сейчас она одна и не имеет представления, что делать дальше. Обычно она обо всем советовалась с Саймоном. Поэтому и сейчас, про себя, она вновь обращается к нему, но в то же время какой-то голос в голове – голос доктора – напоминает ей: Саймон умер. Две эти мысли не могут сосуществовать, она совершенно обескуражена. Карен не может поверить, что его больше нет, и чувствует, как тело ее немеет. Сковавшую ее броню пробивают уколы паники, как будто осколки стекла. Паника ужасна, ужасна – Карен чувствует, что не может совладать с ней; онемение даже лучше. Она хочет, чтобы паника поскорее прошла.

Пожалуй, нужно составить список. Она хорошо составляет списки.

У нее в сумке много документов, это хорошо: можно писать на обратной стороне листов формата А4. Да, и есть ручка. Она помнит, что положила ее в передний карман; как-то однажды, перед посадкой на поезд она обнаружила, что у нее нет с собой ручки, и это вызвало раздражение. Впрочем, нет, не просто раздражение – она не могла представить, что такое случится снова. Это было целую жизнь назад.

И все же, находясь в отчаянии и не понимая, что же ей делать, она заставила себя обратиться к воспоминаниям; можно вспомнить, как это случилось с отцом Саймона. Он умер пять лет назад, также неожиданно. У него была аневризма, и однажды она лопнула. И если бы после этого Карен сказала Саймону, чтобы он пошел провериться к врачу, ведь следовало учитывать плохую наследственность? Хотя она говорила ему десятки раз, но разве он послушался? Конечно нет. Теперь Карен охватил гнев. Впрочем, она чуть ли не обрадовалась этому: гнев казался вполне нормальным чувством. Она и раньше сердилась на Саймона и теперь узнала это чувство – то же самое, только сильнее. Ей захотелось завопить. Но через долю секунды это прошло, и снова вернулись осколки стекла, онемение и паника.

Когда отец Саймона умер, они с Саймоном помогали его матери составить список, что нужно

сделать. Карен сосредоточилась на задаче и медленно, автоматически начинает формулировать:

1. Позвонить Трейси. Забрать детей.

Как странно, что ее почерк выглядит почти так же, как обычно, округлый и с наклоном, буквы черные. Она думала, что он изменится.

2. Сказать детям.

Она не представляет, как это сделает, но, прежде чем успела ощутить боль, добавляет:

Привести их в больницу попрощаться?

Дальше:

3. Пойти домой. Позвонить:

Маме Саймона

Алану

Саймону на работу

Боже, Саймону на работу! Туда надо позвонить сейчас же. Его там ждут. Господи, и еще этот юрист. Они не пришли на встречу. Эти люди не могут ждать, пока она придет домой. Им нужно все узнать прямо сейчас. Карен снова берет телефон. Маленькие стикеры блестят и подмигивают ей, и она чувствует прилив нежности к дочурке, Молли, которая настояла, чтобы приклеить их именно так, в те места, которые, наверное, для Молли что-то значили, но всем остальным кажутся нелепой случайностью. Вот, например, звездочка поверх круглого логотипа и мелкие цветочки вокруг экрана. Карен начинает набирать рабочий номер Саймона. Но снова замирает. Она этого не вынесет. Она не может найти в себе силы, чтобы объяснить происшедшее. Пожалуй, нужно подождать, пока придет Анна. Она поможет. Карен кладет телефон, ругая себя за неспособность справиться со своими чувствами. Обычно она умела держать себя в руках.

- Карен, здравствуй.

Она поднимает голову.

Слава богу, знакомое пальто, сумка, лицо: это ее подруга.

* * *

Прежде всего Анна подходит и обнимает подругу. Карен встает и тоже обнимает Анну, и какое-то время они так стоят, молча. Потом Карен снова садится, и Анна садится напротив, но тут же чувствует, что это слишком далеко, и потому передвигает стул вокруг стола и наклоняется, чтобы взять подругу за руки.

Ее поразило, как утренние события преобразили лицо Карен. Обычно она выглядит здоровой и полной энергии, но теперь румянец со щек сошел. Она бледна, у нее изнуренный вид. Ее длинные волосы, обычно блестящие, как конский каштан, намокли и потускнели, а орехового цвета глаза, обычно искрящиеся теплом и эмоциями, остекленели и смотрят перед собой. Радость и энергию заменили страх и смятение. И изменилось не только лицо, а вся ее

фигура. Ее как будто действительно выжали или высосали каким-то гигантским пылесосом. Она поникла, как будто из нее вышел воздух. И еще она страшно дрожит, особенно руки. Хотя - да благословит ее Бог! - Карен очевидно пыталась что-то написать. Анна видит перед ней листок бумаги.

Ей хочется поднять ее и перенести в свою уютную комнату, вытереть, обсушить, усадить в самое удобное кресло, завернуть в одеяло и растопить камин. Она бы приготовила для Карен горячий шоколад и дала печенье. Но вместо этого они сидят здесь - Анна оглядывается - в месте, которое и в лучшие-то времена выглядит уныло, что и говорить про дождливый февральский день. Здесь определенно нет ничего привлекательного - большое помещение освещают голые лампы, мебель металлическая и поломанная, и вся обстановка далека от утешительной, насколько это вообще возможно в кафе.

- Мне очень жаль, - ласково произносит Анна, глядя на Карен с робкой сочувственной улыбкой. Ей в самом деле жаль Карен, и, пожалуй, ей никогда в жизни не было так ее жаль. Она чувствует, как слезы щиплют глаза, но она *не должна* плакать.

Карен качает головой:

- Я не понимаю, что случилось.

- Да, - шепчет Анна.

- Наверное, я в шоке.

- Да, милая, мы обе в шоке. - Она смотрит на руки подруги, которые держит в своих. У обеих едва заметно обозначаются пигментные пятна. «Мы обе стареем», - думает Анна.

- Говорят, сердечный приступ.

- Да.

Карен глубоко вздыхает.

- Пожалуй, нам нужно уйти. Я ждала тебя.

- Где Саймон?

- Там специальная комната, они занимались с ним.

- Конечно, - кивает Анна. Она гадает, будут ли делать вскрытие. Наверное, это несколько задержит похороны. Но и может ответить на некоторые вопросы. У нее самой много вопросов, а у Карен, несомненно, еще больше. Опять же, возможно, Карен не захочет вскрытия. Оно уже не вернет Саймона.

- Но, прежде чем уйти, я подумала, ты не могла бы кое-куда позвонить за меня?

- Конечно. Кому?

- Просто я действительно не могу этого сделать.

Анна сочувственно улыбается.

- Конечно-конечно. Кому позвонить?

- Юристам, если нетрудно. Просто они нас ждут. И Саймону на работу...

Она замолкает.

Анна берет дело в свои руки.

- Не проблема. У тебя есть номера?

- Да, вот. Может быть, легче позвонить с моего телефона.

- Конечно.

Анна берет со стола мобильник Карен в знакомом кожаном футляре с наклеенными стикерами.

- Давай, сначала позвоним юристам. - С одной стороны, ей неприятно быть такой приземленной и практичной, а с другой - хорошо, что можно хоть чем-то помочь Карен. - Только скажи, вы уже поменяли жилье?

Карен качает головой.

- Нет... Мы собирались подписать документы сегодня.

«Уф!» - про себя говорит Анна. Это означает, что есть поле для маневра. Она переключается на тон «давай покончим с этим».

- Хорошо. Я звоню юристам. Скажу им, чтобы на время приостановили процесс.

- Они будут очень недовольны, - вдруг обеспокоившись, говорит Карен.

- А вот на это мне наплевать! И тебе тоже. Об этом волноваться не будем, хорошо?

- Хорошо.

- Ну, где номер?

- Продавец тоже рассердится... - добавляет Карен. Это типично для нее - думать о других.

- И до него нам тоже дела нет, - категорично заявляет Анна. - Подождет. В данный момент мы думаем о тебе.

Карен кивает.

- Номер, - настаивает Анна.

- Вот он. - Карен, чьи мысли снова приходят в движение под руководством Анны, находит его.

- Хорошо. - Анна встает. - Но я позвоню с улицы, здесь слабый сигнал. Подожди меня здесь недолго, ладно?

- Угу.

Анна открывает дверь кафе, и на нее обрушивается холод и дождь. На самом деле уровень сигнала внутри такой же, как на улице, она солгала с благим намерением: ей казалось, что будет дипломатичнее, если Карен не услышит ее объяснений про смерть Саймона, это принесло бы лишь еще одну порцию ненужной боли. Поскольку это, конечно, первый

звонок из многих, которые еще предстоит сделать, ей кажется правильным по мере возможности смягчать переживания Карен.

11 ч. 35 мин.

- Значит, мисс, вы одна из этих? Лесбиянка?

- Что?

Лу проводит беседу один на один с четырнадцатилетним Аароном, и хотя в своей работе она встречается с широким спектром тем - с наркотиками, отказом родителей от детей, нищетой, изнасилованиями, - вопрос застает ее врасплох. Она беседует с учениками, которых исключали из столь многих школ - ее мать по-прежнему настаивает на слове «выгоняли», - что им уже не найти места в государственной системе. И они продолжают образование в специальных заведениях, где царит гораздо более строгое отношение учителей к своим ученикам. С недавних пор Лу работает в таком заведении. В дополнение к урокам дети по желанию могут раз в неделю беседовать с ней. Она встречается всего с пятнадцатью учениками, и со всеми без исключения приходилось туго.

- Вы слышали, что я сказал, мисс.

Лу нравится, когда ее называют по имени, но Аарон не может избавиться от привычки обращаться к ней «мисс», как к начальству, - хотя выражает этим скорее вызов, чем уважение. У него тощие ноги, джинсы приспущены. Положив ногу на ногу и откинувшись на спинку стула с наигранной беспечностью, Аарон продолжает:

- Одна из этих - вы знаете, *лесбиянок*? Любите женщин? Содомитка? Да?

Личная жизнь - запретная тема для Аарона, и он прекрасно это знает. Он намеренно провоцирует Лу, и она не поддается на провокацию. Но она также знает, что этой области нельзя избегать полностью: как подросток, Аарон исследует собственную сексуальность. И Лу старается осторожно направить разговор в другое русло.

Он пододвигается на стуле, глядя на нее.

- Почему вы не хотите мне сказать? Стыдитесь?

Она не собирается втягиваться в этот разговор, но он ведет себя слишком вызывающе.

- Ты считаешь, Аарон, этого нужно стыдиться?

Он с довольным видом откидывается на спинку.

- Получается, что да.

И снова Лу предпочитает не отвечать.

- Почему не хотите сказать мне, мисс?

Она проявляет твердость.

- Мы находимся здесь, чтобы разговаривать о тебе, Аарон, а не обо мне.

- Вы что же, думаете, что я буду с вами откровенен, если сами не хотите рассказывать о себе?

Резонно, думает Лу, но так дело не пойдет: Аарон использует эту тему, чтобы отвлечь внимание от себя. Не будь она его консультантом-психологом, она, *может быть*, и сказала бы ему о своей ориентации. Но это противоречит терапевтической динамике и вряд ли пойдет на пользу, особенно если он спрашивает, главным образом, лишь для того, чтобы удовлетворить свои вуайеристские потребности. Тем не менее поучительно, что он в настоящий момент привязался к этой теме; раньше он говорил только на отвлеченные темы, и Лу хорошо знакома была эта тактика уклонения. Про себя она улыбается, оценив эту увертку. Они оба уклоняются от нежелательных тем.

- Кайра тоже считает, что вы лесбиянка, - добавляет Аарон.

Прекрасно, думает Лу. Значит, они меня обсуждают. Значит, вероятно, и другие ученики этим занимаются. Лу не хочет в дидактических беседах касаться своей сексуальности, и не только потому, что признание не соответствует ее роли, но и потому, что дети, с которыми она имеет дело, могут быть агрессивны, и некоторые крайне нетерпимы к другим, не таким, как они. Она сама об этом слышала - про насмешки над одним из учителей, которого сочли чересчур «шикарным», про запугивание слишком прилежных учеников, про жестокое издевательство над толстым воспитателем. У нее не было ни малейшего намерения подвергать такой угрозе свою личную жизнь. Она проработала в этой школе всего один семестр и не говорила директору и другим учителям о своей сексуальной ориентации. В конце концов, возмущенно думает Лу, какое им до этого дело?

Она твердо решила, что Аарон должен сосредоточиться на себе.

- Мы оба знаем, что пришли сюда обсуждать не Кайру, или то, что Кайра думает обо мне, - говорит Лу и, помолчав, спрашивает: - Впрочем, мне интересно. Какая тебе разница, лесбиянка я или нет?

- Значит, все-таки лесбиянка, - удовлетворенно ухмыляется Аарон. - Я так и думал.

Он как будто удовлетворился этим, и Лу решает не подталкивать его. Но интуитивно понимает, что этим разговор не ограничится. Аарон наверняка будет снова ее провоцировать.

* * *

Позвонив юристу и Саймону на работу, Анна хочет позвонить еще кое-куда, прежде чем вернуться к Карен. Ей нужно сделать это поскорее, поскольку ее беспокоит, что Карен сидит одна. Ей нужно рассказать обо всем Стиву. Она уже дважды пыталась ему дозвониться, из поезда, но он не брал трубку, а это не такое дело, о котором можно написать сообщение. Однако на этот раз он ответил.

- Алло? - заспанным голосом буркнул Стив.

- Ах, наконец. Я тебе сто лет не могу дозвониться. Ты где был?

- Ой, извини, я спал.

Типично, думает Анна, взглянув на часы. Уже почти полдень. Она знает, что у Стива нет четкого расписания работы - он маляр, и у него бывают периоды простоя. Тем не менее сегодня понедельник, и ее раздражает, что он полдня провалялся. В обычных обстоятельствах, когда она сама встала полседьмого, это бы возмутило ее, но теперь то, что он проспал такую

беду, нарушает ее планы потактичнее сообщить ему страшную новость.

- Мне нужно, чтобы ты проснулся.

- Да, да, я проснулся.

- Кое-что случилось.

- Да? Что?

- Это касается Саймона.

- Саймона, это который с Карен?

- Да.

- И что же он натворил?

- Он не *натворил* ничего. - Раздражение Анны нарастает.

Стив не очень дружил с Саймоном, но как нелепо со стороны Стива предположить, что Саймон что-то натворил. Она выпаливает новость, уже не думая о тактичности:

- Он умер.

- Что за шутки!

- Нет, Стив, я не шучу. - Она молчит, давая ему осознать произнесенные слова. - Умер в поезде. От сердечного приступа.

- О, Боже. - Стив, очевидно, понял по ее тону, что это серьезно. - Каким образом?

- Точно не знаю. Полагаю, обширный инфаркт. Кажется, его пытались реанимировать, но безрезультатно.

- Господи Иисусе! Бедная Карен.

- Ну да...

- Ты где сейчас?

- С ней.

- Значит, не пошла на работу?

Анна вздыхает, ее гнев отступает. Все равно в основном ее злость направлена на то, что случилось, и Стив тут ни при чем.

- На самом деле, я поехала. Долго объяснять. Расскажу потом. Мне просто нужно, чтобы ты знал, вот и все.

- Ну, да, черт, очень жаль. Я немного шокирован. - Анна слышит шорох простыней, когда он садится на кровати. - Ты где находишься?

- В кафе в Кемптауне, напротив больницы.

- Что собираешься делать?
- Не знаю. Наверное, какое-то время побуду с Карен. Я ей нужна. Она в полном ступоре, можно понять.
- Конечно.
- Саймона перенесли в морг или куда-то вроде этого, так что мы через минуту туда пойдём.
- Ладно. М-м-м... а что с детьми?
- Они с няней.
- Они знают?
- Нет, ещё нет. Пожалуй, мы сделаем это позже.
- Тебе нужно, чтобы я приехал?

Анна задумывается. Ей бы не помешала поддержка, но она не на сто процентов уверена, что Стив улучшит ситуацию. Когда речь идет о чувствах, Стив бывает немного неуклюж, - не всегда, но бывает, и она никогда не знает, как все получится. Он не знаком с Карен так же близко, как она. Плюс ко всему, ей представляется, что сейчас Карен лучше быть не с парой, а с одной подругой.

- Нет, нет, пожалуй, лучше не надо.
- Я могу что-то сделать?

Она снова задумывается. Не так просто попросить о помощи.

- Сейчас ничего не могу придумать.
- Точно?

Она понимает, что он сделает все возможное. И совсем смягчается:

- Нет, не беспокойся. Я позвоню позже. Просто будь дома, когда я приду. - Ей не хочется, чтобы, когда она вернется, он оказался в пабе - в этом, по крайней мере, она уверена. - Может быть, приготовишь ужин?
- Конечно, приготовлю.

И тут на Анну накатывает волна чувств. Стив, может быть, не идеален, но он жив, и она благодарна судьбе за это. Нет, не просто благодарна, а рада своей удаче.

- Я люблю тебя, милый, - говорит она.
- И я тебя тоже, зайка. Ты сама знаешь.

Это правда. Когда он в настроении и трезв, Стив один из самых заботливых мужчин, кого Анна знала.

* * *

Без пяти двенадцать, когда у Лу перемена, звонит ее мать. Мать знает, что у нее бывает несколько свободных минут между беседами, и имеет кошмарное обыкновение выбирать такой момент, чтобы занять все это время. К тому же звонит на стационарный телефон, так что Лу не может не взять трубку. Ведь это может оказаться кто-то из коллег, которые тоже знают, что она в это время свободна, и Лу обязана отвечать. Она терпеть не может этой маминой привычки, потому что ей нужно развеяться в свободное время, а мамины звонки, даже трехминутные, поглощают все ее внимание. Мать говорит быстро, и - как кажется Лу - за сто восемьдесят секунд умудряется вызвать большую нервозность, чем любое другое человеческое существо. Сегодня голова у Лу особенно забита, она пытается осознать, что случилось утром в поезде. Хотя теперь черта с два что-нибудь получится.

- Дорогая, - говорит мама, - знаю, что поздновато спохватилась, но я звоню, чтобы узнать: не смогла бы ты приехать в выходные? Будут дядя Пэт и тетя Одри, и им бы очень хотелось тебя увидеть.

«Ой, только не это», - думает Лу. Она любит тетю Одри, сестру матери, но дядю Пэта выносить почти так же трудно, как и маму. К тому же у нее свои планы на выходные.

Но мать тараторит дальше, не давая вставить ни слова:

- Ты знаешь, дядя Пэт в последнее время не совсем здоров...

Конечно, Лу знает, как она может не знать? Дядя Пэт страдает болезнью Крона [8] почти с тех пор, как Лу его помнит, а недавно его состояние особенно ухудшилось. Она также знает, что мама пользуется дядиной болезнью, чтобы манипулировать дочерью, заставляя делать то, что ей нужно, но в своих манипуляциях мать напоминает паровой каток, который расплющивает все на своем пути.

- Ну, сейчас ему снова лучше, после того, как пролежал несколько недель. Так что можешь представить, тете Одри отчаянно хочется куда-нибудь выйти. Она целую вечность просидела в этом маленьком бунгало...

Лу содрогается от этой жуткой мысли и сочувствует тете Одри.

- ...И конечно, я пригласила их к себе. Они придут, как только смогут, как только я освобожу для них комнату к выходным.

Мама Лу живет в деревне, в большом доме близ Хитчина, в котором сдает комнаты.

- Дело в том, что...

Лу собирается с духом, хотя уже знает, какая сейчас последует реплика. Ну, конечно:

- ...Я вряд ли справлюсь с ними обоими одна.

И она наносит еще один удар, чтобы убедиться, что Лу повержена и уже не встанет.

- С моим бедром мне трудно ходить по магазинам, показывать им окрестности, развлекать.

Ерунда, думает Лу. Когда она решает сдать комнаты, никакое бедро ее не останавливает. Готовить английский завтрак, стелить постели, храбриться - с незнакомыми это куда труднее, чем с дядей и тетей Лу. Странно: когда дело касается денег, мама со всем прекрасно справляется.

А из трубки льется:

- Вот я и подумала, что ты могла бы приехать - тебе ведь не так далеко, верно, дорогая? Хорошо бы ты приехала в четверг после работы. Ты можешь сесть на поезд из Хаммерсмита до Кингс-Кросса, а оттуда приехать сюда.

Если бы Лу не привыкла к подобному, она бы не поверила - мать действительно хочет заарканить не на два дня, а на целых три. «А как же моя сестра? - в ярости думает она. - Джорджия не может помочь?» Но Лу знает, что нет смысла спорить. У младшей сестры муж и дети, и мама никогда не просит у нее и четверти того, что требует от Лу.

вернуться

8

Болезнь Крона - хроническое воспалительное заболевание, поражающее весь желудочно-кишечный тракт: от полости рта до анального отверстия. (Прим. ред.).

- Мам, - наконец, говорит она, понимая, что пустой разговор подходит к концу, так как мать уже высказала свою настойчивую просьбу, скорее даже требование, - ты слишком поздно мне сообщила, у меня уже планы на выходные.

Это правда: прежде всего, по утрам в пятницу она играет в теннис, потом помогает в местной ночлежке для бездомных, а в субботу ее пригласили на день рождения.

- Правда? Так жаль. Ну, что ж, если ты так занята... - Следует пауза, но можно догадаться, что мать разочарована.

- Дай подумать. Я посмотрю, что можно сделать.

Снова молчание. Лу знает, что мама ждет, когда она снова заговорит - искусная тактика, рассчитанная на то, чтобы добиться своего.

- Может быть, я смогу ненадолго заехать, - наконец, уступает Лу.

Вина, чувство вины! Лу в ярости. Она знала, что сдастся, она всегда сдастся.

- Хорошо, дорогая, конечно, три дня было бы лучше. Ну, не буду настаивать.

«Как великодушно с твоей стороны», - думает Лу.

И тут раздается стук в дверь. Следующий ученик.

- Слушай, мама, мне пора заканчивать разговор.

- Конечно, конечно, хорошо. Но Лу...

- Что?.. - Она старается не выдать нетерпения.

- Ты вечером мне сообщишь? Просто если ты не сможешь, мне придется отменить их визит. А будет нехорошо, если я сообщу им об этом *слишком* поздно.

«ПОШЛА ТЫ К ЧЕРТУ!», – думает Лу, но вслух произносит:

– Да, конечно, – и кладет трубку.

Она так зла и чувствует себя такой обиженной, что ее колотит. Такой матери – вечно что-то требующей, поглощенной собой, такой ограниченной – что же удивляться, что Лу никогда честно не говорила ей о своей сексуальной ориентации?

12 ч. 06 мин.

Больница – лабиринт коридоров и палат, пристроек и временных помещений. Карен и Анна не в том состоянии духа, чтобы разобраться в указателях. Они направляются в палату экстренной помощи, но когда добираются туда и спрашивают, им велят подождать. В конце концов, появляется дружелюбная медсестра.

– Кто-то из вас миссис Финнеган? – спрашивает она.

Карен кивает.

– Вашего мужа положили в смотровую комнату. Если хотите, я провожу вас туда.

– Пожалуйста, – говорит Анна.

Они следуют за дамой, энергично выстукивающей каблуками по застеленным линолеумом лестничным пролетам и бесконечным коридорам и в итоге оказываются у дверей с надписью «МОРГ». Все это кажется ужасным, бесчеловечным.

Медсестра звонит, и их впускают.

– Это миссис Финнеган, – говорит она человеку в белом халате.

– Мистер Финнеган в смотровой комнате, – говорит он. – Но подождите секунду. – Он открывает шкафчик и достает большой мусорный мешок. – Кто из вас миссис Финнеган?

– Я, – говорит Карен.

– Это личные вещи вашего супруга.

– О, спасибо.

Она заглядывает внутрь.

– Это в основном одежда. И его портфель.

– Хорошо.

– Если хотите, я провожу вас, – говорит медсестра и ведет их ко второй двери.

Она открывает ее, и они входят.

Саймон лежит на спине, сложив руки на белом хлопковом одеяле. Анна замечает, что на нем больничный халат. Свет проникает через окно, прикрытое жалюзи; рейки жалюзи повернуты так, чтобы можно было видеть, но освещение не слишком яркое.

- Пожалуйста, можете оставаться здесь, сколько хотите, миссис Финнеган, - говорит медсестра.

- Правда?

Анна удивлена. Она думала, что время будет ограничено.

- Да, - заверяет их медсестра. - Насколько я понимаю, смерть вашего мужа наступила внезапно?

Карен снова кивает.

- Некоторым помогает, если они какое-то время остаются у тела родственника. В самом деле, торопиться некуда. Можете оставаться несколько часов, если хотите.

- Спасибо, - благодарит Карен.

Медсестра обращивается к Анне:

- Вы ее подруга?

- Да.

- Можно сказать вам пару слов за дверь?

- Конечно.

Они выходят в коридор.

- Лучше на какое-то время оставить миссис Финнеган с ее мужем одну, - тихо советует медсестра. - Иногда это помогает людям смириться со случившимся. Должно быть, для нее это ужасное, просто ужасное потрясение.

- Да, конечно. - Анна так и собиралась сделать. - М-м-м... Прежде чем вы уйдете, можно у вас кое-что спросить?

- Да, конечно.

- У моей подруги, у Карен, двое маленьких детей.

- О... - Медсестра сочувственно вздыхает.

- Я просто подумала, ну, что нам с ними делать? Как им сказать?

Медсестра глубоко вздыхает.

- По моему опыту, лучше не ограждать их уж слишком. Так что, если ваша подруга успеет принять случившееся, будет лучше, если вы посоветуете ей быть с детьми по возможности откровенной. Конечно, в разумных пределах, если они совсем маленькие.

- Как вы думаете, следует привести их попрощаться?

- Сколько им лет?

Анна задумывается и отвечает:

- Три и пять.

Медсестра отвечает не сразу.

- Это действительно тяжело, даже и не знаю, что вам посоветовать. Но лично я - а мы в кардиологии часто видим смерть, - я бы сказала да, если они захотят прийти, приведите их. Хотя сегодня, позже, вероятно, тело мистера Финнегана придется перенести отсюда.

- Куда?

- Поскольку он умер внезапно, должно быть вскрытие.

- Когда это будет?

- Зависит от расписания, но как только сочтут удобным. Потом его тело передадут в похоронное бюро.

- А там будет возможность его увидеть?

- Да, конечно. И не беспокойтесь, мы в свое время можем все это объяснить миссис Финнеган. Доктор уже почти все ей рассказал, но людям в такой ситуации часто нужно повторять несколько раз.

- Понятно. И спасибо. - Анна улыбается. - Вы действительно очень помогли.

- Это моя работа, - говорит медсестра, и Анну поражает, какой приземленной кажется в сравнении с этой ее собственной работа.

* * *

Пока Анна за дверью разговаривает с медсестрой, Карен медленно подходит к столу, на котором лежит Саймон. Дождь на улице прошел, и день проясняется, так что свет, проникающий сквозь жалюзи, создает на одеяле полосы, которые дугами изгибаются на руках. На груди дуги большие и широкие, и на краткое мгновение Карен кажется, что одеяло поднимается и опускается, как будто Саймон дышит, еле заметно, как бывает во сне.

- Саймон? - шепчет она.

Но он не отвечает.

Она не может поверить, что он умер. Ей говорили, что он умер, но по-прежнему кажется, что он здесь. Она смотрит на его лицо, ища ответа. В нем что-то изменилось, но черты те же. Глаза закрыты, знакомые темные ресницы на фоне щек, брови нужно подровнять, такими они были и вчера вечером. Он чисто выбрит - все-таки еще достаточно рано, а к вечеру пробьется щетина, кажется, так обычно происходит? Линия волос такая же, он гордится своими волосами - один из немногих предметов его тщеславия. Они густые, темные и блестящие, хотя и тронуты сединой. «Замечательные», - как-то раз она слышала, как он бормочет перед зеркалом, и несколько раз он хвастался перед ней, что у него волосы гуще, чем у младшего брата Алана, который сильно сдает. Тогда она улыбнулась про себя, ей показалось забавным, что зрелые мужчины соревнуются в наличии признаков молодости.

Она без вопросов и не задумываясь узнает широкую грудь Саймона, выпирающую под одеялом.

И его руки, слегка веснушчатые и покрытые венами, и волоски на тыльной стороне кистей поблескивают на солнце, кисти по-прежнему большие и квадратные, гораздо сильнее, чем у нее.

И все же...

На нем больше нет рубашки, которую он гладил сегодня утром, когда она кормила детей завтраком. Нет запонок – их она подарила мужу два года назад на Рождество. Рубашку сняли и заменили зловещим голубоватым халатом. И обручальное кольцо тоже сняли; сам Саймон никогда его не снимал. Но на пальце остался след: Саймон в последние годы расплелся, Карен это знает.

Боль от этих перемен ошеломляет ее, пугает. Карен чувствует, как учащается дыхание, а горло схватывает, как будто кто-то ее душит.

У кровати стоит стул, она быстро садится.

Так лучше.

Карен придвигает стул поближе, берет Саймона за руку. Как странно. Рука кажется во многом знакомой, да и лицо тоже. Но она холодная. Руки у Саймона никогда не были холодными, даже когда он мерз. У нее, Карен, было плохое кровообращение – пальцы на ногах и руках у нее часто мерзли. Но у Саймона они никогда не были холодными.

Значит, они правы.

Она всматривается в его лицо. Дело не в том, что щеки побледнели: иногда они бывали серыми, у него не такой здоровый цвет лица, как у детей, но никогда у него не было такого лица. Кажется, что оно выглядит бессмысленным, каким-то съежившимся, как будто какой-то части не хватает, она исчезла. Ушла жизнь, и в нем нет души. Нелепо – а может быть, не так уж нелепо, – Карен вспоминает, как умер Чарли, их кот. Он был очень старым, и однажды залез под кухонный стол, туда, где чувствовал себя в безопасности. Когда она потом нашла его, то заметила, что тело его было прежним, а самого кота не было, он перестал быть похожим на Чарли – стал похож просто на дохлого, никчемного кота, его шерсть потускнела, пасть застыла и высохла. Как будто его душа, то, что делало его собственно Чарли, испарилась.

И то же она теперь видит в Саймоне – часть его исчезла.

– Саймон? – снова окликает она.

И снова он молит.

– Куда ты ушел?

Молчание.

В памяти вспыхивает сцена в поезде. Тихий булькающий звук, когда его стошнило рядом, и «бух!», когда его голова ударилась о столик. Осознание, что произошло что-то страшное, когда он не ответил на ее крики; спешащие люди, медсестры...

И снова на нее накатывает страшный вал тревоги.

Она смотрит на его руку у себя в своей руке, надеясь что эта рука даст ей опору. Эта рука

поддерживала ее бессчетное число раз, гладила ее по голове, доводила до оргазма. Рука, которая писала записки, открытки ко дню рождения, рисовала бесконечные ландшафтные дизайны. Рука, которая подписывала чеки, держала молоток, пилила дрова и даже – хотя и не так часто, как хотелось бы – развешивала выстиранное белье. Рука, которую она крепко сжимала – так крепко! – когда рожала, как будто это могло уменьшить боль. И рука, которая держала за ручку Молли, когда сама Карен держала ее за другую, лишь вчера, когда они вместе раскачивали ее над тротуаром, возвращаясь с берега моря. «Раз, два, три... Оп!» – слышит она голос Саймона. И ей до сих пор слышится громкий смех Молли, когда та взлетает в воздух, а потом приземляется маленькими ножками на мостовую. Он бы не уронил Молли, правда? Она такая маленькая. «Обними меня, как папа!» – одна из частых просьб дочери. И Люка тоже. Он, может быть, уже немного перерос для папиных объятий, и теперь им с Саймоном приходится самим просить его обнять их, но он все-таки ласковый мальчик, который больше всего на свете любит устраивать с отцом шутливую потасовку.

Нет, Карен не может поверить, что Саймон не вернется.

И тут дверь с легким щелчком отворяется. Несколько секунд ничего не происходит, и на несколько мгновений Карен кажется, что это он: что он услышал ее и вернулся. Ее сердце колотится, взлетает...

Но Саймон лежит на кровати рядом.

Она оборачивается к двери.

Это Анна.

Конечно, теперь Карен понимает причину паузы: у нее в руках два пластиковых стаканчика; ей пришлось сначала открыть дверь, потом взять их в руки и войти.

- Привет, – говорит она. – Я принесла нам чаю.

* * *

Чай – вот что сегодня нужно Лу к обеду. Этим утром у нее дел больше, чем обычно. В предыдущую неделю были каникулы, а обычно по утрам, перед тем, как идти на работу, она пьет чай. Но сегодня не успела, и это первая возможность передохнуть и отвлечься. Дождалась, в конце концов, небольшого перерыва. Ей срочно нужно чего-нибудь теплого и утешительного, она даже положила в чай сахар – обычно она пьет сладкий чай, лишь когда заболевает. У Лу в кабинете психотерапии есть чайник. Холодильника нет, поэтому она каждое утро берет на школьной кухне пригоршню пакетиков сухого молока. В результате у чая довольно неприятное послевкусие, но это лучше, чем каждый раз, когда хочется чаю, тащиться в другой конец здания. Кроме того, она любит предлагать ученикам, когда они приходят на сеанс, чашку чая или кофе; она чувствует, что это помогает им расслабиться, довериться ей и дает почувствовать себя взрослыми и ответственными.

Ожидая, когда закипит чайник, она осматривается вокруг и размышляет. За те несколько месяцев, что она проработала в этой школе, Лу попыталась создать собственное пространство – или, точнее, собственное пространство, наполненное ученикам. Многим ее посетителям трудно сидеть перед ней один на один, поэтому она завела для них разные игрушки и принадлежности, чтобы они могли играть во время разговора. К стене прислонен огромный, наполненный бобами бамбук – «дождевая флейта»: одному мальчику, похоже, было легче доверять свои секреты под ее мягкий стук, и во время сеанса он все время брал ее и вертел в руках. В углу большой пластмассовый ящик с пластилином: некоторым из тех,

кто помладше – здесь дети учатся с одиннадцати лет, – легче расслабиться, когда они крутят и мнут его во время беседы. На стенах множество постеров: распечатки из Интернета, которые ей кажутся интересными, абстрактные узоры, на которых, она надеется, отдыхает глаз, иллюстрации «чудес света XX века» из одной воскресной газеты. И последнее по очереди, но не по важности – гигантская распечатка произведения поп-арта в рамке над диваном провозглашает черными буквами на белом фоне:

Я ЗНАЮ, КТО Я

«Интересно, тот мужчина, который умер сегодня утром, – как Анна его называла? Саймон? – он знал, кто он?» – думает Лу. Не то чтобы это было теперь действительно важно, знал ли или нет, но Лу чертовски уверена, что пока ты жив, это важно. Она видит, сколько вреда приносят родители, которые не понимают, кто они такие, и это выражается в насилии и оскорблениях, что, в свою очередь, вызывает отклонения в их детях.

А что с женой того человека, с Карен? Какое влияние на эту сравнительно молодую женщину окажет столь внезапная утрата партнера? Лу верит, что частично люди определяют себя через своих любимых, и ее глубоко тронуло положение Карен, прежде всего ее переживания. Все эти чувства появились в ее душе после знакомства в такси с Анной. Такая внезапная смерть, сломавшая жизненные приоритеты и чувства живых: только что Карен пила кофе и была поглощена разговором с мужем – и вот она уже видит последние моменты его жизни. Лу не может прогнать образ Саймона, его упавшая голова с разинутым ртом стоит перед глазами. Понимал ли он, что происходит, что он умирает? Как страшно умереть вот так, без предупреждения, без возможности сказать, как он любил жену, не имея времени попрощаться. А если ему было страшно, то еще страшнее было Карен, оставшейся с тысячей вопросов, с миллионом невысказанных слов.

Чайник закипел. Лу рассеянно берет пакетики с чаем, кладет в кружку, заливает кипятком, размышляя, как эти события освещают ее собственную жизнь. Знает ли она, кто она такая? Знают ли другие? Постер напоминает ей о насмешках Аарона. Хотя она уполномочена вмешиваться в личную жизнь учеников, полностью ли она честна сама с собой, почему она не обо всем рассказывает другим сотрудникам школы? Она знает, что бывали моменты, когда она могла легко все рассказать, но предпочла не делать этого. И хотя быть белым пятном на карте в чем-то лучше, в этом есть множество преимуществ, *должна* ли она продолжать скрывать с коллегами? Она относительно довольна тем, как обошлась с Аароном, но, может быть – хоть в какой-то степени, – он прав? В конце концов, как она может просить подростков рассказать о себе, если сама утаивает некоторые стороны своей жизни? Как она может предлагать им открыться, когда сама закрыта – «в чулане» – ото всех, с кем работает?

До сих пор ей было легко давать рациональные объяснения своей осмотрительности. Она просто хотела защитить себя от дискриминации или отторжения. И опять же, ее идентичность, ее чувства должны больше касаться ее, а не ее коллег. А многие из них, похоже, свободно говорят о своих партнерах, и неизбежно их отношения всплывают наружу, пусть даже мимоходом.

Пожалуй, ей нужно поставить в известность хотя бы директора. Определенно, следует рассказать старшему преподавателю про насмешки Аарона. Что касается остальных коллег, это сложный вопрос. Тема кажется столь интимной, столь сложной, как огромный клубок колючей проволоки – невозможно распутать, не уколовшись.

Не удивительно, что теперь ей нужен сладкий чай.

15 ч. 10 мин.

Анна едет в больницу в машине Карен. Она беспокоилась, что подруга не в состоянии сидеть за рулем, и хотя сама Анна тоже вся дрожит, но не до такой степени. Чтобы посадить детей к себе в машину, пришлось бы переставлять детские сиденья из потрепанного «ситроена» Карен, поэтому лучшим решением показалось сесть за руль ее машины самой. Это заняло некоторое время, поскольку обе не были слишком взволнованы для поездки, но это хотя бы позволило Анне дать Карен побольше времени, чтобы побыть с Саймоном.

Она поставила машину на больничную стоянку и заходит внутрь. В обычных обстоятельствах Анна хорошо ориентируется в пространстве и знает, что Карен полагается на нее, поэтому подчиняется инстинкту, и, несмотря на свое душевное состояние, ей удается снова найти смотровое помещение.

Там жарко и душно, а Карен по-прежнему сидит на том же самом месте, где Анна ее оставила. Наполовину пустой пластиковый стаканчик с чаем стоит на столике с колесиками, в правой ладони она держит руку Саймона.

- Привет, милая, - говорит Анна.

- А, привет.

- Может быть, нам лучше уйти?

- Уйти? - Карен, не понимая, оборачивается к Анне. Она как будто в еще большем ступоре, чем была раньше. Ее глаза покраснели, но Анна не уверена, что она плакала - она кажется слишком потрясенной для слез.

- Нужно забрать детей, - напоминает ей Анна. - Уже почти полчетвертого.

- Ах... да... конечно...

- Так ты готова?

Анне все это тяжело. Кажется жестоким заставлять ее уйти.

- Не знаю...

Долгое молчание, Анна просто ждет.

- Не знаю, смогу ли я прийти. Не думаю, что ему будет хорошо без меня.

Анна чувствует, что у Карен разрывается сердце; ее собственное тоже разорвалось на кусочки.

- О, дорогая.

- Он не любит спать один.

- Да, я знаю. - Карен раньше говорила это Анне, и Анну всегда это удивляло - так странно для такого большого, похожего на медведя, мужчины.

- Я могу забрать детей, если хочешь, - предлагает она. - Если тебе нужно еще время.

Хотя непонятно, сколько еще времени понадобится Карен и как Анна будет занимать Люка

и Молли все это время.

От такого предложения Карен вздрагивает.

- О, нет. Я не могу просить тебя об этом. Нет, нет, я должна сама. Ты права. Я нужна детям. - Медленно, все еще сжимая руку Саймона, она встает.

- Он будет здесь, если ты захочешь вернуться позже, - говорит Анна.

- Будет?

- Какое-то время... да...

Сказав это, Анна вспоминает слова медсестры о вскрытии, а потом тело Саймона передадут в похоронное бюро; она чувствует, что и Карен вспомнила об этом.

Карен глубоко вздыхает.

- Пожалуй, я смогу увидеть его на похоронах. - Она неохотно отпускает руку Саймона и берет свою сумку. - Ладно. - Она изображает улыбку, хотя Анна видит слезы в ее глазах. - Пошли.

Анна тянет черный мусорный мешок - там лежит тяжелый портфель Саймона. Они выходят из комнаты и из больницы и подходят к машине. Анна кладет мусорный мешок в багажник, они садятся в машину и пристегивают ремни.

- Странно видеть тебя за рулем моей машины, - замечает Карен, когда Анна включает зажигание.

- А мне странно вести ее. Она настолько больше моей.

- Здесь грязно, - замечает Карен. - Извини.

И у Анны сжимается сердце: несмотря на свою беду, она еще думает о других - как это похоже на Карен. И от этого становится только хуже.

Всю дорогу они молчат.

Трейси живет в Портслейде, милях в трех к западу от больницы. Туда ведет прямая дорога вдоль моря, обычно Анне нравится здесь ездить. Даже в тусклый февральский день, как сегодня, это место заключает в себе то, что она любит в жизни на южном побережье - архитектурное разнообразие, где современные дома перемежаются со старыми; здесь даже зимой царит какой-то праздничный дух, и можно почувствовать свою близость к природе. Дождь прошел, но тучи тяжело нависли над Брайтонским моллом, отчего праздничные украшения на площади и яркие огни кажутся еще более вызывающими. К тому же поднялся ветер, море беспокойно, до горизонта бегут белые барашки, напоминая о мощи природы. Потом Анна и Карен проезжают мимо ветхого ряда отелей в стиле эпохи Регентства с пустыми висящими корзинами для цветов и облупившимися балюстрадами, мимо неуклюжего бетонного сооружения семидесятых годов в центре Брайтона, где проводятся партийные конференции и бесчисленные комедийные шоу и рок-концерты. Рядом развалины Западного мола, его черные опорные колонны связаны сеткой балок; наверху в порывах ветра кружатся и ныряют чайки.

Дальше идет древняя эстрада с красивыми ажурными украшениями, в конце концов

обновленная городским советом, и, наконец, они въезжают в Хоув с его грандиозными рядами сливочных домов и пастельными пляжными павильонами.

Вскоре они подъезжают к дому Трейси, представляющего собой нелепую карикатуру тридцатых годов на тюдоровский стиль [9], его окружает живая изгородь из кипарисов. Дом не очень красив и изящен, но в нем просторные комнаты и большая лужайка позади – это удобно для женщины с подростками своими детьми и кучкой чужих малышей на попечении.

Анна заглушает двигатель и, прежде чем выйти, поворачивается к Карен. У той лицо стало серым, она крепко вцепилась в свою сумку, так что побелели костяшки. Анна сжимает ей руку.

- Мужайся.

Она уже позвонила и сообщила Трейси о случившемся, чтобы не волновать Карен лишней раз. Но очевидно Трейси ничего не сказала о страшной новости Молли и Люку. Она присматривает за обоими малышами два дня в неделю с годовалого возраста (хотя теперь берет Люка лишь время от времени, поскольку он ходит на полный день в школу). И все же, какой бы блестящей няней она ни была, нельзя ожидать, что Трейси возьмет на себя смелость сообщить детям о смерти их отца. Кроме того, Карен хотела продлить хотя бы на несколько часов детскую безмятежность.

В результате, когда женщины идут по дорожке к дому, из окна радостно выглядывают два милых личика.

- Мамочка! – кричат Молли и Люк, они соскакивают со спинки дивана и бросаются к двери.

Не успевает Карен постучать, хромированная полоска щели для писем открывается, и оттуда тарачатся знакомые глаза.

- Это ты, Молли? – говорит Анна, наклоняясь.

- Это крестная Анна! – вопит Молли.

Слышится возня, и появляется другая пара глаз.

- Что ты тут делаешь? – спрашивает Люк.

- Отойдите, – слышен голос Трейси.

Слышен звон отпираемой цепочки, и дверь отворяется.

- Привет, мои хорошие. – Карен опускается на корточки и берет обоих на руки. Она крепко прижимает их к себе, все крепче и крепче, словно от этого зависит ее жизнь.

Анна смотрит с крыльца. Это невыносимо.

- Ой! – через несколько секунд кричит Люк. Он отталкивается, и Молли следует его примеру.

- Мама, смотри, что мы сделали! – кричит она, дергая Карен за блузку и таща за собой в прихожую.

Анна вслед за ними следует на кухню, Трейси идет за ней по пятам. На столе поднос с пряничными человечками, некоторые совсем обгорели.

- Ух ты! - говорит Карен.
- Хочешь один? - спрашивает Молли, выбрав.
- М-м-м, можно попозже?
- Почему?
- Просто я сейчас не голодна, я бы съела пряник попозже с чашкой хорошего чаю. Ладно?

Молли кивает.

- Можно мне взять один? - спрашивает Анна.
- Можно ей? - спрашивает Молли у Трейси.

Трейси с виду немного похожа на свой дом. Она явно никогда не была красивой, а теперь, к пятидесяти, раздобрела, и одета скорее практично, чем модно. И все же ее не слишком привлекательный стиль в момент кризиса ободряет: в представлении Анны она из тех, кто представляет собой соль земли, и все ее манеры источают силу и великодушие.

вернуться

9

Стиль поздней английской готики, эпохи правления английской королевской династии Тюдоров в 1485-1604 гг. Особенности стиля сочетают в себе одновременно черты готики, фламандского и итальянского ренессанса. *(Прим. ред.)*

- Конечно! - улыбается она.
 - Спасибо. - Анна берет один, выбрав не слишком подгоревший. Как и Карен, ей хочется продлить для Молли и Люка этот момент - эти последние несколько минут, пока отец для них еще жив.
 - М-м-м! - Она откусывает приличный кусок. - Неужели вы такие умелые? Вы сами испекли эти пряники?
 - Трейси нам помогала, - признается Люк.
 - И Остин, - говорит Молли. Остин - это маленький мальчик, за которым тоже присматривает Трейси.
 - Ну, это просто вкуснятина! Пальчики оближешь.
 - А теперь, дети, где ваши сумки? - подгоняет их Карен.
- Оба послушно убегают в комнату, чтобы собрать вещи.
- Думаю, нам лучше поехать домой.

* * *

Карен поворачивает ключ в двери и заходит в прихожую, за ней дети и Анна. Повсюду, повсюду чувствуется присутствие Саймона. Куртка Саймона висит на перилах с тех пор, как в последние выходные они с Карен выходили из дому; футбольные бутсы Саймона, все в грязи, брошены внизу лестницы после вчерашней игры. На столе в рамке фотография Саймона с его отцом, рядом разбросаны компакт-диски Саймона. Карен даже наступила на письмо, валявшееся на коврике: оно тоже было адресовано Саймону.

Снова прилив паники; но откуда-то берутся силы, о которых она не подозревала, и оттесняют панические волны. Карен идет на кухню поставить чайник. Она не знает, как сказать Молли и Люку, но знает, что нужно это сделать. А когда кладет свою сумку на мойку у раковины, слышится тихое мяуканье, и из-за ящика для овощей вылезает Тоби. Глядя на него, Карен кое-что придумывает.

- Привет, Тоби, - говорит она, беря котенка в руки. Он полосатый, всего десяти недель от роду, его подарили Люку на Рождество. Это котенок одной из соседских кошек, и Люку подарили его с условием, что он подождет до середины января, и только тогда получит подарок - серьезный вызов для маленького мальчика.

- Дай его мне! - тут же говорит Люк.

- Разве мне нельзя с ним поздороваться? - мягко упрекает Карен. Она щекочет Тоби за ушками. Шерстка у него чрезвычайно мягкая, теплая и пушистая, и после ужасных событий дня это ощущение хоть как-то утешает.

- Ладно, - ворчит Люк.

- А теперь, дети, - продолжает Карен, пока Анна занимается приготовлением чая, - кто-нибудь из вас хочет пить?

- Да, - отвечает Молли.

Люк качает головой.

Карен отдает Тоби Люку и приносит Молли соку в пластмассовой чашке с носиком.

Молли берет ее и тут же начинает сосать.

- Ладно, - твердо говорит Карен. - Я хочу, чтобы вы оба - можешь принести и Тоби, если хочешь, Люк, это ничего - пришли ко мне в комнату, я вам что-то скажу.

- Хочешь, чтобы и я пришла? - спрашивает Анна. - Я могу подождать здесь, если так легче.

- Нет, зайди и ты, - говорит Карен.

И Анна с чаем идет вслед за ними. Она выбирает кресло в эркере, это большая комната, и Карен понимает, что подруга не хочет быть слишком навязчивой.

Карен садится на диван и наклоняется вперед.

- Подойдите, - говорит она и привлекает обоих детей с котенком к себе. - Выслушайте меня. То, что я вам скажу, очень, очень печально. И это будет для вас большим ударом. Но я хочу, чтобы вы знали, что что бы вы ни почувствовали, и мама, и папа очень, очень вас любят. - Она с трудом смотрит на лица детей. Люк озадаченно хмурится, Молли посасывает свой сок,

инстинктивно ища утешения.

- Что случилось, мама? - спрашивает Люк.

Карен делает глубокий-глубокий вдох.

- Помните нашего старого кота Чарли? - Она поглаживает Тоби у Люка на руках в надежде набраться от него сил. Он поднимает мордочку, прося погладить ему шейку, блаженно забыв обо всем, кроме удовольствия.

Дети очень серьезно кивают.

- Помните, когда Чарли умер, я сказала, что он будет с другими котами на небесах?

- Что он сможет драться с ними, когда захочет, - вспоминает Люк.

Хотя Чарли был кастрирован, но строго охранял свою территорию и всегда царапал соседских животных - включая кота, от которого родился Тоби. Он даже время от времени провоцировал соседского пуделя.

- Верно, - продолжает Карен. - И я также сказала вам, что Чарли никогда не вернется, но он очень счастлив, дерясь с другими котами на небесах.

- Да, - говорит Люк.

Молли молчит.

Хотя оба стоят прямо перед ней, Карен протягивает руки и сажает дочку на колени. Она привлекает еще ближе к себе Люка с Тоби и говорит еще тише.

- Вот, а сегодня у вашего папы внезапно остановилось сердце. И это значит, что ваш папа тоже умер, как и Чарли.

- Что, он теперь будет играть с Чарли? - спрашивает Люк.

- Да, - отвечает Карен; ей вдруг понравилась эта мысль. - Чтобы помочь Чарли побеждать других котов.

Люк озадачен.

- Но папа будет не только играть с Чарли. Папа будет делать все то, что любит.

- Он теперь на небесах? - спрашивает Люк.

- Да, - отвечает Карен. Она действительно не может придумать лучшего объяснения. Точность тут не важна. Главное - конечно, эмоциональная правда, и нужно сообщить известие как можно мягче и яснее. - Ты поняла, милая? - спрашивает она Молли.

Молли сосет, сосет, сосет свой сок, хотя Карен и слышит, что в контейнере остался лишь воздух.

Карен смотрит на ее личико. Брови насупились, нижняя губка выпятилась. Она видит, что дочка что-то поняла.

- В общем, где бы папа ни был, он может делать все, что любит, ВСЕ ВРЕМЯ. Он сможет играть в футбол... Там много людей, кто любит играть в футбол. Он сможет пить пиво... Я уверена, он найдет там много людей, кто любит хорошее холодное пиво. Он сможет разговаривать с друзьями, дремать после обеда - хоть каждый день, если захочет, - и слушать свою музыку *по-настоящему* громко! И знаете, что особенно хорошо? Ему теперь не придется ходить на работу, ездить в Лондон. Он сможет заниматься своими проектами, которые любит, когда захочет. Для него наступит прекрасное время!

Говоря все это, Карен чувствует себя отстраненной от своих слов; в ее голосе гораздо больше веселья и радости, чем на душе.

- Но разве папа не любит быть с нами, мамочка? - спрашивает Люк.

Карен не предвидела этого вопроса.

- Конечно, любит, милая.

- Но мне показалось, ты сказала, что папа сможет делать все, что любит?

- Ну... - Карен ищет ответ. Конечно, малыш прав. - Просто там, наверху, есть люди, которым нужны папины советы и помощь. Ты знаешь, как папа умеет помогать. И сейчас им нужна помощь больше, чем нам, поэтому он отправился помочь им в каком-то деле.

Люк хмурится.

- Значит, когда поможет им, он вернется?

Господи, как она запуталась!

- Нет, любовь моя, не вернется.

Люк начинает плакать.

- Мой маленький. - Карен крепко обнимает его и прижимается щекой к его каштановым волосам. - Мне так жаль. - Видя его слезы, она тоже плачет. - Это так печально и не очень справедливо. На самом деле папа не хотел нас покидать, но пришлось. Ты знаешь, как иногда приходится делать то, что не хочется, но ведь приходится? Например, чистить зубы и есть овощи?

Люк кивает сквозь слезы.

- В общем, смерть немного похожа на это, в некотором роде. Не хочешь умирать, но приходится.

- Ох!

Теперь плачет и Молли. Карен вспоминает, что Анна сидит в кресле в другом конце комнаты и наблюдает за этой сценой.

- Эй, Анна, подойди и обнимись с нами.

И Анна, явно с облегчением, что может что-то сделать, подходит и обнимает их всех троих, и они вчетвером плачут, вместе, рыдая и захлебываясь слезами.

* * *

Сеансы у Лу заканчиваются в полчетвертого, и потом она идет на собрание, так что уходит с работы она уже после четырех. Несколько минут идти до подземки, и, добравшись туда, она видит, что у стены рядом с газетным киоском сидят Аарон и Кайра. Миновать их невозможно; а если она повернется и пойдет в другую сторону, они заметят. Поэтому она продолжает идти своим путем. Приблизившись, она видит, что они курят. Лу не знает, стоит ли делать им замечание, вмешиваться в ситуацию, которую вряд ли сможет улучшить, но они, увидев ее, быстро тушат сигареты о стену рядом, оставив на красном кирпиче черные пятна. Поскольку они не в школе, а ей не хочется казаться слишком строгой, она решает не замечать этого.

- Здравствуйте, мисс, - говорит Аарон, искоса бросив на нее взгляд.

- Здравствуй, Аарон. Здравствуй, Кайра. Как у вас дела?

- У меня все хорошо, мисс, - отвечает Аарон. - А у вас?

- Как ни странно, устала, - говорит Лу, останавливаясь рядом.

Это правда: к утреннему потрясению добавились рабочие обязанности, и сразу после инцидента пришлось вести себя как консультант-психолог. Теперь прилив адреналина прошел, и больше всего хочется поспать.

- Значит, всю ночь не спали, мисс? - спрашивает Аарон.

Лу хмурится. Она видит, к чему он клонит.

- Нет, - категорично отвечает она. - Вчера было воскресенье.

- Некоторых это не останавливает, - замечает Аарон.

- Вы были с женщиной? - спрашивает Кайра. В ее тоне смесь неприязни и любопытства.

Тут Лу могла бы просто уйти, но интуитивно чувствует, что они сочтут это бегством, что только подзадорит их. Она смотрит на подростков, на нее, потом на него, прямо в глаза. У Аарона глаза темно-карие, вызывающие. У Кайры светло-голубые, агрессивно прищуренные. Аарон трет землю кроссовкой, Кайра тербит свои длинные волосы, оба дают выход избытку энергии.

- Я смотрела «Улицу коронации» [10], - заявляет Лу, - а потом костюмный фильм по ITV. А потом легла спать.

- В «Улице коронации» есть один гей, - говорит Кайра.

Боже, эти двое быстро соображают.

- Да, в самом деле, - кивает Лу. Она отмечает про себя, что это напоминает стиль беседы на их индивидуальных.

А Кайра продолжает:

- Вы лесбиянка, мисс?

В такие моменты Лу жалеет, что не выбрала более подходящую арену, чтобы работать

консультантом-психологом, такую, где не встречаешься с клиентами вне назначенного сеанса. По сравнению с прежним местом работы, консультации в школе имеют более размытые рамки.

- Аарон говорит, что это так.

Именно сегодня у Лу не хватает сил. Однако Кайра не дает передышки:

- Это и так ясно, можете не говорить.

- Знаете, ребята, если хотите это обсудить, будет лучше, если мы сделаем это в более подходящее время.

- А чем плохо сейчас?

Лу глубоко вдыхает. Это уже похоже на запугивание.

- Думаю, ты знаешь, Кайра. Хотя я и уважаю твой интерес к моей личной жизни, тебе известны правила: если я не хочу что-то рассказывать, то это мое право. Если вы хотите обсудить что-то еще, то, пожалуйста, поговорим об этом на сеансе - а здесь публичное место. Обсудим завтра, ладно?

- Но как же вы просите нас делиться с вами своими чувствами, а сами не хотите делиться своими?

- Дело в том, что у нас разные роли.

- Это звучит как полная чушь, - с вызовом произносит Аарон.

Она может лишь восхититься его находчивостью. Лу часто говорит ученикам, что на сеансах нужно быть честными и откровенными, и понимает его точку зрения.

- Мне жаль, что ты это так ощущаешь, - признает она, - но и ты должен уважать мои чувства. А теперь я пойду домой, я очень устала.

Она уходит.

- Но мы по-прежнему считаем вас лесбиянкой, мисс, - кричит вслед Кайра.

19 ч. 57 мин.

Вечером, когда она приходит домой, она не видит на коврике почты, в доме не чувствуется затхлого воздуха, не царит тишина.

Стив собрал ее письма и положил на столик при входе, в доме тепло, но не душно, пахнет чем-то вкусным, и доносятся звуки радио.

- Привет, - слышится голос из кухни. - Ты, наверное, совсем без сил.

Анна чувствует прилив благодарности - какой контраст с возвращением домой Карен. Она идет на кухню, там у плиты стоит Стив в ее переднике. Хотя передник без всяких рюшек - это не в стиле Анны, - но пастельно-зеленый, в клеточку, явно женский, и есть нечто трогательное видеть такого мачо в этом переднике. От этого он как-то извращенно кажется еще мужественнее и красивее. А Стив несомненно красавец. Высокий, широкоплечий,

с растрепанными волосами соломенного цвета, он из того сорта мужчин, на которых женщины оборачиваются на улице – и некоторые мужчины тоже, если уж на то пошло, учитывая, что это Брайтон. Анна не сомневается, что своим успехом в профессии Стив в большой степени обязан своей внешней привлекательности – в конце концов, она сама попала на это, когда переехала в этот дом, и ей потребовалось сделать ремонт. Она также заметила, что его внешность, похоже, не вызывает тревоги у нормальных мужчин – вероятно, потому, что он также хорош в том, что их связывает – Стив обожает пабы, спорт на открытом воздухе, машины.

- Я готовлю спагетти по-болонски, – говорит он, кладя деревянную ложку.

Настроение Анны становится еще лучше. Она опасалась его реакции на дневные события, боялась, что до ее прихода он пропустит несколько рюмок. Обычно он реагировал на чужие трагедии именно таким образом. Но она бы не сказала, что он совершенно трезв. На самом деле она бы не выдержала, если бы он не был сегодня таким внимательным, и благодарна ему за все.

- О-о-о, слюнки текут! – Она чувствует запах помидоров, мясного фарша, грибов, лука и чеснока. Это именно то, чего ей хочется поесть, – такое домашнее, утешительное, полное углеводов, и одно из коронных блюд Стива. Он настоящий повар. Стив вообще хорош во всем, что связано с работой руками. («Значит, должен быть хорош в постели», – шутила Карен, когда Анна с ним познакомилась).

- Иди сюда. – Он выключает радио и раскрывает объятия.

Анна шагает к нему и прижимается к его груди, вдыхая его запах, чувствуя тепло его тела, его силу, его твердость. Ей просто необходимо утонуть в его объятиях, и она издает долгий тяжелый вздох, стараясь изгнать из себя все, через что прошла в этот день.

- Ну и денек у тебя выдался. – Стив целует ее в макушку. – Что тебе налить?

Сейчас Анне бы очень хотелось большой бокал красного вина, но она говорит:

- Чашку чаю, – хотя чаю уже напилась сегодня.

- Это точно?

Она кивает.

- Если начну сейчас пить, то не остановлюсь.

Это неправда, и она знает это, но если он тоже будет пить с ней, то ему будет не так легко, как ей, ограничиться всего лишь парой бокалов.

- Ладно. Один чай. Теперь садись, вот так.

Анна с облегчением садится за кухонный стол, и Стив, не спрашивая, массирует ей плечи. Он инстинктивно понимает, где нужно снять напряжение, и нежными движениями разогревает мышцы. Анна вертит головой, расслабляясь.

- Как хорошо!

Он находит узел мышц у нее на шее за затылком и усиливает давление большими пальцами.

- Да, именно здесь... Спасибо...

Она откидывается назад и целует его, куда попало – губы скользят по его рубашке, и Анна чувствует сквозь ткань мышцы у него на груди. Она чуть не возбудилась, но не совсем – слишком напереживалась от всего случившегося.

- Ну, рассказывай, – говорит Стив.

Анна снова вздыхает.

- Боже, это совершенно ужасно.

И, словно движения его рук выкачивают из нее весь негатив, из нее льется одним долгим потоком – поезд, такси, звонок Карен, больница, тело Саймона, дети.

Когда она заканчивает, Стив спрашивает:

- С Карен кто-то остался, когда ты ушла?

- Да, почти сразу приехала мама Саймона, и его брат Алан уже ехал прямо с работы. Он ушел пораньше, так что уже должен быть у нее. Помнишь его?

Стив кивает.

- Конечно. Хороший парень. Да, наверное, это было что-то.

- Они хотят выбрать для Саймона одежду, в которой его будут хоронить. Это будет занятие. – Анна вздрагивает. – Но, по крайней мере, Филлис, насколько я поняла, останется на ночь.

- Хорошая мысль. Не думаю, что Карен следует оставлять ночью одну. – Он прекращает массаж и возвращается к плите помешать спагетти.

Сковорода стоит на медленном огне, и Анне слышно побулькивание. Потом Стив подходит к столу, со скрипом отодвигает стул и садится. Теперь его черед вздохнуть.

- Черт, бедная Карен. – Он трет глаза и проводит руками по волосам. – Боже мой! Наверное, теперь она не сможет себе позволить новый дом.

вернуться

10

«Улица коронации» – британский телесериал, созданный Тони Уорреном и стартовавший 9 декабря 1960 г. В главных ролях – Хелен Ворф, Уильям Роуч, Энн Киркбайд.

Анна кивает: он озвучил то, что они с Карен еще не обсуждали, – деньги.

Стив продолжает:

- У Саймона была застрахована жизнь?

- Думаю, да. Саймон думал об этом.

- Ты хочешь сказать: в отличие от меня, – смеется Стив, но в его голосе слышны горькие нотки. Он остро чувствует, что недостаточно зарабатывает.

- Да, в отличие от тебя, - соглашается Анна, но в ее тоне нет упрека, а только нежность. Сейчас она так рада, что Стив рядом, полон жизнью и энергией, что у нее нет желания подшучивать над чем бы то ни было.

Ощущение жизненной энергии Стива вдруг возвращает ее в больницу. Она никогда не забудет вида Саймона. Раньше она никогда не видела мертвого тела и не знает, чего ожидала, но что-то было не так. При жизни Саймон был даже больше Стива - просто танк, а не человек, - но сегодня он показался ей совсем небольшим, такой серый, неподвижный.

Она наклоняется ближе к Стиву и берет в руки его ладонь. И снова ее поражает контраст - вот она держит руку своего мужчины так же, как раньше Карен держала руку Саймона. И вот рука Стива, наполненная теплой кровью, с пульсирующими венами, твердыми костями и упругими сухожилиями, с подстриженными ногтями и загрубевшей от физической работы кожей. Она сжимает ее, сжимает крепко. В это короткое мгновение у нее такое чувство, будто только эта рука удерживает ее, чтобы не смело прочь.

* * *

- Еще раз, мамочка, еще раз!

Карен закрывает книжку с картинками и откладывает ее в сторону.

- Два раза достаточно, Молли.

- И мама сегодня очень устала, - говорит мать Саймона Филлис.

Это не то слово: Карен изнемогла почти до оцепенения, но сон тут не поможет.

Пришел и ушел Алан, взяв с собой одежду Саймона, чтобы отдать в похоронное бюро. Она с трудом видела предметы и не могла выбрать одежду для мужа, но постаралась, и с помощью Филлис и Алана они отобрали темно-серый рабочий костюм, белую рубашку и любимый шелковый галстук Саймона.

Теперь Карен и Филлис укладывают Молли и Люка спать. Вместе им удалось покормить их - проще всего оказалось приготовить рыбные палочки и печеные бобы, - искупать, одеть в пижамы и без особых протестов отправить наверх, в их спальню. Карен была благодарна свекрови за помощь и поддержку; она боялась, что одна она бы просто сидела в комнате, обхватив детей, и все втроем они бы проплакали всю ночь. Но в течение последнего часа взрослые отвлекли Молли и Люка и вернули их в нормальное состояние. Тем не менее Карен понимает, что Филлис тоже страшно потрясена. Потерять сына ужасно в любых обстоятельствах, а потерять его на склоне собственной жизни и так внезапно - это удар, которого можно не перенести.

Ее мысли прерывает Люк.

- А где Синий крокодил?

Синий крокодил - их любимая игрушка, потрепанная, кое-где с дырками и торчащей из швов набивкой. Нелепо для крокодила: но он пушистый, хотя мех уже свалился от долгих ласк. В последнее время Люк меньше им интересуется, но по-прежнему просит дать его, когда нужно утешение.

- Вот он, - говорит Карен, кладя игрушку в изножье кровати; Люк хватается крокодила и крепко

прижимает к себе. – Тебя укрыть одеялом?

Люк упрямо мотает головой.

– Я хочу, чтобы меня укрыл папа, когда придет.

Филлис и Карен переглядываются. Он не понял?

Карен думает, что понял. Но может быть, это для него слишком тяжело, выше его понимания. Кроме того, в обычных обстоятельствах, конечно, именно так бы и было: когда Саймон приходил домой после работы, он торопился наверх, перешагивая через две ступеньки, чтобы успеть пожелать детям спокойной ночи.

– Нет, мой маленький, ты помнишь, что я вам говорила? Боюсь, сегодня папа не придет.

– Да? А завтра?

– Нет, мне очень жаль. – Карен не хочет, чтобы он снова плакал – это расстраивает и ее. И она меняет линию поведения. В настоящий момент она может предложить лишь себя, и потому говорит: – Но, может быть, я просто посижу с тобой, пока ты не уснешь? Мы можем выключить свет, но я буду здесь, на стуле, пока вы оба не уснете.

– Хорошо, – соглашается Люк.

– Я, пожалуй, пойду вниз, – говорит Филлис, вставая.

– Я скоро подойду.

– Спешить некуда. – Филлис гасит свет. – Оставить дверь приоткрытой?

– Пошире, – просит Молли. Они оба любят видеть, что за дверью нет ничего страшного.

Слышно, как Филлис мягко ступает по покрытым ковром ступеням. Карен протягивает руку, чтобы убрать золотистые локоны с личика Молли, и устраивается в деревянном кресле. Это не очень удобно, но ничего. Что ей сейчас надо – это побыть с детьми, когда они засыпают.

Потом, когда они уже дремлют, она обнаруживает, что не может встать с кресла. Она сидит несколько часов в полумраке, только чтобы слышать, как они дышат, живые.

* * *

Уже почти полночь. Свет выключен, окна зашторены, будильник заведен. Анна уютно устроилась под пуховым одеялом, ощущая, как тело Стива изогнулось вокруг нее. Обычно она любит это, такая поза дает ей чувство свободы, уверенности в сочетании с безопасностью от его поддержки. Стив засыпает мгновенно, но у нее в голове сегодня крутятся разные мысли.

Впервые у нее есть возможность подумать о собственных отношениях с Саймоном, насколько ей будет не хватать его. После стольких лет она полюбила его, платонически, но глубоко. Он был корнем в жизни Анны, кем-то, на кого можно опереться. Он поддерживал Карен, а Карен поддерживала Анну. И не только это. Ей будет не хватать его юмора, его доброты, ума, великодушия. Даже когда она бывала у них, и они болтали с Карен лишь вдвоем за кофе на кухне, было какое-то ощущение, что он где-то здесь – смотрит телевизор, играет с детьми, что-то мастерит... Он просто есть. Даже если он был на работе, Анна чувствовала его присутствие. Он придавал каждому моменту, который она проводила с подругой, что-то

непередаваемое, что-то дополнительное. Не просто безопасность, но чувство реальности, основательности, полной *человечности*. Она уважала Саймона, у него были принципы, правила. Он был ландшафтным архитектором и часто имел дело с муниципалитетами или работал над большими жилищными проектами. Он отказывался иметь дело с некоторыми людьми, если чувствовал, что их политические или эстетические взгляды расходятся с его собственными. Саймон был нравственным мериллом, по которому она во многих отношениях оценивала собственную жизнь.

И все это значит, что жить без него будет страшнее, не будет той определенности. Анна чувствует себя, как палатка с недостающими растяжками на ветру, уязвимая, и ее треплет, как будто сейчас сорвет с места. И хотя она понимает, что это лишь малая толика того, что должна чувствовать Карен, тем не менее это ужасно. «Почему Саймон? – думает она, для успокоения плотнее устраиваясь в С-образном изгибе тела Стива. – Почему Карен? Почему теперь?» Она знает, что смерть Саймона должна быть частью какой-то композиции, выстроенной судьбой, что у всего случившегося есть своя причина, бла-бла-бла... но она просто не понимает этого. Карен и Саймон – такие хорошие люди, такие добрые и любящие. Насколько ей известно, они никому не причинили вреда и не заслужили такого наказания, это так несправедливо.

И вдруг она слышит голос матери из прошлого, когда несколько десятилетий назад она сама была еще маленькой; мама объясняла ей: «Но ведь *мир*, милая моя, несправедлив». Тогда этими словами оправдывалось, что другие дети имеют больше, чем Анна: гости получали больше пудинга, у друзей были лучше игрушки, одноклассникам давали больше карманных денег. Конечно, простая философия, но, похоже, только она и делает понятным все случившееся.

* * *

У себя дома в нескольких кварталах от дома Анны Карен одна с открытыми глазами лежит на спине, глядя сквозь темноту в потолок. За двадцать лет они с Саймоном провели очень мало ночей отдельно друг от друга; она так и не может хотя бы отдаленно осознать, как изменилась ее жизнь по сравнению с той, что была двадцать четыре часа назад. Широкая кровать пуста: Саймона нет. Обычно Карен засыпает легко и спит крепко. Несколько секунд, и она через восемь часов уже просыпается. Она не встает, чтобы сходить в туалет, или за чем-либо еще. Только если кто-то из детей плачет, она ворочается, и даже тогда обычно Саймон просыпается раньше, так что обычно это он устраняет проблему. Но сегодня ночью его нет, и Карен не может спать и знает, что не уснет. Она не может плакать, не может двинуться. Все, что она может, – это просто существовать. И ждать утра.

Она все еще лежит, когда через два часа слышится топот маленьких ножек за дверью, звук поворачивающейся ручки, и в комнату просачивается полоска света, в середине которой стоит знакомый силуэт.

Люк. Он волочит за собой Синего крокодила.

– Не спится, малыш?

– Да.

– Мне тоже. Хочешь пообниматься?

Люк кивает, и она поднимает простыню гигантским треугольником, чтобы дать ему место.

Он сворачивается калачиком рядом с ней, и она ласково гладит его по затылку и шее, где волосы касаются воротника пижамки. Через несколько минут он начинает посапывать и засыпает.

Она какое-то время лежит, потом вспоминает: Молли. Если Молли проснется и увидит, что Люка нет, то может испугаться.

Как можно тише, чтобы не потревожить Люка, Карен поднимает простыню со своей стороны кровати и на цыпочках выходит за дверь. Молли посапывает в своей кроватке, простыня сброшена, одеяло и хлопчатобумажная ночная рубашка комом сбились у колен. Карен наклоняется над кроваткой, осторожно выпутывает Молли из постельной путаницы и берет на руки.

Молли тихо сопит, и Карен уносит ее. Потом кладет к себе на кровать, осторожно ложится между детьми и накрывает всех одеялом.

Вдруг Молли спрашивает:

- Где папа?

- Папы нет, милая, - говорит Карен.

Но Молли в полусне; она снова шмыгает носом и быстро засыпает снова.

Потом, тихо-тихо, Карен говорит:

- Папа умер.

Это скорее напоминание себе.

* * *

Менее чем в двух милях от дома Карен в своей квартире, на мансарде, Лу спит на матрасе. Ей снится сон, и такой отчетливый, что кажется реальностью. Ей нужно успеть на поезд. Она страшно спешит - он вот-вот отойдет, - но на пути толпы и толпы людей. Некоторые поворачиваются к ней и со злобным видом преграждают путь, толкают в сторону, прочь от поезда. Другие поворачиваются спиной и тащат большие чемоданы или катят коляски и велосипеды. Они двигаются так медленно, не обращая внимания на Лу. Ей куда-то очень нужно, это действительно важно, но она боится не успеть. И хотя не знает, куда ей нужно и зачем, ей ясно, что решается вопрос жизни и смерти.

Она дергается и просыпается, обливаясь потом, хватая воздух разинутым ртом. В панике она ничего не понимает, но тут видит знакомое окошко за шторой и успокаивается.

Она здесь, дома, а вовсе не на вокзале.

Потом на нее накатывают воспоминания о прошедшем дне, и она молча роняет слезы, сочувствуя незнакомой женщине и той, с которой ненадолго встретилась, пока на подушке у щеки не образуется мокрое, холодное, соленое пятно.

Вторник

05 ч. 34 мин.

На улице еще темно, но Карен слышит далекий шум поезда, и это значит, что уже утро. Тепло Молли и Люка ночью утешало, но ничто не может успокоить смятение чувств. Она снова и снова вспоминает вчерашние события, мысли путаются, как белье в стиральной машине.

Слова Саймона:

- У меня небольшое несварение, - когда они под дождем спешили на вокзал.

Ее слова:

- Тогда возьмем кофе, - и взгляд на часы. - У нас еще есть время.

- Кофе?

- Кофе с молоком может помочь, - убеждала она, но лишь потому, что самой хотелось выпить чего-то горячего. Потом, когда они вошли в здание вокзала, ее приказ: - Я пойду куплю кофе, а ты возьми мне билет.

Она оставила его в очереди, а сама пошла к стойке буфета. А что, если бы она не сделала этого? Что, если бы осталась с ним? Сказал бы он ей, что ему не просто нехорошо, а случилось что-то более серьезное? Тогда они могли бы посидеть на кружке скамеек за книжным магазином, подождали бы несколько минут, может быть, решили бы ехать следующим поездом. А если бы во время сердечного приступа были на вокзале - совсем недалеко от больницы, - все могло бы сложиться совсем по-другому...

Но когда Саймон подошел к ней, Карен сказала:

- Тебе, наверное, нужно поесть, - и буфетчик налил ей капучино с шоколадом.

- Что-то мне не хочется, - ответил он, глядя на выпечку на витрине.

Она тогда удивилась: Саймон редко отказывался поесть. Так почему она не пристала к нему, не спросила, как он себя чувствует?

Вместо этого она настояла:

- Я куплю круассан, - и он согласился.

А что, если причиной был кофе? От него учащается сердцебиение. Карен представляет, как кипящая вода просачивается в темные гранулы чистого эспрессо в картонном стаканчике. Это кажется теперь таким зловещим. И это ей, а не ему, хотелось кофеина. Карен знала, что без нее ежедневный ритуал Саймона состоял из чтения газеты, очередь в буфет в его привычки не входила. В поезде он покупал чашку чаю у девушки с тележкой, когда та проходила по вагону. И если причина в кофе, то, конечно, это ее вина...

А что было, когда Саймон упал? Наступили самые критические секунды до того, как прибыла помощь, когда она могла бы - *должна была* - попытаться оживить его. Что она сделала? Это было совсем на нее не похоже. Ладно, она не знала, как правильно делать искусственное дыхание, но имела какое-то представление. И все же даже не попыталась...

Тогда, в поезде, они разговаривали в последний раз. Их разговор был невероятно банальным - только о ней. Она жаловалась на свою работу, пеняла, что ее начальник переставил ее стол, не спросив ее, и она теперь сидит не у окна. Она работала неполный рабочий день в местном

совете, и ей не очень нравилась эта работа, она стала подыскивать что-нибудь другое, изучала «Аргус» [11]. Разве важно было, где стоит ее стол? Но она тогда так взъелась, будто это что-то значило...

Она так и не попрощалась, даже не сказала мужу, что все время любила его – даже не помнит, когда последний раз говорила ему об этом. При случае писала ему записочку на рождественском подарке «С любовью от Карен». Пока не появились дети, она часто говорила, что любит. И она не стала любить его меньше, когда родился Люк, – даже полюбила больше, – так почему не говорила об этом? Это заняло бы одно мгновение – сказать ему в то утро о своей любви.

Если бы. Если бы. Если бы. Саймон умер, и Карен лежит здесь одна.

Красные светодиоды на часах у кровати показывают 06:01. Странно, что все часы в мире продолжают идти, хотя ее мир как будто остановился. И все же она замечает, как через щелку в шторах начинает просачиваться свет, кричат чайки, а внизу слышно какое-то копошение. Это Тоби – хотя Люку это не нравится, но котенок спит на кухне, и скоро он захочет позавтракать, как и дети.

Она могла бы лежать здесь вечно, но нужно встать. Тогда она сможет начать что-то делать. Нужно кое о чем позаботиться, сообщить кое-кому о случившемся, нужно принять решение насчет покупки дома. И, самое главное – этим утром будет вскрытие. В больнице делают это как нечто само собой разумеющееся, чтобы официально установить причину смерти. Карен не знает, что толку в этом, а мысль о том, что ее любимого Саймона разрежут...

Эта мысль просто невыносима.

Потом, конечно, нужно организовать похороны.

Эта последняя мысль будоражит ее: пока не передумала, Карен выбирается из-под простыней и переносит ноги через Молли, которая свернулась калачиком на краю постели.

Встав, Карен машинально хочет снять с двери халат. Но для этого нужно сначала снять халат Саймона. Он темно-синий, махровый, длиной ниже колена, и хотя ему уже несколько лет, по-прежнему выглядит роскошно; она не может удержаться и прижимает его к себе, вдыхает запах...

Конечно, он пропитался запахом мужа: сочетание дезодоранта, крема после бритья и собственного природного запаха Саймона. Неповторимого, как он сам... Один из ее любимых запахов в мире. И она все еще не может поверить, что он больше не будет так пахнуть.

* * *

Октябрьское утро, отель в Манчестере. По небу за окном несутся серые тучи – несомненно, на улице холодно, но это не важно, Карен и Саймон внутри, в тепле.

– Ой, смотри, – говорит Карен, открывая шкаф. – Халаты. Как шикарно.

вернуться

«Аргус» – брайтонская газета, где есть раздел поиска работы.

– Что, дорогая? – Саймон выходит из ванной; одно полотенце он обернул вокруг пояса, а вторым вытирает волосы. – Извини, я прослушал.

– Смотри, – повторяет она, снимая с крючка один халат и протягивая ему.

Оба халата одного цвета, темно-синие, огромные, с вышитой на груди буквой «М», обозначающей название отеля.

Саймон снимает полотенце и бросает на кровать.

– Превосходно.

Он берет у Карен халат, надевает и завязывает на талии пояс.

– Тебе идет, – замечает Карен.

Ему в самом деле идет. Цвет подчеркивает голубизну глаз, но дело не только в этом – он очень ладно на нем сидит. Халат большой, из роскошного материала, и щедрость покроя отдает должное фигуре Саймона, в отличие от многих нарядов, – подчеркивает широкие плечи и сужается буквой V к талии.

– Угу, – улыбается она. – Ты выглядишь действительно очень мужественно.

– А что ты удивляешься, – смеется он. – Я действительно мужественен.

– Конечно, конечно. – Карен тоже хохочет.

Карен наслаждается. В этом отеле забавно, тем более что не они сами за него платят. Его рекомендовала Анна, а она всегда попадает в точку, когда дело касается вкуса. Интерьеры здесь элегантные, но не скучные, современные, но далеко не минималистские. Хотя отель не слишком дорогой (а то на работе у Саймона выразили бы неудовольствие), во всем здесь ощущается богатство, и Карен чувствует себя избалованной. Прошлой ночью кровать была блаженно удобной, ужин из череды великолепных и захватывающих блюд восхитительным, а перед ужином они даже позволили себе коктейли при свечах в обшитом дубовыми панелями баре. И еще приятные мелочи – пена для ванны представляла собой какой-то безумный состав, отчего Карен представила себя, хоть ненадолго, какой-то невероятно гламурной и успешной особой. И пока Саймон был на конференции, она просто прогулялась по городу, и теперь может провести остаток дня, как заблагорассудится. Наплевав на достопримечательности, она планирует походить по магазинам – Анна говорила, что в Манчестере их достаточно.

Карен садится на табурет у туалетного столика и достает из ящика фен. В это время сзади подходит Саймон и берет ее за талию.

– А ты, моя леди, очень женственна.

Она выгибает спину, запрокидывает голову и целует его.

Она в одном белье и вдруг чувствует возбуждение от сочетания всего окружения, чувства свободы от ежедневной рутины, пощипывания увлажняющего лосьона на коже, и прежде всего от самого Саймона. От него пахнет такой чистотой, такой свежестью, и в этот момент он выглядит особенно физически привлекательным.

- М-м-м, - мычит он, подхватывая ее настроение.

И просовывает руку в ее трусики.

- О-о-о...

Его руки быстро находят свою цель, и он пока что нежен с ней: он хорошо знает ее тело и умеет обращаться с ним.

Она поворачивается к нему лицом и дразнит:

- Не начинай того, что не сможешь закончить. Разве тебе не надо идти?

Он смотрит на часы у кровати и усмехается.

- Надо. Но сначала будет скучный семинар. Если я приду позже, пожалуй, никто не заметит.

- Он длинный? - Она развязывает пояс его халата. У него эрекция. - У-у-у, - снова смеется она.

- Пожалуй, больше шести дюймов, - смеется и он; это очевидная шутка, но такой у него юмор. - Ну, минут сорок, наверное.

- Всего сорок минут? - Она медленно проводит пальцем по волосам у него на животе вниз и снова смотрит на него.

- Ну, может быть, час... - Он приподнимает брови. - Если так хочет моя девочка.

- Хочет, - говорит Карен. - Если собирается делать все как надо...

Она берет его член и начинает ласкать его. Саймон довольно улыбается.

Через несколько минут она сажает Саймона на табурет, и они продолжают акт там, продлевая его, оба чувствуя озорство, какого не знали раньше, потому что они в другом месте, среди восхитительной роскоши, а Саймон в это время должен быть на работе.

Позже, все еще счастливо мурлыча, Карен узнает, что в отеле продают халаты как сувениры на память. И покупает один, чтобы сделать Саймону сюрприз, когда они вернутся домой. А через несколько недель узнает, что забеременела. То ли это случилось этим утром, то ли в предыдущую ночь, она не знает. Но она понимает по своему циклу, что Люк был зачат когда-то во время поездки. Малыш, теперь уже пятилетний, спит у нее на кровати, такой хрупкий и маленький, он сосет большой палец. Мальчик лежит на том самом месте, где обычно лежал Саймон - ее Саймон, такой большой, сильный и мужественный.

06 ч. 30 мин.

Тревога Анны проходит, и она, вздрогнув, просыпается. В три часа ночи она, наконец, уснула, а теперь приобщается к внешнему миру с помощью приемника, всегда настроенного на Радио-4 [12]. Хотя Стив предпочитает музыку, в этой стычке победила Анна, аргументируя тем, что она встает и уходит первая. Все равно последнее слово остается за Анной, хотя она никогда этого не объявляла: это ее дом - Стив делает ипотечные взносы и время от времени платит за аренду или делает ремонт, но все эти действия производит от ее имени. Анна очень тверда - даже свирепа - в отстаивании своих вкусов. Во-первых, она не любит музыку, терпеть не может диск-жокеев. Их решительная боевитость кажется ей чрезмерной, это часто

не соответствует ее настроению. Кроме того, она находит музыку – особенно попсу – слишком расхристанной, слишком низкопробной. Эти песни вызывают у нее уныние, эмоционально выбивают из колеи, а она этого не любит, по крайней мере, с утра. В обычных обстоятельствах ей нравится человеческая речь и новости – какие бы страшные они ни были, – это обращает ее к реальности, помещает в определенное время. Дает чувство стабильности, опору.

Однако сегодня все не так. Не успев открыть глаза, Анна вспоминает события вчерашнего дня: Саймона, Карен. Репортер берет интервью у политика – один шотландец со скрипучим голосом интервьюирует другого, – но она не разбирает ни слова, в ее голове теснятся печаль, тревога, злость и чувства, которые она даже не может определить словами.

Не позволяя себе погрузиться в тревожные мысли, Анна сосредотачивается: сегодня она идет на работу. Карен заверила ее, что вместе с Филлис она прекрасно справится, они с Филлис будут поддерживать друг друга. Анна пойдет вечером. Поэтому нужно встать. Сейчас же.

Стив еще спит, похрапывая. Анна не перестает удивляться, как он может спать при включенном радио, но четыре года, проведенные вместе, доказали, что прекрасно может – возможно, потому что на работе он физически устает. В некотором смысле Анну это возмущает, так как лишний раз подчеркивает, в какую безбожную рань ей приходится вставать и уходить на работу. Но, с другой стороны, ей никто не мешает собраться.

Ночью Стив обнял ее, и рука до сих пор лежит у нее на плече. Анна осторожно приподнимает ее, выскальзывает из-под пухового одеяла и засовывает ноги в поношенные замшевые тапочки. Потом шлепает в дальний конец комнаты и включает маленькую флуоресцентную лампу над туалетным столиком. Лампа не очень яркая; Стив поворачивается на бок, что-то бормочет, и храп возобновляется.

Приняв душ, Анна одевается. Обычно она любит планировать свой туалет – с вечера подбирает туфли, колготки, юбки, блузки и украшения, чтобы одно дополняло другое. Она так делает с университетских времен, когда делила жилье с Карен. Карен всегда считала ее невероятно организованной, и, роясь в поисках чистого белья, она часто слышала голос подруги: «Ты такая зарегулированная зануда!» Карен из тех, кто берет первое попавшееся, если это обычный день, а если случается что-то особенное, надевает то, что первое приходит в голову.

Анна вздыхает. Сегодня Карен не придется решать, что надеть.

Вчера Анна была не в состоянии ничего спланировать, и потому сегодня ведет себя, как Карен, и берет то, что попроще – вчерашнюю юбку и блузку.

Потом делает макияж. Но когда раскрывает глаза шире, чтобы нанести тушь, с трудом сдерживает слезы. Это ее поражает: до сих пор она держалась прекрасно, во всяком случае, нет так уж и плохо, действуя на автопилоте. Слезы льются по щекам, тушь размазывается, а на румянах остаются дорожки. Ей хочется зареветь, как маленькой, но она усилием воли сдерживает слезы.

вернуться

12

BBC Radio-4 транслирует новости, деловую информацию, известия об искусстве, истории, театре, комедийных постановках, науке, религии, книгоиздательстве.

Придется накладывать макияж снова, и если дело пойдет таким образом, она опоздает на поезд в семь сорок четыре. Анна заставляет себя сосредоточиться, и все-таки приводит себя в порядок, хоть и на несколько минут позже.

Утро холодное, но сухое. Светает, и когда она под горку спускается к вокзалу, ее ноги дрожат, а дыхание вырывается белым паром, как из трубы паровоза в старых фильмах.

* * *

Лу любит поспать и превращает свои утренние процедуры в высокое искусство, чтобы продлить время пребывания в постели. Она живет в миле от вокзала, но ее будильник звонит позже, чем у Анны.

Обычно она собирается так: умыться, одеться, поесть, попить, и сделать все это как можно быстрее. У нее в мансарде нет ванны, для нее просто нет места, но упругий шумный душ – ежедневное удовольствие. Ей нравится, как вода смывает смутные ночные ощущения, это чувство подкрепляет мятный шампунь под названием «Бодрящий», от которого пощипывает кожу. Быстро проходит по волосам феном – ей даже не надо смотреть, что она делает, так знакома ежедневная процедура, – потом мазок гелем, и прическа готова. Она с такой же быстротой застегивает хлопчатобумажный лифчик, надевает чистые трусики и футболку, джинсы, застегивает молнию на кофточке. Теперь завтрак. Чашка мюсли и нарезанный банан съедаются стоя у окна – в это время Лу наблюдает за восходящим солнцем, которое удивительным образом преображает небо не востоке. Она с трудом делает последний глоток и пару раз отхлебывает чай, прежде чем надеть парку, заправить штанины джинсов в носки, взвалить на спину рюкзачок и скатиться вниз по лестнице.

Она держит свой велосипед на узкой общей площадке на первом этаже – после долгих препирательств с соседями было достигнуто такое соглашение. Она включает свет – он выключается по таймеру, – чтобы увидеть скважину, зная, что он погаснет, прежде чем она повернет ключ: хозяин на всем экономит, в том числе и на электричестве. Не важно: после нескольких лет Лу и в темноте знает, где что находится. Нужно только открыть входную дверь, спустить по ступенькам велосипед (стуча колесами – ох!) и, забросив левую ногу через раму, отъехать от дома.

Сегодня погода намного лучше, думает она, набирая скорость для разминки, холодно, но свежо – пожалуй, будет солнечно. Она так сосредоточенно крутит педали, опустив голову, что – ой! – приходится резко затормозить, чтобы не налететь на большой автомобиль. Это «скорая помощь», она припарковалась во втором ряду, на крайней левой полосе у Брайтонского мола, перегородив дорогу. Что-то случилось.

Лу слезает посмотреть и видит санитаров с носилками, поднимающихся с пляжа. И сразу понятно, почему не включены проблесковые огни – на лицо человека на носилках натянута простыня; произошло несчастье.

«О, Господи! – думает она. – Неужели опять?»

Но у нее нет времени задерживаться, к тому же – зачем зря глазеть? Поэтому Лу вытягивает правую руку, объезжает машину и сворачивает к витиеватым куполам Павильона [13] и Королевского театра.

Ритм вращения педалей действует, как сито, отсеивая мысли.

«Нужно разобраться с Аароном, – думает она. – Я не могу это запускать. Нужно позвонить

маме и – черт! – сообщить Вик, что не смогу прийти к ней в гости. Мать. Хм-м-м...» Лу постаралась задвинуть протест как можно дальше и ограничилась тем, что удержалась от звонка прошлым вечером, как требовала мать, но к ней она все-таки придет. Она несется по задним улицам Северного Лейна к вокзалу, переключая передачи. Здесь подъем, но Лу привыкла к этому. С обеих сторон ряды белых террас, дома с дверями, открывающимися прямо на улицу. Здесь нет палисадников, а только ящики для цветов под окнами или горшки у порога. Сто лет назад эти жилища принадлежали железнодорожным рабочим и рыбакам.

Теперь сюда давно уже заселились цыганские семейства с маленькими детьми по имени Аполлон или Атлас, студенты в пирсинге и с дредами на голове, художники сомнительного таланта, с трудом набирающие деньги на квартплату.

Лу слезает с велосипеда и катит его через вокзал к велосипедной стоянке позади. Там запирает его на замок, снимает шлем и идет на платформу № 4.

«Как странно, – думает она, вспоминая предыдущее утро, – что все так быстро вернулось к обыденности, все ведут себя так, будто ничего не произошло». И ей грустно, что жизнь одного человека мало кого затронула. А что с тем телом на пляже, что она видела совсем недавно? Наверное, это кто-то из ночующих на берегу, в Брайтоне много бездомных, и зимой им тяжело. Если так, то эта смерть затронет еще меньший круг, а самому человеку вообще мало кто посочувствует.

Лу вздыхает и смотрит на часы. О, хорошо. Она пробирается к передним вагонам, чтобы на Виктории оказаться ближе к выходу, и на ходу смотрит в окна, не мелькнет ли где-нибудь лицо Анны.

Ей бы хотелось снова с ней увидеться, она чувствует с ней связь: очевидно, дело в том, что они обе переживали вчерашнее происшествие. Но то ли Анны еще нет, то ли она сегодня не едет на работу. Хотя Лу дала ей свою визитную карточку, Анна вряд ли позвонит ей первая.

«Надеюсь, у нее все в порядке, – думает она, – и у ее подруги Карен тоже».

* * *

Анна, как всегда, покупает завтрак в магазине «Маркс и Спенсер» в вокзальном дворе и направляется к платформе № 4 и поезду. Он заполнен больше обычного, но ей удалось найти вагон, где можно сесть – хорошо, что поезд отправляется из Брайтона. Она снимает пальто, кладет на полку над головой и садится у окна, как обычно, лицом по ходу поезда. Ей вдруг вспоминается Лу, и она думает, не позвонить ли ей или не послать ли эс-эм-эс. Но сегодня ей не хочется ни с кем разговаривать. Может быть, в другой раз, решает она, когда настроение будет другим.

Через пару минут раздается свисток, и поезд трогается. На остановке Престон Парк кто-то садится рядом, и ее поездка продолжается так же, как это происходит обычно из месяца в месяц, пока поезд не подъезжает к Берджесс-Хиллу, и здесь она снова вспоминает несчастный случай с Саймоном.

Здесь все и произошло. Ровно двадцать четыре часа назад. На этом месте у Саймона случился сердечный приступ.

Неожиданно из глаз снова потекли слезы, и она не может их остановить. Маленькие ручейки снова размывают ее макияж.

Что происходит?

Люди рядом и напротив, которых она не узнает, вероятно, были вчера в поезде, но не догадываются, что она знала того мужчину, который умер.

Из-за слез они примут ее за сумасшедшую. Это ужасно – эти неожиданные приливы чувств. Откуда они берутся? Она лезет в сумку за платочком.

Анна видит, что мужчина напротив смотрит на нее, и пытается ему улыбнуться, сдерживая рыдания. Ничего не получается, выходит лишь гримаса.

И тут, сквозь слезы, приходит свежее осознание случившегося. Она предала Карен во многих отношениях, будучи в том же поезде, в нескольких вагонах от нее.

«А что, если бы я знала, что Карен и Саймон в поезде? – думает она. – Что, если бы мы столкнулись на вокзале? Или случайно оказались в одном вагоне, и я бы увидела их? Если они сидели прямо передо мной, а я просто прошла мимо? Если бы мы были вместе, я бы могла помочь, изменить ход событий, что-то сделать. Но я была здесь, почти что на этом самом месте, читала свой журнал. Ничего не замечая вокруг».

Она вспомнила, как загнула страницу с пиджаком, который хотела купить. Как она материалистична, как поверхностна.

08 ч. 56 мин.

Лу видит, как в нескольких шагах впереди вприпрыжку спешит Аарон: в огромных кроссовках, из-под приспущенных джинсов видны эластичные трусы. Она чувствует исходящий от него запах – тошнотворный, тяжелый. Табак. До школы меньше ста ярдов, еще нет и девяти часов. Ее сердце падает.

Стоит догнать его и встретиться лицом к лицу или пусть себе идет? Строго говоря, он не на территории школы, он за пределами ее ответственности. Особенно учитывая, что она консультант-психолог, а не учитель, поэтому его отношения с ней не таковы, как с остальными педагогами. Ей не хочется выглядеть напыщенной и властной, а их отношения не назовешь гладкими. К тому же сегодня у него нет с ней сеанса, поэтому его досуг непосредственно ее не касается. Проиигнорировать его куда легче. И все же он не станет более сознательным учеником, если никто не будет его одергивать, а это не в интересах Аарона. В дальней перспективе ему нужно вернуться к обычному образованию – показать свою способность учиться в обычной школе. Курение перед уроками этому не поможет.

вернуться

13

«Королевский павильон» в Брайтоне – бывшая приморская резиденция королей Великобритании, памятник архитектуры «индо-сарацинского стиля» 1810-х годов. (Прим. ред.)

Поэтому она ускоряет шаг и через несколько секунд догоняет его.

- Привет, Аарон.

Он застигнут врасплох, у него нет времени выбросить сигарету.

Его манеры ленивы, безразличны.

- О, здравствуйте, мисс.

Он смотрит на нее. Глаза сонные, заплывшие, красные.

- Хотите?

Он протягивает окурок, держа его указательным и большим пальцами.

- Нет, спасибо.

Он тушит его о бетонный фонарный столб.

Лу набирает в грудь воздуха.

- Интересно, зачем ты продолжаешь это делать.

Он смотрит себе под ноги и бормочет:

- А вам-то какое дело? Мы с вами сегодня не встречаемся.

- Я не о себе беспокоюсь. О тебе. Интересно, зачем тебе эта вредная привычка.

Он оборачивается к ней с наглой улыбкой.

- Это делает мою жизнь забавнее, мисс.

- Но что тут может быть забавного?

- Это мое дело.

- Такие пристрастия губительны, особенно в твоем возрасте.

- Значит, вы сами когда-то курили?

Она отдает ему должное: он снова проявил сообразительность.

- Аарон, дело не во мне, а в тебе.

Он прищуривается. Он зол.

- Значит, доложите обо мне?

- Не знаю.

Лу считает, что поддерживать дисциплину – обязанность учителей, а не ее. Если она хочет добиться его доверия, ей не стоит докладывать о проступках Аарона.

Несколько шагов они молчат, продолжая идти рядом.

Они уже почти пришли.

Наконец, он нарушает молчание.

- Похоже, у вас свои секреты, у меня свои.

Она понимает, на что он намекает; в его замечании таится угроза. И его аргумент имеет определенную логику. Он действительно хорошо соображает.

- Ты знаешь основные правила, - напоминает она ему, когда они входят в школу. - Твои отношения со мной не касаются моей жизни. Я здесь для того, чтобы помогать тебе и поддерживать.

- Как скажете. - Но он ухмыляется, уверенный, что обезоружил ее, по крайней мере, в данный момент. - Увидимся.

Аарон поворачивается и уходит по коридору.

Лу, нахмурившись, поднимается к себе в кабинет. Сколько бы они с Кайрой ни продолжали эти игры, даже если будут запугивать ее дальше, результат будет один - она не откроется перед ними; они должны научиться уважительному отношению к окружающим. Тем не менее эти инциденты кое-что дали ей. Ей понадобится поддержка коллег, она хочет признаться директрисе. Ей придется поговорить с ней, как только обеим представится удобный случай.

* * *

Сразу после девяти Анна выходит из лифта в маркетинговое агентство Челси, где она работает внештатным копирайтером. Большинство людей ничего не знают о том, что случилось вчера, напоминает она себе, отгоняя мысли о Карен и Саймоне. Пожалуй, только ее начальник, которому она позвонила вчера утром, и Петра, женщина, которая планирует ее работу, немного в курсе. Но у них свои заботы, у них этот случай вызовет лишь мимолетный интерес, не более.

Конечно, немедленный вопрос секретарши у входа:

- Вам лучше?

Анна не поправляет ее. Если коллеги думают, что она заболела, ее это устраивает.

- Да, спасибо, - отвечает она и открывает двери в шумный офис, где проводит свои рабочие дни.

Стол Анны отделен от бухгалтерии загородкой высотой по плечо, через нее слышно, как молодая женщина по ту сторону стучит длинными ногтями по клавишам.

В креативном отделе ее коллеги ведут себя, как обычно: слева Колин, новый парень, только что из колледжа, что-то бормочет себе под нос, читая вслух рекламные сообщения, чтобы засечь их время при передаче по радио. По пачке листов А4 у него в руке она видит, что он записал несколько разных идей. Он такой сообразительный, что само его существование вызывает у Анны чувство вины. Справа от нее Билл, художественный директор, и Ян, еще один копирайтер, говорят о вчерашней телепередаче. Они больше похожи на нее - очень опытные в своем деле, средних лет, уставшие от жизни, язвительные. Оба ей нравятся. Но прежде чем Анна успевает позволить себе немного поболтать с утра, на нее набрасывается Петра.

- Привет, Анна! - энергично говорит она. - Тебе лучше?

Значит, начальник не сказал даже Петре, в чем дело. Анна не знает, то ли считать это осторожностью с его стороны, то ли безразличием, но не важно – так даже легче. Если кто-то будет с ней слишком добр, она может снова расплакаться.

- Да, спасибо, – кивает она, и Петра дает ей несколько писем, чтобы сделать наброски для страховой компании.

Поначалу Анну парализует страх: а вдруг она не сможет выполнить работу? Но через минуту она собирается с мыслями и начинает набирать текст. Через полчаса она чувствует себя уже вполне комфортно, и ей приятно сосредоточиться на знакомом деле. В конечном итоге она находит в себе силы выйти в коридор, где никто ее не услышит, и звонит Карен.

* * *

Карен стоит в кухне, глядя в большое створчатое окно до пола, но на самом деле ничего не видя, а Филлис сидит за столом с ручкой в руке. Дети в комнате смотрят «Дору-следопыта» [14] – не совсем то, что Карен бы одобрила в этот час, но сегодня все не так, как обычно.

Она могла бы что-нибудь надеть – хотя если бы кто-то попросил ее закрыть глаза и сказать, что на ней сейчас надето, она бы не вспомнила, – и могла бы приготовить детям завтрак, но сама даже не в состоянии ничего проглотить. Физически она чувствует себя странно. Хоть она и не двигается, но ноги кажутся легкими, как будто ступни не касаются пола. Она вроде тех фигур на картинах Шагала, где они летают в пространстве, вытянув руки и ноги, бросая вызов гравитации. Хуже того, она постоянно испытывает приливы ужасной паники, отчего у нее захватывает дыхание и колотится сердце.

Они с Филлис пытаются составить список друзей и родственников, которым нужно сообщить о смерти Саймона. Филлис взялась записывать, а Карен должна вспомнить имена. Если бы это было так просто! Все вверх дном, все не так, как должно быть, в том числе и память.

«Возьми себя в руки, – говорит она себе. – Они должны узнать, что случилось».

Карен смотрит на часы.

- Пожалуй, я могу сейчас некоторым позвонить. Самое подходящее время.

Филлис кивает.

- Но прежде чем ты позвонишь, я тут подумала: пожалуй, я бы сходила в похоронное бюро, посмотрела на Саймона.

- Конечно, – говорит Карен. – Конечно, ходите.

У Филлис срывается голос.

- Это кажется просто нереальным. – Она начинает плакать. – Мой мальчик...

Бедная Филлис. Даже сквозь собственную боль Карен чувствует боль матери о сыне. Каково было бы ей самой потерять Люка? Конечно, возраст ничего не значит. Карен подходит и кладет руки на согнутые возрастом плечи свекрови, а голову прижимает к ее мягким волосам. Они на какое-то время застывают в этой позе, ничего не говоря, только у Филлис текут слезы, – физический контакт говорит больше слов.

- Давайте тогда позвоним туда, - наконец, предлагает Карен. - Узнаем, когда можно прийти к Саймону после вскрытия. Думаю, с этого и надо начать.

- Ты пойдешь со мной?

Карен колеблется. Ей хочется ухватиться за всякую возможность, чтобы побыть с Саймоном - она бы и вчера вернулась в больницу, если бы не Молли и Люк. Но в этом-то и дело: нужно подумать о них.

- Я лучше останусь. Но я бы хотела попрощаться с ним.

И тут их разговор прерывает детский голосок:

- С кем вы собираетесь попрощаться?

Обе оборачиваются и видят Люка.

- С твоим папой, - говорит Карен, не успев остановить себя.

- Но ты же, кажется, говорила, что папа не вернется.

О, нет, она *снова* их запутала.

- Извини, малыш, он не вернется.

- Так как же бабушка собирается говорить с ним?

- Она хочет попрощаться с его телом, а не с самим папой.

- Я не понимаю.

- Папино тело перестало работать. - Она глубоко вздыхает. - Это очень печально, и мы будем очень по нему скучать. - Но Люк, похоже, ничего не понимает, и Карен продолжает: - Помнишь, я говорила вам вчера, что с ним вроде того, что случилось с Чарли? Помнишь, как тело Чарли было еще здесь, когда он умер, и мы его закопали в саду, но самого Чарли уже не было?

вернуться

14

«Дора-следопыт» - американский обучающий телесериал для детей.

- Мы и папу закопаем в саду?

Карен не удерживается от тихого смешка.

- Нет, милый, нет. Ведь папа особенный человек, и мы через несколько дней устроим то, что называется «похороны». Это вроде как прием гостей, но люди будут печальными, и некоторые, может быть, будут плакать. Вот тогда ты, я и Молли сможем должным образом с папой попрощаться.

- Но я хочу поговорить с папой сегодня! - Малыш топает ногой. - Разве я не могу пойти

с бабушкой?

Карен и Филлис смотрят друг на друга. Обе не знают, что сказать, что делать.

Филлис сажает его на колени и тихо говорит Карен:

- Знаешь, это, может быть, неплохая мысль, если он хочет. Я видела моего дедушку, когда была ненамного старше него.

Карен не уверена, что это будет правильно. С одной стороны, ей хочется оградить Люка, а с другой, она никогда не баловала детей, и это поможет ей самой побыть с телом Саймона. «Как бы решил Саймон? – думает она. – Захотел бы он, чтобы дети увидели его в гробу, холодного и безжизненного?» Она не уверена, что он одобрил бы такое решение. И все же она вспоминает их разговор, когда умер его отец, что, дескать, сейчас скрывают смерть близких от детей, а Саймон как раз этого не одобрял. Он знал прошлое своего отца – тот был ирландский католик и регулярно ходил в церковь, – и когда отец умер, Саймон и Филлис постарались отнестись со всем уважением к его религии.

- Традиция изменилась – смерть стала более публичной, – сказал тогда Саймон, когда гроб перед похоронами поставили в родительском доме. – Папа бы захотел, чтобы было так.

Но хотя Саймон думал, что такое подобало его отцу, это все равно было другое поколение. Действительно ли он захотел бы того же для себя?

Мысли Карен лихорадочно крутятся в голове. В то же время она сознает, что Люк рядом и ждет. Сейчас не время медлить.

Пожалуй, в данной ситуации лучше всего прислушаться к желанию Люка. Она опускается на корточки рядом с ним, нежно берет его за плечи и заглядывает в глаза.

- Люк, милый. Если хочешь пойти попрощаться с папой, то, конечно, можешь отправиться туда с бабушкой. Но папа будет выглядеть не так.

Люк как будто немного испуган.

- Как не так?

- Этого не надо бояться. И не беспокойся, – заверяет она сына.

- Увидишь, – говорит Филлис. – Он будет совсем неподвижен.

- Как будто спит?

- Похоже. Но еще неподвижнее.

Он кивает и, взглянув на Филлис, объявляет:

- Я пойду с тобой.

Карен так гордится его отвагой, что едва сдерживает чувства.

В это время звонит телефон. Карен вскакивает и, взяв трубку, успокаивается: это Анна.

* * *

Любезности не нужны.

- Как ты сегодня? - интересуется Анна.

- Ужасно, - отвечает Карен, но криво усмехается.

Анна благодарна ей за это - приятно слышать хоть такой смех.

- На самом деле ты застала нас, когда мы пытались кое-что решить. Подожди минутку, я только выйду. Мне пригодится твой совет.

Пока Анна ждет, ей слышно, как дверь открывается, а потом снова закрывается.

- Просто Филлис захотела пойти посмотреть на Саймона, - понижает голос Карен.

- Ну, хорошо. - Анна хмурится, не понимая, в чем проблема. - Он все еще в больнице?

- Его перевезут в похоронное бюро - это недалеко отсюда, по дороге в Хоув. Его перевезут туда сегодня утром после вскрытия.

- Так она, конечно, может поехать туда? Она ведь водит машину?

- Да, да, водит. Это не проблема. Просто Люк тоже захотел туда поехать.

- Люк? - Анна старается говорить прежним тоном. Почему-то она не может представить Люка рядом с Саймоном. Инстинктивно ей хочется уберечь его от травмы. Увидеть мертвого Саймона было достаточно страшно ей самой, а тут пятилетний малыш.

Карен объясняет:

- Он подслушал, что Филлис собирается туда поехать, и теперь тоже хочет попрощаться.

- А...

- Что ты думаешь?

- Ей-богу, Карен, это твои дети! Я действительно не знаю, что делать. А что Молли?

- Я подумала, что мы с ней останемся дома.

- Хм-м-м, не знаю. - Анна призывает всю свою эмоциональную отзывчивость и постепенно приходит, как ей кажется, к правильному решению. - Если ты даешь такую возможность Люку, то, может быть, нужно разрешить и Молли тоже попрощаться с отцом.

- Но ей всего три годика. Ты не думаешь, что для нее это будет чересчур?

Тут Анна вспоминает:

- Но та милая медсестра вчера посоветовала тебе, чтобы ты взяла детей посмотреть на него. Если они захотят.

- Правда?

- Да, она говорила об этом. Извини, я не напомнила тебе.

Анна чувствует себя виноватой: снова подвела Карен.

- О, не беспокойся. Мы все вчера были не в себе. Ну, мы и сегодня не в себе...

- Ты всегда можешь ей позвонить и спросить, но она говорила об этом, да. - Анна замолкает, потом добавляет: - Ведь Саймон же не изуродован, верно? Он не попал в аварию и никакой несчастный случай с ним не произошел... Если бы такое случилось, тогда бы я не сказала нет: его вид мог бы их потрясти. Но он кажется умиротворенным.

- Да, это так... М-м-м, может быть, ты права... И все же я бы не стала заставлять малышку...

- Нет, конечно нет.

- Я знаю, что делать: я спрошу ее саму.

- Звучит очень разумно, - соглашается Анна. - Я уверена, ты поговоришь с ней так, что она поймет, и посмотрим, что она скажет. Но я думаю, что потом она будет благодарна за это.

«Боже мой, - через несколько минут думает Анна, положив трубку. - Кто я такая, чтобы поощрять Карен на такие поступки? Я провожу половину своей жизни дома, ни с кем не общаясь. Никто из моих коллег почти ничего не знает о моих бедах, ведь так? Представляю, что бы сказали Билл или Ян, если бы я рассказала им, на что способен Стив, когда напьется. Конечно, они бы пришли в ужас».

Анна вздыхает. Держать все переживания в себе не хорошо. После смерти Саймона это кажется еще более неправильным и вредным. Она возвращается за стол к своим письмам, стараясь снова отвлечься от этих мыслей. Но они по-прежнему в ее голове, просто поедают ее. Тайны. Ложь. Саймон жил так прямо и откровенно, что его смерть бросает неприятный свет на то, как много невысказанного она держит в себе.

Она не знает, сколько еще сможет выносить такую жизнь, и теперь видит все совсем иначе.

10 ч. 51 мин.

- Это ты, Лу?

Учащенное дыхание. Лу сама собиралась позвонить, но мать ее опередила. Лу изображает энтузиазм.

- Да, мама, привет!

- Я вчера думала, ты мне позвонишь.

От этих слов Лу становится плохо.

- Извини, да, знаю... Я, м-м-м... Мне до того нужно было позвонить подруге, а потом я собиралась позвонить тебе. Я тебе говорила, что мне пришлось кое-что отменить, чтобы к тебе приехать.

Ха! Подавляй вину виной, Лу: это тактика.

Но мать, похоже, интересуется только, будет ли Лу делать то, что она от нее хочет.

- Значит, ты приедешь?

- Да, да, приеду.

- В четверг?

У-у-у-у!

- Нет. Я приеду в субботу утром.

- Ну, правда? Не раньше?

- Боюсь, раньше не могу, - резко отвечает Лу.

Это ложь, она *могла бы* приехать в пятницу после тенниса, но ей невыносима перспектива такого длительного пребывания рядом с матерью.

- Я и так не иду в субботу вечером в гости.

Тут есть доля правды, и не отменять хотя бы часть своих планов всего лишь разумно. Будь она проклята, если поддастся матери полностью!

- Хорошо, дорогая, спасибо.

Мать Лу явно что-то заметила в ее тоне и поняла, что большего добиться не сможет.

- Дядя Пэт и тетя Одри будут так рады тебя увидеть.

«Да, конечно», - думает Лу, яростно крутя телефонный кабель, чтобы сдержать раздражение. Она хочет закончить разговор.

- Это все, мама? Просто мне нужно позвонить еще в пару мест, а у меня лишь несколько минут до следующего ученика.

- Ладно. - Слышно, что мать разочарована, но Лу не обращает на это внимания. В конце концов, обращайся с другими так, как они с тобой.

- Тогда пока! - с неуместной радостью говорит Лу и вешает трубку. Впрочем, освободившись, она не может удержаться, чтобы не пнуть свой ящик с карточками.

«Тогда лучше позвоню Вик», - решает она. Вик - ее давнишняя подруга, с которой Лу знакома со школы. Еще осталось несколько минут.

- Вик, это Лу.

- Привет.

- Боюсь, у меня довольно неприятная новость.

- Ну? Какая?

- Я не смогу к тебе прийти.

- Черт! Почему?

- Из-за мамы.
- Что, опять?
- Да, *опять*.
- Что на этот раз?
- Она хочет, чтобы я приехала и помогла ей. Приезжают тетя Одри и дядя Пэт. Дядя Пэт тут болел, и она пригласила их, так как они несколько месяцев никуда не выходили.
- А ты там зачем?
- Обхаживать их. Они требуют много внимания.
- А сама она не может?
- Говорит, что нет. У нее болит бедро, ты знаешь.
- Но ты *всегда* к ней едешь. Не может помочь твоя сестра Джорджия?
- Ты же знаешь, что нет. Она могла бы зайти ненадолго, но у нее дети и дела – все уже распланировано.
- Но и у тебя то же самое! Я запланировала эту встречу *сто лет назад*.
- Знаю. Знаю. Извини, мне очень жаль.

Куда ни повернись, везде Лу виновата. И все равно нельзя сказать, что она не разочарована. Вик знакома со столькими колоритными людьми, что на ее вечеринках всегда настоящее буйство.

- В субботу у меня день рождения. Редко он выпадает на выходные.

Вина усугубляется.

- Вик, честно, я бы с такой радостью пришла – тут и говорить нечего. Но я не умею говорить «нет». Ты знаешь, какая у меня мама. Если я не приеду, то будет обеспечен кошмар на несколько месяцев.

Вик вздыхает:

- Наверное. Но все равно досадно. Была еще одна причина, почему я хотела, чтобы ты пришла.
- Вот как?
- Я хотела кое с кем тебя познакомить.

Лу перестает вертеть телефонный кабель.

- Правда?
- Истинная.
- С кем?

Вик сама не лесбиянка, но она работает в театре, и у нее куча друзей такого сорта, хотя по большей части они мужчины.

- Недавно я встретила за кулисами прелестную женщину.

- Ну?

- Вот так. Подруга одного из актеров. Она точно твоего типа.

- Как ее зовут?

- София.

- Итальянка или испанка, что-то такое?

- Да, испанка, но она уже несколько лет живет здесь.

- И как она выглядит?

- Я сказала: твой тип. Хорошенькая.

- Хорошенькая в каком плане?

- Короткие темные вьющиеся волосы, карие глаза. Честно, она очень привлекательна. Я бы о такой мечтала, будь я лесбиянкой.

- М-м-м, звучит заманчиво. Чем она занимается?

- Работает в какой-то интернет-компании. Наверное, какой-то менеджер.

Значит, еще и соображает, и, похоже, образованная. Это то, что ей нужно. Все это очень притягательно.

- Сколько ей лет?

- Я бы сказала, лет тридцать.

Это на два года меньше, чем Лу, но не слишком молодая.

- Где она живет?

- Сейчас в Эктоне. Но работает в Восточном Кройдоне.

Лу бросается вперед. Наконец-то счастливый конец.

- О-о-о, если мы сойдемся, она сможет ездить на работу со мной!

- Именно так я и подумала.

Лу вспоминает свое обязательство и снова пинает ящик:

- Блин!

- Ну, это твоя потеря...

- Могу я с ней встретиться в другое время?

Вик театрально вздыхает. Ее профессия и здесь делает свое дело: она на все реагирует очень бурно.

- Наверное, это возможно, если появится такая необходимость.

- Ой, Вик, продолжай; ты знаешь, у меня не было никакого секса несколько месяцев. Познакомь нас.

- Что, свидание с незнакомкой?

- Нет, нет, это как-то неловко. Мы не можем куда-нибудь пойти - ты, я и она или что-нибудь в этом роде?

- Если тут все дело только в сексе, я не буду вас знакомить.

- Как с тобой приятно говорить!

- Я знаю, но все равно не познакомлю. Она милая девушка, эта София. Я не хочу, чтобы ты разбила ей сердце.

- Да что ты, я не собираюсь разбивать ей сердце! - протестует Лу.

Хотя она отчасти польщена тем, что Вик считает ее способной на такое, но подлость с женщинами - не ее стиль. По правде сказать, обычно это ее обижают, а не наоборот.

- Ладно, - смягчается Вик, - посмотрю, что тут можно сделать. Только скажи лучше, когда ты бываешь свободна.

- В пятницу вечером? - в надежде спрашивает Лу. Она не уверена, что Вик устроит все так скоро.

- Хм-м-м, в общем, это вполне возможно...

Вик играет с ней, Лу слышит по ее тону. Ей это очень нравится. Слава богу, Лу сказала матери, что не может приехать до субботы.

- Почему бы вам не приехать в Брайтон? - в нетерпении предлагает она. - Мы можем куда-нибудь сходить.

- Ну... Я собиралась в квартире кое-что подкрасить - хочу подновить немного для гостей. А поскольку ты меня подвела, не уверена, что мне нужно тебе во всем уступить...

- Ой, Вик, честно! С каких это пор ремонт у тебя на первом месте?

Квартира у Вик - свалка мусора, она прожила в ней почти десять лет и вряд ли за это время мыла там пол, не то что красила что-то.

- Да и все равно, не лучше ли покрасить после дня рождения? Свежую краску могут повредить.

- Может быть, в этом есть резон, - соглашается Вик. - Впрочем, я не собираюсь напиваться - у меня на следующий день гости.

- Нет, нет, напиваться не будем, - заверяет ее Лу, хотя и знает, что Вик точно напьется.
- И нужно пригласить кого-нибудь еще. Я не хочу надевать свой колючий зеленый костюм лишь для вас двоих. Мне-то будет не очень весело.
- Ладно. - Лу старается что-нибудь придумать. Подобрать подходящую кандидатуру не так просто: многие ее друзья имеют пару, а другая пара может обострить в Вик чувство своей исключительности. К тому же у Вик крутой нрав, некоторые ее не такие шумные одинокие друзья находят ее подавляющей.

- Как насчет Хоуи? Ты с ним встречалась - на том «Загадочном убийстве» [15], помнишь? Хоуи живет неподалеку, и есть шанс до него добраться, тем более что он только что прогнал своего бойфренда, с которым жил несколько лет, и поэтому в настоящий момент ищет общения.

- Давай я сначала спрошу Софию, а потом уже ты поговоришь с ним. Даже если она свободна, она может не захотеть тащиться в Брайтон.

Вполне может получиться и так.

- Конечно, хорошо. Вопрос остается открытым, пока ты мне не сообщишь. А теперь мне нужно спешить - вот-вот должен прийти следующий ученик.

* * *

- Ладно, дети, - говорит Карен, подходя к телевизору.

Люк и Молли сидят на диване, болтая ногами: их ножки еще не достают до пола, и как в гипнозе смотрят на заключительные титры «Доры».

- Серия закончилась, так что теперь давайте выключим телевизор.

Карен решительно подходит к телевизору.

- Ай! - кричит Люк.

- Послушай, Молстер. Люк и бабушка едут попрощаться с папой. И мы тоже можем поехать, но только если ты хочешь. И тебе нужно выслушать меня очень внимательно, прежде чем ты решишь, как поступить.

Но Молли сидит молча, вытаращив глаза. На ее личике - так душераздирающе напоминающем Саймона - то же озадаченное выражение, что и все утро. Карен не знает, понимает ли она, или просто для нее это чересчур.

- Папу скоро похоронят, - объясняет Карен.

- Но не в саду, - серьезно напоминает Люк.

- Нет, не в саду. И когда его будут хоронить, он будет в специальном ящике, который называется «гроб».

- Как Чарли? - Они похоронили Чарли в большой коробке от обуви.

- Да, пожалуй, ты права. Гроб немного похож на ту коробку. В любом случае, когда вы увидите папу в специальном ящике, он будет не такой, каким вы привыкли его видеть. Он будет

как Чарли, когда тот умер. И хотя вы сможете что-то сказать папе и попрощаться с ним, он не сможет ничего вам ответить, потому что папа отправился... – Она запинаяется, а потом использует единственное слово, которое кажется подходящим –...на небеса.

вернуться

15

Загадочное убийство (*англ.* «Murder Mystery») – игра, в которой каждый играет вымышленную роль. Цель игры – выяснить, кто из игроков «убийца».

– На небо, – кивает Люк.

– Да. И то, что мы увидим, – это лишь часть папы, а не весь он.

Молли как будто встревожилась.

– У него не будет каких-то частей? Как у принцессы Авроры?

Принцесса Аврора – любимая игрушка Молли. Но у куклы давно сломался шарнир на бедре, поэтому осталась лишь одна нога.

– Нет, нет, – поправляет ее Карен. – Он будет весь целиком, ничего такого. Просто там будет только его тело, а не его *сущность*.

Как только она выговорила это, тут же поняла, что это слишком взрослое слово для Молли.

Но Молли как будто поняла смысл сказанного.

– Я тоже хочу попрощаться, – заявляет она.

– Ты уверена? Нам не обязательно ехать. Мы с тобой можем остаться здесь и – ну, не знаю, – Карен вылавливает идею из воздуха, – делать печенье. Тогда Люк и бабушка смогут отвезти его, когда вернутся.

Молли качает головой.

– Я хочу поехать с Люком и бабушкой.

Насколько Карен может судить, она поняла, о чем речь.

– Ладно, тогда решено. Кто моя прекрасная девочка? – Она берет малышку с дивана, обнимает и целует.

Но когда наклоняется, чтобы поворошить каштановые волосы Люка, видит, что теперь он выглядит обеспокоенным.

– В чем дело? Тебя тревожит поездка?

– Мама, а папе будет хорошо в ящике от обуви?

Она понимает ход его мыслей. Мысль о том, каково будет Саймону в твердой, мерзлой земле, беспокоит и ее тоже.

А Люк продолжает:

- Когда мы хоронили Чарли, мы дали ему его любимый коврик.

- Ах, да.

Спаси его Бог, он все еще проводит параллель с Чарли.

- Думаешь, будет лучше, если мы дадим ему что-нибудь, чтобы ему было уютнее, милый?

Однако они не могут положить в гроб коврик с кошачьей шерстью, и она пытается придумать, что можно сделать вместо этого.

Но пока Карен думает, Люк вскакивает на диван:

- Я знаю! - и выбегает из комнаты.

Молли вырывается из рук Карен, соскальзывает на пол и бежит за старшим братом.

Слышен топот ножек по лестнице. Карен слышит, как Люк что-то говорит Молли, а та отвечает. Через пару минут оба возвращаются. Увидев, что у них в руках, Карен едва сдерживается, чтобы не заплакать.

Это Синий крокодил и принцесса Аврора.

12 ч. 26 мин.

- В похоронном бюро просят дать им еще час, - говорит Филлис, убирая телефон.

- Да?

Люк у ног Карен возится со шнурками на своих ботинках, Молли в застегнутом бобриковом пальто еле может согнуть руки в толстых рукавах и ждет, когда все отправятся.

Филлис понижает голос, чтобы не слышали дети.

- Они только что получили тело после вскрытия. Наверное, им нужно привести его в порядок.

- Ааа, - откликается Карен.

Они разрезали прекрасную большую грудную клетку Саймона, а может быть, и что-то еще. У нее кружится голова. От этой мысли ей плохо, ее качает.

- Дорогая. - Филлис трогает ее за плечо. - Я знаю, это ужасно. Вот, сядь. - Она отодвигает стул.

- Спасибо. Извините.

Карен кладет голову на руки, ожидая, когда пройдет головокружение. Снова подняв голову, она видит, что Молли встревоженно смотрит на нее.

- Со мной все в порядке, милая, - улыбается Карен.

Молли крепко прижимает к себе принцессу Аврору, находя в этом утешение.

И это поражает Карен: Молли нужна принцесса Аврора. А Люку нужен Синий крокодил, хотя сейчас игрушка валяется на кухонном полу, задрав вверх ворсистые лапы. Для них еще не настало время расставаться с любимыми игрушками. Детям – и ей – нужно все, что может хоть как-то поддержать их.

– Я подумала, дети, – говорит она. – Может быть, оставить принцессу Аврору и Синего крокодила дома?

– Но ты, кажется, говорила, что папе нужно что-то, чтобы ему было уютнее?

– Говорила. – Уже не первый раз Карен смущают ее путанные рассказы. – Просто... разве ты не будешь скучать по Синему крокодилу, если не сможешь прижать его к себе?

– Я справлюсь, – уверенно говорит Люк.

Но она понимает, что он просто не хочет выглядеть маленьким.

– Ну, а я буду по нему скучать, – говорит Карен. – И, думаю, ты тоже, хотя бы немного. Разве ты не помнишь, как ты расстроился, когда мы подумали, что потеряли его в аэропорту в Гатвике?

Расстроился – это не то слово. Люк вопил от отчаяния, и его крики были слышны во всем Южном терминале.

– Да, но тогда мне было всего четыре года.

Филлис усмехается.

– Я знаю! – заявляет она. – У меня идея. Молли, дорогая, сними пальтишко. – Бабушка начинает действовать, расстегивает внучкино пальто, и Молли хмурится, не понимая, в чем дело. – Прямо сейчас мы никуда не поедem. Они еще не совсем готовы показать нам папу. Поэтому мы немного подождем, и вы оба нарисуете папе рисунок.

«Превосходное решение», – думает Карен.

Филлис энергично открывает ящик, где Карен держит детские рисовальные принадлежности.

– Хотите рисовать карандашами или фломастерами?

– Фломастерами! – говорит Молли, послушно переключив внимание.

Люк же проявляет упорство:

– Но я хочу отдать папе Синего крокодила!

– Вот что я тебе скажу, – предлагает Филлис. – Почему бы нам не взять Синего крокодила и принцессу Аврору с собой, чтобы они тоже могли попрощаться с папой? Как тебе это нравится?

Карен благодарна свекрови – Филлис превосходно справляется с детьми.

– Отличный план, – говорит она.

Люк тем не менее хмуро на них смотрит. Иногда он бывает страшно упрям.

Карен действительно думает, что будет неразумно разлучать Люка с Синим крокодилом, и она ищет альтернативу. Наконец, кажется, выход найден:

- Ты знаешь, чем чудесен коврик Чарли... - уводит она сына в сторону.

- Чем? - бурчит Люк.

- ...С ним Чарли уютно и тепло.

- Ну и что?

- Ну, я не уверена, что Синий крокодил и принцесса Аврора согреют папу, а? То есть с ними хорошо обниматься, но они не так хороши, как коврик Чарли, когда нужно закутаться в специальном ящике. Поэтому я думаю... почему бы не положить папе его роскошный синий халат? Тогда, если он замерзнет, в халате ему будет действительно уютно.

Люк молчит, обдумывая. И, наконец, осторожно кивает.

- Я возьму его, - говорит Карен и, пока сын не передумал, идет в спальню и снимает с крючка на двери халат.

* * *

Кто-то стучит в дверь.

- Да?

В щелочке двери Лу замечает лицо. Очки, ореол курчавых седых волос.

- Можно войти? - Это Ширли, директор школы. - Я подумала, что, может быть, легче будет поговорить здесь.

- Конечно, - говорит Лу, встав и тут же усевшись снова.

Хотя она сама назначила встречу и знает, что поступает правильно, но все же нервничает.

- Ничего, если я буду есть, пока мы говорим? - спрашивает Ширли и, не дожидаясь ответа, пододвигает стул напротив Лу, раскрывает пластиковый контейнер и зачерпывает вилкой кускус со сладкой кукурузой и красным перцем.

- Ничего, ничего, - кивает Лу.

Она достает свой треугольный бутерброд, снимает целлофановую обертку и откусывает. Но хлеб кажется клейким и пристаёт к нёбу. Ей не хочется есть, ей это не доставляет удовольствия. Ей хочется разделаться с этим неприятным разговором. Поэтому она откладывает бутерброд и собирается с духом.

- Это касается Аарона.

- А, Аарона, - кивает Ширли. - Ее «А» многое выражает: «мы обе знаем, что с Аароном трудно», «я понимаю, что вас беспокоит» и «почему-то меня это не удивляет». Удивительно, как много может выражать всего лишь одна буква.

Но это восклицание резко осаживает Лу. Она видит, что они начинают двигаться

в неправильном направлении.

- На самом деле, - поправляется она, - дело не столько в Аароне, сколько во мне.

Вилка Ширли по пути ко рту зависает в воздухе.

- Вот как?

- Дело в том, что Аарон пришел в отношении меня к кое-каким выводам.

Слова звучат неуклюже, фразеология не совсем в порядке. Сердце у Лу колотится, руки липкие, она чувствует, как щеки краснеют. При всем своем профессионализме она остается человеком - ранимым, иногда застенчивым.

- А, - снова, но теперь медленно выговаривает Ширли.

На этот раз «А» выражает что-то другое.

Лу понимает, что Ширли угадала, что сейчас скажет Лу, но все равно она вынуждена объяснить ей. Нельзя проскочить трудный участок, как бы ни хотелось.

- Я лесбиянка, - выпаливает она.

Снова пауза. Сердце у Лу всюду колотится, щеки горят.

- Вы знаете, что не обязаны мне сообщать об этом.

- Знаю.

- Это действительно не мое дело.

- Я ценю ваше отношение.

Лу чувствует, как кровь отходит от щек: самое страшное позади.

- То, как вы живете в свободное время, не имеет никакого отношения к школе.

- Да, я понимаю.

Она осознает, что это правильный ответ, именно так Ширли и должна ответить, чтобы не обидеть Лу и самой избежать неприятностей. Она также понимает, что Ширли, вероятно, в самом деле так считает, хочет поверить, что сексуальная ориентация Лу никак не влияет на ее работу. Ширли добрая женщина с либеральными взглядами.

Тем не менее это неправда: личная жизнь Лу *влияет* на ее профессиональную деятельность - по сути, даже очень - и не только в отношениях с Кайрой и Аароном, но и гораздо глубже, на более глубинном уровне. В действительности Лу, может быть, и не была бы здесь, если бы не ее сексуальная ориентация. Ее личность так связана с осознанием своей гомосексуальности, что это формирует огромную - нет, *критическую* - ее часть. С раннего возраста у нее было чувство, что она не такая, как другие, еще до того, как она даже поняла, в чем это выражается. Борьба со своей склонностью окрасила ее взгляд на жизнь, людей и их отношения. А дальнейшее выяснение этого, с возбуждением, болью и страхом, пришедшими позже, дало ей сильное ощущение осознания самой себя - совсем так, как написано на ее черно-белом постере: это помогло ей узнать, кто она есть. И не только это: осознание самой

себя дало ей сильную связь с теми, кто тоже, другим образом и по другим причинам, отделен от общества. По иронии судьбы она связана с ааронами и кайрами этого мира самым фактом того, что все они отделены от общества.

И все же сейчас не время и не место посвящать Ширли во все эти нюансы. Это только все запутает, и она позвала ее вовсе не для этого.

- В обычных обстоятельствах я не стала бы поднимать этот вопрос, - продолжает Лу. - Я бы просто предположила, что вы знаете об этом. Но проблема в том, что об этом узнали Аарон, а за ним и Кайра.

- Понятно. - Ширли продолжает жевать.

- В нормальных обстоятельствах я бы не стала вас беспокоить и этим. Но теперь их поведение стало несколько угрожающим. И, очевидно, это не хорошо ни для Аарона с Кайрой, ни для меня. Пока что, и это очевидно, я держала свою личную жизнь скрытой от чужих глаз и собираюсь продолжать поступать так же и дальше - по крайней мере, с ними. Но я хотела, чтобы вы знали.

- Я рада, что вы это сделали. - Ширли дарит ей добрую ободряющую улыбку. - По сути, для меня честь, что вы мне сказали, спасибо.

- Ох! - Лу удивлена и испытывает облегчение. Пока что все оказывается легче, чем она предполагала.

- Я не хочу, чтобы мои сотрудники чувствовали себя в изоляции. Эта школа особенная, а с детьми, которые у нас учатся, совсем не просто ладить. Нам всем нужно помогать друг другу.

- Да.

Лу нужно какое-то время, чтобы это обдумать; ответ оказался теплее, чем она ожидала.

- Так как, по-вашему, мы должны поступать дальше? - спрашивает Ширли.

Лу по-прежнему хочет быть честной с Ширли. Она усиленно думает.

- Я бы предпочла, чтобы вы не говорили о том, что узнали обо мне, другим сотрудникам, если можно.

Она не готова для какого-то громогласного публичного объявления. Это будет выглядеть излишне драматично и смутит ее.

Ширли выскребает из контейнера последние остатки кускуса.

- А для чего мне это делать? Это не их дело. Что касается Аарона и Кайры, чем я могу помочь? Хотите, чтобы я поговорила с ними?

Лу снова задумывается.

- Я ничего особенного не хотела. Думаю, будет лучше, если я буду общаться с ними лично на своих сеансах. Я просто поняла, что никто об этом не знает, и, ну...

- ...ощутили, что вас запугивают, - кивает Ширли.

- Да, пожалуй, так. А я всегда поощряла детей быть открытыми и сообщать старшим, если они чувствуют, что их запугивают. Поэтому у меня было ощущение, что сама я не следую тому, что проповедую.

- Ну, теперь следуете, - заверяет ее Ширли. - И, пожалуйста, без колебаний обращайтесь ко мне, если нужно.

- Хорошо, - улыбается Лу; ей стало легче. Все оказалось удивительно просто.

- Прекрасно. - Ширли встает. - Я пойду.

- Спасибо. - Лу тоже встает.

Когда она закрывает за Ширли дверь, ей хочется, чтобы и с другими она могла бы делиться своими проблемами так же безболезненно.

* * *

Лу в доме своих родителей, в Хитчине. Неподалеку у нее есть свое жилье, но она вернулась в семью, потому что ее отец очень, очень болен. Рак, начавшийся с легких, быстро распространился по всему организму. Диагноз поставили всего шесть месяцев назад, и с тех пор наступило ужасное время. Хотя никто не произносил этого вслух, призрачная фигура отца была красноречивым свидетельством того, что из больницы его послали домой умирать. Сегодня он захотел повидаться с дочерьми наедине. Младшая сестра Лу, Джорджия, на кухне, у нее красные глаза. Он уже поговорил с ней. Теперь черед Лу.

- Привет, папа, - говорит она, входя. Отец полулежит на подушках. Из капельницы в его вену на тыльной стороне руки поступает морфин.

- Привет, милая, - хрипит он.

Он очень ослаб, ему сделали трахеотомию [16], ему трудно говорить. Его пальцы хрупкие, как у птицы, и дрожат. Он подносит руку, чтобы закрыть отверстие у себя в шее.

- Садись, - велит отец.

Она пододвигает кресло поближе к его кровати.

- Моя Лулу, - говорит он, произнося ее детское имя. Это разрывает ей сердце. Он делил многие пристрастия Лу - спорт, прогулки, работу руками - и, похоже, в ней он находил больше родного, чем в ее сестре, когда они росли. Лу часто подозревала, что она любимица отца. Безусловно, она его любит, в то время как ее отношения с матерью более напряженные.

- Папа.

- Я знаю, что тебе нелегко, - продолжает он.

Она удивлена, не это она ожидала от него услышать.

- Особенно с матерью. - Он выдавливая из себя слова медленно, с трудом. Ей чуть ли не хочется, чтобы он замолчал, но она остро - отчаянно - хочет выслушать его.

- Посмотрим правде в глаза, - смеется он, но этот смех вызывает кашель.

Лу встает и нежно наклоняет его, похлопывает по спине, пока кашель не проходит. Отец опять откидывается на подушки.

- Извини.

- Не волнуйся.

- С ней не легко... Видит Бог, я это знаю.

Лу кивает. Она давно поняла, что отношения между родителями далеко не гладкие: уж очень они разные. Отец оптимист, с юмором, независим в суждениях. Мать более подозрительно относится к миру, постоянно сравнивает себя с другими, нервная, хрупкая. Лу полагает, отец многое в себе преодолел, чтобы не порвать с ней. Он добрый человек, из поколения, пропитанного чувством долга, он бы никогда не бросил ее, несмотря на их полную несовместимость. Вместо этого он гнул себя, как деревянный лук, в дугу, все натягивая и натягивая тетиву. Когда-нибудь – много лет Лу чувствовала это – что-то должно было лопнуть. И оказалось, что отказало тело. Ему всего шестьдесят, но многолетнее курение – эта привычка, несомненно, усугубленная жизнью с женой, – сказалось на нем.

Кажется в некотором роде несправедливым, что расплачиваться за такой компромисс должен отец, особенно учитывая, что это мать всегда держала свои чувства в себе. Хотя, опять же, отец, наверное, тоже сдерживался, чтобы сохранить брак. Тем не менее не раз в последнее время Лу хотелось, чтобы они поменялись местами, чтобы заболела мать, а не он, но она сразу в ужасе прогоняла эти мысли.

вернуться

16

Это операция рассечения трахеи для введения в просвет ее специальной металлической канюли. (*Прим. ред.*)

- Вы, кажется, не очень ладите, – продолжает отец.

Лу кивает.

- Я знаю.

Он делает глубокий вздох и тянется к дочери свободной рукой. Она кладет руку в его ладонь. Его рука холоднее, чем обычно.

- Ты, может быть, так не думаешь, но она, знаешь, тебя любит.

И снова Лу удивляется. Она никогда не считала, что мать ее любит по-настоящему, но не думала, что отец догадывается о ее чувствах.

- Хотя, в тебе много такого, чего она никогда не поймет.

«Ты мне будешь говорить», – думает Лу. Но ничего не отвечает.

- Ты понимаешь, о чем я. – Он смотрит ей в глаза. Его глаза красные, слезятся, но за болезнью видно понимание. И она тут же осознает, что он знает. Как давно ему известно? Ей двадцать

три года, и она не скрывает от друзей своей ориентации, но никогда не говорила об этом отцу. Не хотелось заставлять его лгать своей жене. Лу уверена, что ее мать не вынесла бы этого. Мать не могла прочесть даже эротическую главу в романе, который дала ей почитать младшая дочь, Джорджия, – этот отрывок привел ее в такую ярость, что она больше не брала книгу в руки. Ей всегда неловко говорить о сексе.

– Я только хотел сказать тебе, что лучше ей не говорить. – Его глаза просительно смотрят на Лу. – Я понимаю, тебе трудно, действительно понимаю. Но ее это убьет.

Лу кивает. Ее бросает в жар, переполняют эмоции – злость, печаль, облегчение оттого, что отец знает правду.

– Но я хочу, чтобы ты знала, что я знаю, и, что бы ты ни решила, меня это устроит.

Лу сглатывает.

– Я не могу притворяться, что понимаю тебя, мне это чуждо, но, честно говоря, чем ты занимаешься у себя в спальне – только твое личное дело. Для меня главное, чтобы моя Лулу была счастлива.

– О, папа! – Лу плачет. – Спасибо.

– Не плачь. – Он похлопывает ее по руке. – Все будет хорошо.

– Правда?

– Да, – улыбается он. – Когда-нибудь, я уверен, каждый встретит своего человека.

Лу улыбается отцу. Конечно, она плачет не от перспективы остаться в одиночестве, а от того, что скоро отец покинет ее.

– Вот и все, что я хотел сказать, – говорит он, жестом отпуская ее. – Я устал. Хочу поспать. – Он закрывает глаза.

Она встает и тихо выходит из комнаты.

Через двадцать четыре часа ее отец умер.

14 ч. 05 мин.

– Боже, похоронный распорядитель – дама, – говорит Филлис, взглянув на вывеску над окном:

ДИРЕКТОР ПОХОРОННОГО БЮРО БАРБАРА РИД И СЫНОВЬЯ

– Да, – говорит Карен. – Честно говоря, это бюро просто ближайшее, но я несколько раз здесь проезжала и подумала, что оно выглядит вполне нормально. Всегда гадала, что за этими шторами, но никогда не думала, что узнаю.

На витрине перед аккуратным занавесом виден странный ассортимент. Центральное место занимает большой крапчатый серый мраморный крест, мрачный, безобразный. По обе стороны от него два венка соответствующего вида – Карен заметила, что их регулярно меняют, и на этой неделе из гигантских ваз в виде урн торчат лилии, плющ и пальмовые ветви. Карен

обратилась в это похоронное бюро не из-за этих предметов, а потому что по витрине разбросаны ракушки всевозможных форм и размеров, отполированные морем камешки и гигантская морская звезда. И последнее, но не по важности, – с обеих сторон от ваз – симметрия явно играла роль – две миниатюрные репродукции: слева Брайтонский павильон во всей своей безумной барочной красе, а справа Брайтонский мол с ярмарочными аттракционами и сияющими огнями. Общий эффект получился в высшей степени странный, но, слава Богу, не мрачный.

- О-о-о, мы идем сюда? – спрашивает Люк. Он и Молли много раз стояли здесь, прижавшись носом к стеклу.

- Да, – говорит Карен и толкает входную дверь.

Звенит колокольчик, и они оказываются в мире пастельно-розового английского ситца и полированного красного дерева – кич явно не ограничился фасадом здания.

На каждом столе похожая на салфетку скатерка, на каждом стуле – кружевная подстилка. Даже абажуры отделаны рюшами, как викторианские женские панталоны.

- А, миссис Финнеган.

К ним выходит женщина в блузке абрикосового цвета и узкой черной прямой юбке. Она загорелая, полная, а ее волосы выкрашены в слишком яркий для ее возраста красноватый цвет, так что в целом она напоминает отчасти тыкву, отчасти помидор, но нельзя сказать, что это совсем непривлекательно – ее лицо приветливо, улыбово, и Карен благодарна тому, что она не отвратительна.

- Да, – говорит Карен.

- Я Барбара Рид, похоронный распорядитель. Вчера я говорила с вашим деверем.

Алан приходил поздно вечером, перед самым закрытием.

- Сегодня утром он оставил одежду для вашего мужа.

- Зовите меня Карен, – говорит Карен, пожимая ей руку. – А это Филлис Финнеган, моя свекровь.

- Здравствуйте, – говорит Барбара. – Очень сочувствую вашей утрате.

- Спасибо, – отвечает Филлис. Она вот-вот расплачется.

- А это, должно быть, ваши дети? – Барбара улыбается им. – Как вас зовут?

- Люк, – говорит Люк.

Молли молчит и, прячась за широкую мамину юбку, засовывает в рот большой палец.

- Извините, это Молли. Она иногда немного застенчива, – извиняется Карен. – Можешь поздороваться, Молли.

- Ничего, – говорит Барбара. – Конечно, такое событие несколько всех ошеломило.

- Можно мне пойти посмотреть на мол? – спрашивает Люк.

- Конечно, - разрешает Барбара. - Хочешь, я подниму занавес, чтобы было лучше видно?

- Да, пожалуйста.

- Только ничего не трогай, - предупреждает его Карен.

Пока сынишка отвлечен, Барбара продолжает.

- Тело вашего мужа доставили пару часов назад.

- Да.

- И я все приготовила, чтобы вы увидели его в одном из наших залов.

- Спасибо.

- Потом нам надо будет как-нибудь обсудить подробности похорон, но сейчас, пожалуй, не время.

- Я бы предпочла, чтобы рядом не было детей.

- Разумеется. Итак, - Барбара смотрит на всех по очереди и наклоняется к юбке Карен, чтобы поймать взгляд Молли, - насколько я понимаю, вы пришли повидать вашего папу.

- Да, - говорит Люк, отходя на шаг от мола. - Мы принесли ему рисунки.

- Можно посмотреть? - просит Барбара.

Карен достает из сумки и дает Люку его рисунок.

Он с гордым видом показывает.

- С ума сойти! - восхищается Барбара. - Это ты?

- Да. Это я, а это мама, а это папа и Молли.

- Я вижу, - говорит Барбара и обращается к Карен: - Как он хорошо рисует.

Карен улыбается. Барбара не первая заметила это: Люк унаследовал талант отца. А особенно мило, что он, похоже, имеет и склонность к дизайну; в его рисунках скрупулезно изображены все подробности, он фиксирует каждый узор, каждый штрих. Например, она точно узнает, в какой кофточке он ее изобразил, по крошечным пурпурным цветочкам, и он не забыл нарисовать заплатки на джинсах у Саймона, точно как в жизни.

- Ты тоже что-то нарисовала? - спрашивает Барбара Молли.

Молли появляется из-за маминой юбки. Карен дает ей другой лист бумаги, чтобы она показала сама.

- Это Тоби, - объясняет Молли.

- Тоби - это наш котенок, - поясняет Карен.

В отличие от рисунка Люка, эти каракули требуют пояснений.

- Великолепно, - говорит Барбара. - Я уверена, папе понравится. Так вы готовы? - Она поворачивается к Карен. - Вы объяснили им немного, чего ожидать?

- Да.

- Тогда пойдемте со мной.

И она ведет их за дверь в зал.

Там на носилках стоит гроб. Оттуда, где они стоят, не видно, что внутри.

- Мне страшно, - говорит Люк.

До сих пор он был так отважен, что теперь Карен застигнута врасплох. Но она знает, что делать.

- Хочешь, чтобы я взяла тебя на руки?

- Да, - кивает Люк.

Карен кладет сумки и поднимает его.

- Мне тоже страшно, - говорит Молли.

- Хочешь, чтобы я тебя взяла? - предлагает Филлис.

- Да, - говорит Молли, и Филлис поднимает ее.

Все вчетвером они приближаются к гробу. Карен думает, что знает, чего ожидать, и все же запах цветов в сочетании с химикалиями - вероятно, бальзамическими средствами - кажется тошнотворно сладким, чрезмерным. Тревога за детей и этот запах вызывают гнетущие чувства, и к горлу подкатывает тошнота. Карен глотает слюну, чтобы справиться с ней: нужно быть сильной.

Саймон лежит на кремовом шелке, и его лицо стало более серым по сравнению с прошлым разом. Никаких следов вскрытия, и все же такое впечатление, что сам Саймон еще больше удался из своего тела. Но в то же время, как ни странно, он все так же похож на ее Саймона. Боже, как хочется, чтобы он заговорил! Он в костюме, в белой рубашке с галстуком, которые она с Филлис и Аланом выбрали вчера вечером. От этого он выглядит очень серьезным и официальным, не таким, как она привыкла его видеть. Первым делом, приходя с работы домой, он расстегивал воротник и распускал галстук - не выносил, когда его что-то стесняло. Карен представляет, как ему хочется это сделать сейчас.

Она подумывала сегодня утром, не заменить ли одежду, но что бы она принесла взамен? Костюм, который они подобрали с Филлис и Аланом, очень уважаемый, они выбрали его вместе, и хотя ей лично Саймон больше нравился в повседневной одежде, казалось неправильным, если его похоронят в просторном толстом джемпере или свитере. Все равно теперь у него есть халат - часть менее официального Саймона.

Филлис, стоящая рядом с ней, вскрикивает, не в состоянии сдержать чувства.

Для нее это ужас, думает Карен. Она опускает Люка на бедро, чтобы удержать его одной рукой, а другой рукой сжимает плечо Филлис.

Все четверо молча замирают, глядя на тело Саймона.

- Можно его потрогать? - спрашивает Люк.

Карен смотрит на Филлис, та кивает.

- Ладно. Просто проведи рукой по его щеке.

Она наклоняется, чтобы Люк мог перегнуться через край гроба.

- Ему холодно? - спрашивает Карен.

- Да. Почему?

- Потому что кровь больше не течет в папином теле. Знаешь, когда порежешься, течет кровь? Это потому что твое сердце ее качает по всему организму. По рукам, - Карен проводит по его рукам до кончиков пальцев, - сюда... И обратно. И также по ногам, - она проводит рукой по ногам до самых туфель, - и обратно. А у папы сердце остановилось и больше не качает кровь, вот почему папе холодно.

- Можно мне его пощупать? - спрашивает Молли.

- Конечно, можно, - говорит Филлис.

Молли нагибается и тоже трогает щеку Саймона, маленькие пухленькие пальчики касаются старой мужской кожи.

- Значит, папа умер? - спрашивает Люк.

- Да. Это только папино тело. А сам папа теперь на небесах.

Она старается быть прямой, насколько это возможно. Конечно, неопределенные ответы только запутают и встревожат обоих.

- Но как же он туда попал, если он здесь?

Карен пытается найти ответ попроще.

- Его тело здесь, а его душа там. - Он глубоко вздыхает. - Ну... не хотите положить ваши рисунки в папин специальный ящик?

Они кивают - оба все еще сжимают рисунки в руках.

- Тогда почему бы не положить их сюда? - предлагает она, беря рисунок Люка и засовывая его под крышку гроба, чтобы не упал. Потом берет рисунок Молли и делает с ним то же самое. - А теперь, может быть, ваши игрушки попрощаются с папой? Они лежат в большом мешке у двери, если сможешь его принести, Люк.

Люк соскакивает на пол и приносит. Карен берет Синего крокодила и протягивает сыну.

Люк в нерешительности закусил губу.

- Я! - Молли тянется к принцессе Авроре.

Карен протягивает дочке куклу.

- Наклонись туда с Авророй, чтобы она поцеловала папу. Папа любит, когда его целуют, ты же знаешь.

Карен понимает, что путает понятия о теле и душе Саймона, но она сочиняет на ходу, без подготовки. Филлис подносит Молли к гробу. Та торжественно прикладывает Аврору к щеке Саймона, сопровождая это движение звуком поцелуя.

- Может быть, дать Синему крокодилу поцеловать другую щеку, Люк?

Карен нежно за плечо подводит Люка к краю гроба.

Малыш все еще не уверен, но не хочет показаться нерешительным по сравнению с младшей сестренкой, и поэтому следует совету.

- А теперь отдайте папе его халат, - говорит мать, вытаскивая его из мешка. - Думаю, мы просто положим его сверху, накроем, вот так. - Она накрывает Саймона халатом и подтыкает вокруг костюма. Может быть, не совсем уместно оставлять его так, но она обсудит это с Барбарой отдельно.

- Ему будет уютно? - спрашивает Молли.

Карен кивает.

- Да, милая. Смотри, как ему мило и уютно.

Ее голос срывается. Нахлынули воспоминания о Саймоне... Бессчетные дни, когда он утром надевал этот халат, идя заваривать чай; выходные, когда он стоял в кухне, готовя завтрак в халате; ночи, когда он быстро накидывал халат, услышав, что кто-то из детей плачет, и шел посмотреть, как там они.

Если рисунки - подарки от детей, то халат, несомненно, - подарок от нее. С одной стороны, это кажется такой малостью, а с другой - это так значительно, так глубоко лично. Он определенно неуместен здесь - на блестящем шелке внутри гроба и сером сукне рабочего костюма. И у нее даже не было возможности его постирать. Какая досада.

- Карен, - прерывает ее мысли Филлис.

- А, да, простите. - Карен медленно выдыхает и старается сосредоточиться на настоящем. - Ну, дети, хотите сказать что-нибудь еще? - Оба выглядят смущенными, и она подсказывает: - Хотите попрощаться?

- Прощай, папа, - хором говорят они.

И снова у Карен щемит сердце. Это слишком тяжело для них.

- Вот что я вам скажу, - говорит она; ей самой больше невыносимо наблюдать происходящее. - Думаю, бабушка хочет побыть с папой одна. Поэтому давайте вернемся домой, а потом встретимся с ней там?

Она смотрит на Филлис, действительно ли она хочет остаться.

Та, все еще с Молли на руках, беззвучно плачет, слезы увлажняют белокурые волосы внучки.

И коротко кивает.

- Тогда увидимся дома. Наверняка Барбара вызовет вам такси, если вы захотите.

Через несколько минут Карен пристегивает Люка на его кресло в машине.

- Мама! - говорит он.

- Что?

- Ты тоже умрешь?

Сколько вопросов! И все же они помогают сосредоточиться на детях, а не на себе. Она задумывается, а потом говорит:

- Все, кто живет, когда-нибудь умрут, милый. Но большинство рассчитывает прожить дольше, чем твой папа. То, что с ним случилось, очень, очень печально, потому что папа был совсем молодой - ему был пятьдесят один год, - и он не знал, что болен, поэтому его смерть стала для нас всех великим потрясением. Но большинство людей живет до семидесяти, до восьмидесяти лет, поэтому я проживу еще много, много лет. Обещаю. - Она задумывается, как бы это обосновать. - Я ведь моложе папы, ты помнишь?

- Сколько тебе лет?

- Всего сорок два. Так что ты будешь совсем большой и взрослый, когда мне исполнится восемьдесят.

- А бабушка?

Экая неловкость! Тем не менее Карен отвечает:

- Не думаю, что она собирается умереть прямо сейчас.

- Хорошо. - Люк хмурит брови. - Но почему же папа умер?

«Господи, - думает Карен, - если бы я знала!»

21 ч. 33 мин.

Дети спят. Филлис уехала. Только Карен и Анна с бокалами красного вина в руках сидят на диване рядом, как сживали когда-то, более двадцати лет назад. Сидя здесь, у Карен дома, Анна вспоминает: приобретение дома. Они так и не решили, что с этим делать, но ее беспокоит, что это еще одна забота Карен, и потому осторожно касается этой темы.

- Можно у тебя кое-что прояснить, дорогая? - говорит она. - Мы пока оставили дом в Хоуве в подвешенном состоянии, но, надеюсь, ты еще не подписывала договоров?

После паузы Карен отвечает:

- Мы собирались это сделать вчера утром.

- Понятно, - вздыхает Анна.

Следующий вопрос еще более трудный:

- Я просто думала... Ты не хочешь отказываться от этого дела?

- Я думала об этом, - хмурится Карен.

Анна чувствует, что она пытается вникнуть. Большой дом на окраине Хоува: большой ипотечный заем. Или маленький домик - да и не такой уж маленький - у Брайтонского вокзала: вполне подъемная ссуда - или, по крайней мере, не совсем неподъемная. На самом деле ответ ясен: даже если жизнь Саймона была застрахована, Карен одной трудно себе такое позволить. Но она все еще так потрясена, что ей сложнее, чем обычно, собраться с мыслями.

- Думаю, придется отказаться, - продолжает она.

- Отказаться... - Анна качает головой, чувствуя печаль Карен в эту секунду, эту новую потерю. Она знает, что одним из главных требований к новому дому для Карен был двор; как и у многих домов в центре Брайтона, в их доме лишь крохотное патио. Она хотела, чтобы детям было где играть и где она бы могла выращивать цветы и овощи. Саймон любил растения и обожал копаться в земле, он тоже хотел огород побольше, а к дому в Хоуве прилегал великолепный участок в сотню футов. Распроститься с этой мечтой в любом случае нелегко. Но переезд сейчас и правда нереален. У нее и так слишком много хлопот, и это не способ снять стресс. Дом, в котором она живет сейчас, если все обдумать, совсем неплох.

И снова молчание, не считая легкого шума от горящего в камине газа. Рядом улегся котенок, нежась в тепле.

Наконец, молчание прерывается:

- Одна из главных причин, почему мы хотели купить тот дом, - чтобы у Саймона был кабинет и он бы мог работать из дому без этих противных ежедневных поездок. - Карен презрительно фыркает. - Какая ирония, а?

Анна вздыхает.

- Понимаю.

Они с Карен бесконечно взвешивали все за и против в отношении того, чтобы Саймон завел собственную практику в ландшафтном дизайне. У Карен были кое-какие опасения: «Не очень подходящее время, при нынешнем-то состоянии экономики, и он, может быть, свел бы меня с ума, сидя целый день дома», - но в целом ей очень хотелось, чтобы он проводил больше времени с ней и детьми.

- Он пожилой отец, Анна, с двумя маленькими детьми, но почти их не видит. Двадцать часов в неделю он проводит в этих чертовых поездках.

Действительно ирония.

Анна пожимает Карен руку. Сердце у нее сжимается от этого жеста. Она так понимает чувства Карен, будто они сейчас стали одним существом, с общими ногами, но отдельными головами, как Тяни-толкай в «Докторе Дулиттле» [17].

И пока они так сидят, молча, с бокалами в руках, Анна думает о Стиве. Что бы она делала без него? Как бы справилась с этим? Она представляет свою кровать без него, жизнь

без сексуальной близости. Каково это было бы – никогда не разговаривать с ним, не смеяться с ним, не шутить с ним, не дразнить его? Она содрогается. *Так* хорошо, что он жив.

Потом, мимолетно, как-то извращенно, она задумалась, не было ли бы меньше боли, если бы умер Стив, а не Саймон. Да, это было бы ужасно, но в основном для нее, в то время как смерть Саймона затронула столько людей. Определенно Стива будет кому-то не хватать – его родителям в Новой Зеландии, которые его любят, сестрам, друзьям. И она, конечно, его обожает. Или ей все-таки невыносимо его поведение по отношению к ней? Но они живут вместе гораздо меньше времени, чем Карен с Саймоном, не так сжились. До встречи с ним у нее была своя жизнь – дом, друзья, работа; она могла бы вернуться к прежней жизни без особой травмы.

Но жизни Карен и Саймона были переплетены в течение двух десятков лет, она зависела от него, а он от нее, ее личность приросла к его. Он играл для нее столько ролей – был не только любовником, другом и наперсником, но и ее спутником в выходные, финансовым менеджером, мастером на все руки, товарищем по играм, садовником, автомехаником, иногда доставщиком продуктов с рынка... список можно продолжать до бесконечности. Он был как двутавр [18], поддерживающий комнату, в которой они с Карен сейчас сидят.

И Карен не одна потерпела утрату. Еще есть Филлис и Алан. Коллеги Саймона по работе и друзья. И еще Молли и Люк, которые больше не увидят отца.

Анна думает о своем отце, которому перевалило за семьдесят. В первые двадцать лет его роль в ее жизни была самой главной. Ее голову переполняют воспоминания – поиски пасхальных яиц, которые он устраивал для нее и ее братьев, кукольный домик, который построил для нее, споры о предметах, которые ей надо было изучать, о нарядах, которые не стоит носить, о бой-френдах, которыми он возмущался. У Молли и Люка такого не будет.

Карен прерывает молчание.

– Это я виновата, – уже третий раз за вечер говорит она. – Мне следовало знать о его болезни.

– Дражайшая подруга, ты не Мистик Мэг [19], – говорит Анна, пытаясь вызвать у подруги улыбку. Это срabатывает, хоть и ненадолго. – Ты не знала. Я не знала. Филлис не знала. Даже чертов доктор Саймона не знал.

– Но ведь я его *жена!* – возражает Карен, словно, обвиняя себя еще сильнее, она заставит, наконец, Анну признать, что ее есть в чем обвинять.

– Конечно, конечно. – Анна теревит нитку на подушке, пытаясь найти слова утешения. Она понимает, что чувство вины неизбежно – разве не чувствует вину она сама? И все же хочется облегчить муки борьбы с этим чувством.

– Я должна была сделать ему искусственное дыхание, – говорит Карен. – Я так разволновалась...

– Я не знаю, как это делается. А ты?

– Нет, тоже нет. Но я должна была. Все равно я могла попытаться.

– Попытаться мог любой в вагоне, – замечает Анна. – Но они не пытались. И все равно, насколько я помню, через несколько секунд – ну, минуту или две, самое большое, – появились эти медсестры.

Вдруг это заставило ее подумать о Лу. Она не рассказывала Карен об их встрече в такси; вчера она боялась, что это вызовет еще больше боли. Но Анна не умеет хранить секреты, как и Карен – по крайней мере, между собой, обе не умеют, – откровенность и доверие между ними развивались годами. Меньше всего сейчас Анна хочет, чтобы от невысказанной правды между ними сейчас возникла отдаленность.

И потому она осторожно говорит:

– Я вчера не рассказала тебе кое-что. Когда поезд остановился в Уивелфилде, я села в такси с одной женщиной.

– Ах, да. – Карен смотрит безучастно, словно Анна пытается отвлечь ее чем-то посторонним, и это не получится.

Анна переходит к сути.

– Она сидела рядом с тобой и Саймоном. Через проход.

– О! – Карен бледнеет. Потом говорит: – Для нее это, наверное, было ужасно.

Снова Карен в первую очередь думает о других, ставит их на первое место.

– И я не только поэтому рассказываю. Она, Лу, прелестная, просто прелестная женщина. Ты, может быть, ее запомнила – короткие русые волосы, парка, такое заостренное лицо, невысокая, худенькая.

Карен качает головой:

– Не думаю.

Анна осознает, что с ее стороны было глупо говорить такое; конечно, Карен вряд ли ее запомнила.

– Лу сказала мне в такси, что случилось, когда я еще не знала, что это Саймон, – осторожно продолжает она, не зная, как отреагирует Карен. – Я, конечно, не запомнила ее рассказ слово в слово, и она не описывала мелкие детали, но тем не менее помню, она сказала, что ни она, ни ты, никто другой ничего не могли сделать.

– А, – говорит Карен, постепенно вникая в суть рассказа Анны. – Может быть, ты права... – заключает она.

Но Анна видит, что не смогла ее убедить.

* * *

Карен тихонько закрывает за Анной входную дверь. Теперь подруга ушла, и она впервые за день остается одна. Анна предлагала остаться, но Карен знала, что ей это будет неудобно. Жизнь вместе в течение нескольких лет во время учебы в колледже и после позволили Карен узнать, что Анна любит и что не любит, почти так же хорошо, как и собственные предпочтения. Анна любит хорошо выглядеть, и ей бы не хватало собственных туалетных принадлежностей и одежды, не говоря про постель. И Стива. Поэтому Карен выпроводила ее не очень поздно.

вернуться

Доктор Дулиттл – главный герой серии детских книг английского писателя Хью Лофтинга.

вернуться

Двутавр – стандартный профиль конструктивных элементов из черного проката или дерева, имеющий сечение, близкое по форме к букве «Н». (Прим. ред.)

вернуться

Мистик Мег (Маргарет Энн Лейк) – британская астролог и экстрасенс.

Она возвращается в комнату. В камине горит огонь, хотя и от газа, и это напоминает ей Саймона. Впечатленный камином дома у Анны на Чарминстер-стрит, он открыл дымоход и сделал камин сам, предпочтя чистое, простое квадратное обрамление с камешками и прутьями из хромированного металла. При виде языков пламени, которые лижут круглые бледно-серые тени, Карен хочется закурить. Она роется в сумке на кофейном столике в поисках сигарет. Она совсем не заядлый курильщик – позволяет себе одну-две сигареты, когда рядом нет детей, что случается редко, лишь когда у нее стресс. Чтобы закурить, проще всего наклониться через Тоби, который по-прежнему беззаботно дремлет, освещенный огнем, и прикурить от огня в камине, хотя от пламени чернеет бумага.

Карен открывает окно и глубоко затягивается, позволяя дыму наполнить легкие. Ну и что, что это вредно? Обычно она отгоняет мысли о том, что эта ее привычка смертельна, но сегодня смакует их. Она ощущает, как яд обволакивает альвеолы, проникает в кровь и поражает рецепторы мозга. Она чувствует, как он несет ее ближе к смерти, ближе к Саймону...

И вдруг ее покачивает. Может быть, это из-за никотина, а скорее, потому что она одна. Она как тряпичная кукла, которую поддерживали окружающие – Молли, Люк, Филлис, Анна – а теперь поддерживать ее некому. Ее ноги – просто мягкая, набитая опилками ткань, и из-за простроченных швов на бедрах и коленях она не может стоять самостоятельно. Карен садится на диван, чтобы не упасть. Ей хочется – нужно – поплакать, но она не может. Почему-то слезы появляются, когда она с другими, словно тогда она получает разрешение плакать. Но здесь, сейчас, когда она одна, когда можно рыдать, колотить диванные подушки, кричать, она почему-то не может. И даже не потому, что боится разбудить детей. А из страха, что если поддастся слезам, то потеряет себя окончательно. Она боится, что если расклеится наедине с собой, то расклеится совершенно и не сможет присматривать за Молли и Люком, организовать похороны, заботиться о Филлис или о ком-либо еще. Что если она рухнет, как дом во время землетрясения, то провалится в какую-то глубокую, темную щель и никогда уже не выберется оттуда.

* * *

Когда Анна возвращается домой, дверь заперта на два замка: Стива дома нет. Более того,

он не сообщил, куда идет, и это значит, что она точно знает, куда. В паб.

Вероятно, в тот, который расположен дальше по дороге – хотя, какая разница. Странно, что это вызывает у нее тревогу. Может, повезет, и она легко отделается – если он вернется пьяным до потери сознания, то просто рухнет на диван прямо в одежде и захрапит. Хуже, если он будет пьян чуть меньше: тогда он будет навязчив, возбужден, разговорчив.

Она только расстегнула лифчик, когда хлопнула дверь. Анна замирает, прислушиваясь, куда он направился. Топ. Пауза. Топ. Пауза. Топ. Идет сюда, поднимается по лестнице, его шаги гораздо более тяжелые и неуклюжие, чем когда он трезв.

Анна быстро надевает ночную рубашку – она и так беззащитна, ни к чему оказаться перед ним еще и голой.

Через несколько мгновений он распахивает дверь в спальню, латунная ручка ударяется о стену, где уже вмятина в штукатурке. В такой силе нет необходимости, но пьяный Стив не может соразмерять свои возможности.

Он не будет бушевать, Анна знает. Она уже проходила это и изучила модель его поведения. Обычно это начинается быстро, и гораздо хуже предполагать, что сейчас будет.

Она напрягается всеми жилами в одеревеневших руках и ногах, даже мышцы на животе затвердели. Она знает, что сейчас начнется: словесные оскорбления, саркастические, самодовольные. Впрочем, может быть, повезет. Разве на сегодня ей не достаточно огорчений? Разве Бог, Стив, Судьба, кто там еще, не должны дать ей хоть небольшую поблажку? Она столько сил отдала Карен. Она просто не сможет вынести очередное испытание. Может быть, Стив помнит об этом.

Осторожно, убеждая, надеясь воззвать к лучшему, что так нравится ей в нем, трезвом, она рискует сказать:

- Я только что вернулась от Карен.

Она надеется, что упоминание имени подруги может пробудить в Стиве воспоминание и понимание.

- А... да.

Он явно забыл. Его лицо мрачнеет. Удивительно, как меняются его черты, когда Стив напивается. Куда-то исчезают красивые пропорции, героические скулы, чувственный, но мужественный рот, добрые задумчивые глаза. Вместо этого лицо кажется мягким, бесформенным, губы мясистые и слюнявые, взгляд не сфокусирован, туманный, жалкий. И тело тоже меняется, осанка не такая прямая, больше заметен живот, плечи ссутулены.

Он садится на кровать, свинцовый, неуклюжий. Но тут удивляет Анну. Вместо бессвязного бормотания с последующими обвинениями, упреками и нападками, он молчит. Его губы – карикатура на расстройство, опущенная концами вниз дуга. А потом из его глаз катятся огромные слезы. Он плачет.

Анна удивлена, тронута и чувствует некоторое облегчение. Она садится рядом с ним.

- В чем дело?

Он вытирает кулаком слезы, как ребенок, и пожимает плечами:

- Никчемный я человек.

- Что ты, что ты! - в негодовании уверяет его она. Как ей ни ненавистно пьянство Стива, она знает, что его корни - в его неуверенности в собственных силах, в его нелюбви к себе.

- Да, - настаивает он. - Посмотри на меня! - Он поднимает руки и безнадежно поворачивает их так и сяк. - Весь в краске. Кто я такой? Какой-то маляр.

- Ты очень хороший маляр, - говорит Анна, и это правда. Стив перфекционист. И работает к тому же очень быстро - редкое сочетание. Клиенты часто обращаются к нему снова и рекомендуют его друзьям.

- Да, но... это же не карьера, верно?

Хотя и пьяный, он странно логичен и, по сути дела, прав. Его работа не волнует Анну - она не из тех женщин, которые любят покрасоваться в блеске славы успешного мужчины. Для нее это не существенно. Для нее важно, чтобы он был удовлетворен тем, что делает, но он считает себя слишком ярким, достойным гораздо большего.

- Саймон сделал карьеру, - продолжает Стив скорбным голосом и снова начинает плакать, и хотя Анна и раньше видела его плачущим, сейчас не может прийти в себя от нелепого зрелища рыдающего мужчины. Потом, наконец, тревожившая его мысль прорезается сквозь дымку алкоголя. Он бьет себя кулаком по голове. Сильно. Это должно быть больно.

- Это должен был быть я.

- Что? - Это неожиданность.

- Я. Я! - Он в ярости бьет себя в грудь. - Это я должен был умереть.

- Эй, эй, эй... - Анна успокаивает его, обнимает за плечи. - Не говори глупости.

- Вам бы всем этого хотелось, правда?

Он сбрасывает ее руки. Теперь в нем кипит злоба и выплескивается наружу. Этого Анна и боялась.

- Как это - всем бы нам хотелось? - Но едва произнеся эти слова, она понимает, что этот путь ошибочен. А правильного нет.

- Вы бы хотели, чтобы на его месте был я. Ты. Карен.

Он поворачивается к ней, его глаза холодны и прищурены, полны злобы.

- Нет, не хотели бы!

Это смешно, это не тот разговор, который нужно поддерживать, особенно сейчас. Это особенно действует на нервы, потому что наблюдения Стива точны: он как будто уловил ее собственные мысли, которые появлялись у нее раньше, и она чувствует угрызения совести, что думала о таком, хотя бы мельком. Но в данной ситуации поддерживать такой разговор не конструктивно. Никому из них от этого лучше не станет. Она никогда не могла понять пьяных рассуждений Стива: ведь какие бы мысли ни разъедали его, алкоголь не притуплял

боль, а только стимулировал ее.

- Вы бы предпочли, чтобы умер я.

- Стиви-малыш. - Голос Анны звучит твердо, она обращается к нему по-своему, ласково, чтобы успокоить. - Не предпочли бы. Это просто смешно.

И тут, любопытно, Бог это, или Судьба, или кто-то еще - с запозданием - слышит ее мольбу, и Стив как будто прислушивается, задумывается.

- Смешно?

- Да, - шепчет она.

- Да ну?

- Я люблю тебя, малыш.

- Я тоже тебя люблю. - И с этими словами он бросается - почти грациозно - плашмя на матрац. Через несколько секунд он уже отрубается и храпит.

Анна осторожно стягивает с него одежду и накрывает одеялом. На нем остаются трусы, рубашка и носки, но это не важно.

С облегчением она садится на корточки.

Когда Стив спит, теплая дуга света от лампы у кровати снова преобразует его черты. Изгиб его губ кажется милым и простодушным, его ресницы касаются щек, как у ангела; она видит поблескивающий след слез на щеке, как у ребенка, который уснул, утомленный своей вспышкой гнева. Теперь она видит мальчика, каким Стив был раньше, когда его мятежный дух был невинным и игривым, а не агрессивным и саморазрушительным. Анна задумывается: когда же сместилось равновесие, как на детских качелях, и он перестал быть просто безобразным юнцом - а она знает, что он был таким, он сам говорил ей об этом, - и стал сначала причинять беды другим, потом себе, а потом ударился в пьянство.

Тем не менее она чувствует жуткий перегар, и не только в его дыхании - он исходит из всех его пор. Она знает, он пил водку. Кто сказал, что водка не имеет запаха, ошибался. Ее резкий, смертельный запах несет в себе аромат тайных кутежей и лжи. Она ненавидит этот запах. Он ей отвратителен. Она признает, что и сама не прочь выпить - например, не так давно они с Карен распили бутылку вина. Но тогда это было необходимо. Но Стив пьет не так. Анна может остановиться, а он - нет, потому что он пьет с другой целью. Иногда ей кажется, что его пьянство не просто стирает память о гнетущих обстоятельствах, а уничтожает его личность.

Знай она об этом, когда встретила его, был бы он сейчас здесь, в ее квартире? Как знать. Как будто два разных Стива тянут ее в разные стороны. Соблазнительный, умелый, очаровательный - трезвый Стив, и враждебный, обидчивый, агрессивный - пьяный. И Анна чувствует, как ее разрывает: с одной стороны, она ему признательна, а с другой, боится перемен, происходящих в нем. Ее беспокоит, что будет, если ей придется разорвать с ним отношения - что будет не только с ним, но и с ней. Он может сойти с рельсов, а она не хочет остаться одна. Ей за сорок; кто-то из коллег только сегодня в офисе назвал сорок лет «сроком годности», а Анне уже на несколько лет больше. И она действительно любит Стива, и любит его запах - первозданный, восхитительный, манящий.

Она улыбается нахлынувшим воспоминаниям.

* * *

- Заходи и познакомься с нашим маляром, - говорит Карен как-то днем, когда Анна случайно зашла к ней. - Мне дала его номер женщина на послеродовых курсах. - Она многозначительно подмигивает и ведет ее наверх по лестнице. - Он великолепен, - шепчет Карен, чтобы не было слышно.

У окна стоит Стив.

Заляпанные джинсовые шорты, большие заляпанные кеды, заляпанная футболка, руки, выгоревшие волосы. Когда женщины входят, он оборачивается, держа в руке кисть в белой водоземлюсионной краске.

- Стивен, это моя подруга Анна, - говорит Карен.

- Привет, - улыбается он. - Рад познакомиться.

У него низкий приятный голос с австралийским или новозеландским акцентом, Анна решает, что он австралиец. Позже она узнает, что он из состоятельной новозеландской семьи.

- Да, вы великолепны, - заметила она.

- Вы хотите сказать, *для маляра*, - ответил он.

Да, если честно, она, вероятно, это и имела в виду. По сравнению с малярами, которых Анна встречала раньше, он явно довольно респектабелен.

Глядя назад, она могла бы задаться вопросом, почему человек относительно высокого социального положения дошел до того, что выполняет физическую работу. Но поначалу она лишь отметила, что он выглядит на несколько лет моложе ее и Карен, и заключила, что он еще только встает на ноги в профессиональном смысле. Она думает, что он, может быть, писатель или человек искусства, а занимается ремонтом для заработка. В Брайтоне много людей творческих профессий, это бы не выглядело необычным.

- У Анны в доме куча работы, - говорит Карен.

«Разве?» - думает Анна. Правда, она недавно переехала в новый дом, но собиралась все сделать сама.

- Ах, да, - говорит она, поняв намек подруги. - Может быть, зайдете ко мне как-нибудь и посмотрите?

- С радостью, - снова улыбается он с полными озорства глазами и задерживает на ней взгляд, пожалуй, слишком долго. В животе у Анны щекочет от возбуждения - тяга явно взаимная.

Так просто. В тот же вечер осмотр заканчивается выпивкой - хотя Стив откровенно не напился, очевидно страшно хотел произвести на нее впечатление, - которая переходит в затянувшийся допоздна ужин, где она почти ничего не ест, наслаждаясь беседой, перешедшей в ночь «непрерывного траханья».

Или так Карен назовет это на следующий день.

- Ничего подобного, - протестует Анна.
- Извини, - дразнит ее Карен. - Занятия любовью.
- О-о-о, нет и не так, - раздражается Анна.

После всего одной встречи это звучит слишком серьезно, тревожно.

Однако вскоре они все же продолжают заниматься любовью, а через несколько недель он переезжает к ней.

* * *

«Ах, ладно», - думает Анна, пристроившись под одеялом рядом со Стивом. Хорошие времена, плохие времена - разве не все отношения таковы? Она слишком устала, чтобы размышлять об этом дальше, и через несколько минут тоже засыпает и храпит громче, чем в прошлую ночь, совершенно измученная переживаниями.

Среда

07 ч. 37 мин.

Лу только заперла свой велосипед, как звонит телефон, раз, потом еще. Она роется в рюкзаке и откидывает крышку.

«У вас два сообщения», - объявляет мобильник.

Одно от Вик, второе с неопознанного номера, поэтому она сначала открывает сообщение от Вик:

Согласие получено. Я соблазнила девчонку для тебя, заманила в Брайтон. Прекрасная ночь в пятницу, рановато отпразднуем мой день рождения, заночуем у тебя. Только обещай, что вы не будете этим заниматься при мне. За тобой должок. Вик.

Лу улыбается. Вик, как всегда, без экивоков, и что-то не похоже, что она не собирается пить. Но она не учла размеры комнатухи Лу - она не может положить старую подругу спать в душевой.

Ничего, это на данном этапе мелочь - ей, может быть, не понравится эта женщина, или, наоборот, она сама ей не придется по вкусу. Тем не менее перспектива нового знакомства возбуждает. Теперь надо пригласить Хоуи - это будет действительно приятный вечерок. Лу надевает рюкзак и быстро пересекает вокзальный вестибюль, в ее пружинистой походке видна решительность, и на ходу она читает второе сообщение.

Надеюсь, оно до вас дошло. Это Анна. Вы сегодня на 7.44? Я в среднем вагоне, сразу за часами. Могу вернуть вам десятку.

Лу рада. Она думала об Анне и Карен, ее подруге, и, ободренная новостью о Софии, хочет поболтать. Она нажимает на телефоне зеленый значок и вскоре слышит звонки.

- Я только что вышла на платформу, - говорит она.
- Я попытаюсь занять вам место.

Через секунду Анна стучит в окно, привлекая ее внимание, и вскоре Лу уже сидит рядом с ней у прохода, положив рюкзак на полку над головой, а мобильник и айпод на столик.

- Как дела? - обращается она к Анне.

Ты выглядишь усталой, и ее прическа не так безупречна, как была сорок восемь часов назад. И не удивительно.

- Пожалуй, неплохо. Да, пока не забыла: деньги.

- Не беспокойтесь, - отмахивается Лу.

- Нет-нет, я хочу вернуть. - Анна открывает кошелек (и Лу отмечает качество кожи и толстую латунную молнию), достает потертую купюру и кладет на столик перед Лу.

- Спасибо. - Лу понимает, что не имеет смысла спорить. Она благодарна - не за деньги, а потому что это стало поводом снова встретиться. Лу нравится мысль иметь время от времени знакомую попутчицу, а Анна нарушила обычай - неписанный закон, что пассажиры не должны приставать с разговорами к другим. Поезд - не место для знакомств.

- Как, м-м-м, Карен? Так, кажется, зовут вашу подругу?

- Хреново, - говорит Анна.

Лу кивает: других слов для такого случая и не найти.

Анна вздыхает.

- Наверное, она потрясена. Но это так чертовски несправедливо. - Она смотрит в окно, и Лу видит, что Анна пытается сдержать слезы.

- Они долго прожили с мужем?

Лу не хочется показаться излишне любопытной, но холодная вежливость не в ее духе.

- Почти двадцать лет.

- Тогда, наверное, и вы его хорошо знали.

Анна кивает, достает из сумочки платочек и вытирает уголки глаз.

- Извините, - говорит Лу.

- Спасибо, - пытается улыбнуться Анна.

- Знаете, такая вещь для любого ужасна.

- У них двое детей, - говорит Анна, и это открывает рану - она издает хриплый звук и больше не может сдержать слез.

- Боже мой, - содрогается Лу. Почему-то она не подумала об этом, хотя можно было предположить. - Сколько им?

- Молли три. Люку пять. Я их крестная, - добавляет Анна.

Лу сочувствует ей, им всем. Она обнимает Анну рукой за плечи. Хотя она почти не знает ее, это кажется уместным, очень нужным. Анна пододвигается к ней. Люди напротив искоса смотрят на них, но у одного в ушах наушники, так что он не слышит, а другой долбит свой ноутбук, и его ничего вокруг не интересует. За окном открывается суссекский пейзаж – зеленые поля, гряды Даунса, как на открытке.

- Наверное, вы им действительно сейчас нужны, – замечает Лу. – У вас есть кто-нибудь, кто вас поддерживает дома?

- Да... – кивает Анна. – Пожалуй.

И снова у Лу возникает впечатление, что у Анны в домашней жизни сложности: по ее реакции не похоже, что у нее стопроцентно отзывчивый партнер. Лу быстро улавливает такие признаки, она и сама скрывалась, правда, под другой, но все-таки маской. Ее мать никогда ее не поддерживает. Но сейчас не время залезать слишком глубоко.

- Извините, – немного успокоившись, Анна шмыгает носом.

Лу убирает руку.

- Пожалуйста, не извиняйтесь. Действительно, как вы сказали, хреново.

- Карен чувствует себя такой виноватой, – продолжает Анна.

- Ох, бедняжка.

- Она думает, что должна была что-то сделать. Что могла бы спасти Саймона. Считает, что если бы сделала ему искусственное дыхание, он бы выжил, – и все такое. Я все говорю ей, что это ничего бы не изменило, но она меня не слушает.

Лу хмурится.

- Она ничего не могла сделать. Я уверена. Я видела: он умер сразу.

- Знаю. Я так и говорю ей. Но вы понимаете, каково это. Всегда думаешь: «Если бы...» А Карен особенно это свойственно. Часто переживает за чужие проблемы. Чувствует себя в ответе за весь мир.

- Похоже, она добрый человек, – замечает Лу.

- Она прелесть.

- Но, наверное, это чувство вины сейчас не очень кстати.

- Вот именно.

- Хотя в таких случаях это обычное явление.

- Разве?

- О, да.

- Я не слишком разбираюсь в бедах, – признается Анна.

Лу решает открыться.

- Я никого не теряла так внезапно, как ваша подруга. Но у меня несколько лет назад умер отец.

- Извините.

- Не беспокойтесь, это было давно. И с тех пор я немного исследовала этот вопрос. Это связано и с моей работой.

- А чем вы занимаетесь?

- Я консультант-психолог. Работаю с трудными детьми, которых исключили из школы.

- Как интересно. Расскажите подробнее.

Лу рассказывает. Анна безусловно благодарна ей за то, что можно отвлечься.

* * *

Дети у Трейси. Карен не хочет, чтобы они слышали подробности похоронных приготовлений, все ее звонки друзьям, коллегам и родственникам. Кроме того, она старается сохранить в Молли и Люке чувство, как бы оно ни было хрупко, что жизнь продолжается, и все идет так, как обычно. Трейси давно знает ее детей и кажется вполне подходящим человеком, чтобы малыши побыли у нее в такой трудный момент.

Поэтому той половиной сознания, которая функционировала нормально, Карен посадила детей на заднее сиденье машины, приладила ремни безопасности и осторожно, со скоростью тридцать миль в час, отвезла их в Портслейд.

Они были там, как и договаривались, ровно в девять. Потом Карен поехала обратно, заперла машину и поставила на плиту чайник. Он закипит через несколько секунд.

Но Карен сознает дихотомию, ее голова словно расколота надвое. С помощью одной половины она способна ходить, говорить, готовить чай, отвезти Молли и Люка к Трейси. С помощью этой части она оделась, причесалась, - словом, привела себя в порядок. Эта же половина помогает ей разговаривать с викарием, которого она никогда раньше не знала, посылать имейлы незнакомым людям, пользоваться адресной книгой Outlook Express в ноутбуке Саймона. Карен узнает эту свою половину - это эффективный администратор для совета, организованная мать, которая не опаздывает к Трейси или в школу, женщина, которая возит по супермаркету в Хоуве детей в двухместной тележке, держа в руке список.

Но другая половина Карен функционирует совсем не должным образом - во всяком случае, у нее такое чувство. В этой половине царит безумная путаница, как на рисунках Молли: фломастеры разных цветов разбегаются во все стороны, изображая немислимые загогулины. Но если картины дочки - это буйное выражение веселья, жизни и счастья - по крайней мере, Карен всегда с нежностью воспринимала их именно так, - то в голове у Карен темная, злоеющая мешанина, все темно-синее, красное, пурпурное и черное. Это безумная путаница эмоций: она никак не может избавиться от чувства, что во всем виновата она, вина буквально опутывает ее, из нее невозможно выбраться. У нее неизбывное чувство утраты, и она боится, что еще не испытала всей силы этого чувства - гигантского, ошеломляющего чувства скорби и уныния. И в самом центре путаницы - ярко-красная жгучая боль, мучительная, пылающая, безжалостная, словно череп распилили и прямо внутрь, на нервы серого вещества налили

кислоты.

Карен старается избегать этой адской половины, старается подавить и спрятать эти мысли, привести их в повиновение. Ей надо собраться, сосредоточиться. И, как ни удивительно, ей это удается. Причем довольно длительное время. Она видела тело Саймона, говорила с другими людьми, принимала сочувствия, сочувствовала чужим слезам и пролила свои. У нее такое чувство, что она дистанцировала себя от всех переживаний, отделила себя от реальности, как будто на самом деле ничего этого не происходит.

Она по-прежнему ждет, что Саймон вернется. Ей продолжает казаться, что сейчас она услышит звук ключа в замке, «привет!», его шаги в прихожей. Или что мельком увидит, как он работает за компьютером, сидит за кухонным столом или смотрит телевизор, положив ноги на диван.

Но нет.

Вместо этого похороны.

Должно быть отпевание, они с Филлис согласились в этом.

Никогда не говорив с Саймоном на эту тему, они могли лишь полагаться на инстинктивное понимание того, чего бы он хотел.

Принятие решений вызывает в них нерешительность. Кого известить? Что будет для него лучше? Как они могут принимать решения, когда им до сих пор кажется, что Саймон жив?

И все же как-то сообща они делают все необходимое.

Вскрытие показало, что смерть наступила в результате *«тотальной непроходимости левой коронарной артерии, что повлекло за собой инфаркт и разрыв левого желудочка»*. Другими словами, это был сердечный приступ, просто и ясно.

- Но на самом деле это не ответ на наши вопросы, - говорит Филлис.

И она права: на самом деле они хотели узнать, почему жизнь так несправедлива - почему их Саймон? Никакая гора медицинских бумаг не может ответить им на этот вопрос.

Что касается похорон, Карен намекнула на не совсем традиционный ритуал - в конце концов, это Брайтон, - но быть похороненным в деревянном ящике или разлагающейся под действием микроорганизмов корзине - это казалось слишком не-почеловечески, как-то по-язычески, слишком *эксцентрично* для Саймона. Не то чтобы он участвовал в движении зеленых или что-то в этом роде. Да, он помогал утилизировать бутылки, бумагу, жестянки, хотя это было не так трудно, поскольку они накапливались в доме, и покупал «экологически чистые» овощи - но это, собственно, и все его заслуги. На самом деле эти вещи больше волнуют Карен, чем волновали бы его, а она не хочет хоронить его в плетеной корзине, так почему бы этого захотел он?

Они бы могли кремировать тело Саймона, он, вероятно, не возражал бы - Саймон любил костры и барбекю и построил в их доме камин. Но Карен и Филлис и это почему-то казалось неправильным; мысль о том, что такой большой мужчина превратится в горстку праха казалась абсурдной и была сразу отметена. Ради бога, Саймон весил более шестнадцати стоунов [20].

На том они и сошлись. Никаких споров, никаких разногласий: его похоронят под подходящим

надгробием на Брайтонском кладбище.

Это будет солидно, людей хоронят там веками, в том числе там похоронен и отец Саймона. Но главное, и Карен, и Филлис хотят, чтобы могила была солидной. Насколько Карен может рассудить в данный момент, она потом сможет сфотографировать могилу с детьми, и ей кажется такое решение предпочтительнее всех других. Кроме того, ее тревожит, что Молли и Люк не запомнят, как рассеивали прах. Они слишком маленькие, а ей хочется, чтобы им было куда пойти и вспомнить отца.

При мысли о будущем опять пробуждается жгучая боль. Силой воли Карен отодвигает ее. Потом берет ручку и начинает составлять список продуктов, которые нужно купить. После похорон людям нужно будет поесть, не так ли?

15 ч. 04 мин.

Как только Карен глушит двигатель, слышатся крики:

ХОЧУ ОБНЯТЬСЯ С ПАПОЙ! ХОЧУ ОБНЯТЬСЯ С ПАПОЙ!

У нее под ложечкой все сжимается. У дочки несколько месяцев не было таких припадков - они с Саймоном с облегчением заметили это улучшение лишь в прошлые выходные и очень гордились этим, но тут же она понимает, что именно Молли кричит с такой яростью. Часто она так вопила, прося обняться с мамой, а теперь хочет папу. Такая простая просьба. Как бы Карен хотелось ее выполнить! Она хотела бы этого *больше всего*.

Крики Молли становятся громче.

ХОЧУ ОБНЯТЬСЯ С ПАПОЙ!

«Господи, - думает Карен, направляясь по садовой дорожке, - бедная Трейси! Если Молли так слышно отсюда, в доме это должно быть оглушительно». Она звонит в дверь.

Трейси открывает сразу же.

- Извините, - говорит Карен. - Давно это продолжается?

Трейси возводит глаза к небу и признается:

- С обеда.

- Ой. Трейси! Вы должны были позвонить.

Трейси обычно кормит детей в полпервого.

- Я не хотела вас отвлекать. - Она проводит рукой по волосам.

- Понимаю, и спасибо - я переделала кучу дел, но все же вы святая, терпя такое столько часов.

ХОЧУ ОБНЯТЬСЯ С ПАПОЙ! ХОЧУ ОБНЯТЬСЯ С ПАПОЙ!

Молли вопит так громко, что не слышит, что приехала Карен.

- Обычно я могу это прекратить, - говорит Трейси, повышая голос, чтобы ее было слышно. -

Или же не обращаю внимания, пока, в конце концов, как вы знаете, из нее ней не выйдет пар.

ХОЧУ ОБНЯТЬСЯ С ПАПОЙ! ХОЧУ ОБНЯТЬСЯ С ПАПОЙ!

Карен кивает.

- Обычно это лучший способ.

Трейси скорее ведет Карен в комнату, чтобы девочка поскорее успокоилась.

- Но сегодня она и не думает останавливаться.

Карен тяжело вздыхает и закусывает губу.

- Где она?

- На кухне, под столом.

В другое время Карен бы ожесточилась от ее криков, она почти научилась пропускать их мимо ушей. Но сейчас слышать малышкину боль просто невыносимо.

...ОБНЯТЬСЯ С ПАПОЙ!.. ОБНЯТЬСЯ С ПАПОЙ!

Карен ей очень сочувствует, ей самой страшно хочется обняться с папой.

- Боюсь, у нее к тому же случилось авария.

- О, нет.

Молли с прошлой осени довольно успешно научилась пользоваться туалетом, и у нее не было неудач с Рождества.

- Надеюсь, описалась?

- И то, и другое.

Карен содрогается.

- Это ничего, - улыбается Трейси, но Карен видит, что она измучилась.

- Я даже не дала ей смену белья, - клянет себя она. Этого давно не случалось, и потому утром она даже не подумала о такой возможности.

- Я одела ее в старые одежды Лолы, - говорит Трейси. Лола - ее дочь, которой уже семь лет. - Я держала старые вещи детей на случай какой-нибудь непредвиденной ситуации.

- Благослови вас Бог.

- Ничего, не волнуйтесь. Хотя они великоваты.

Карен спешит на кухню. Молли под деревянным столом, расстроенная, сжалась в комочек ярости.

- Пришла твоя мама, - громко говорит Трейси.

Карен приседает на корточки:

- Привет, милая, - и заползает под стол.

Но Молли подобна грузовичку, мчащемуся под дождем по автостраде, она так разошлась, что ее не остановить.

Малышка продолжает бушевать, несмотря на присутствие Карен.

- Хочу обняться с папой! Хочу обняться с папой! - Она колотит кулачками по линолеуму.

Карен чувствует себя беспомощной, но садится на пятки, гладит Молли по сгорбленной спинке и пытается ее успокоить:

- Папы здесь нет. - Ее собственная душа при этих словах начинает плакать. - Не хочешь обняться с мамой?

Наконец, Молли перестает от нее отмахиваться. Постепенно ее крики становятся все тише, и она, как жук, забирается Карен на колени.

Они сидят так несколько минут, и над ними нависает накрахмаленная скатерть. Карен ощущает темноту и тепло этого места, запах сосны - не случайно Молли забралась именно сюда. Они как будто спрятались в собственном убежище.

- Вот, вот. Ничего. Ничего. Извини, я не папа. Но я здесь, Молстер, я здесь. - Карен обхватила дочь руками и ласково гладит ее по головке, пока Молли, наконец, не проглатывает последние всхлипы, ее дыхание выравнивается, она успокаивается.

Карен спрашивает:

- Тебе лучше?

- Все болит, - говорит Молли, поднимая голову.

- Где болит?

- Здесь. - Молли выпрямляется и потирает животик.

- А-а-а, бедный животик. - Карен поглаживает его.

- И здесь. - Молли касается лобика.

- Бедная головка. - Карен целует ее в лоб.

- И здесь. - Молли возвращается к туловищу, на этот раз к груди. - Все болит.

Карен знает, что наружная боль - это проявление внутренних страданий. Она тоже чувствует, как у нее все болит. Гладя Молли грудку, она вдруг замечает стоящего рядом Люка. Он приподнял скатерть и заглядывает под стол.

- Привет, милый, - говорит Карен, протягивая к нему руку. Интересно, как долго он наблюдает за ними. - Хочешь к нам?

Люк качает головой.

- Тогда и нам, наверное, нужно вылезти. - Она пододвигается. - Давай, Молли, пора домой.

Молли пищит, как раненый звереныш, и крепче приживается к маме.

- Ну, давай, Молстер. Нам пора возвращаться.

Прежде чем Молли успеваает возразить или опять удариться в слезы, Карен осторожно вытаскивает ее из-под стола.

- Люк, мой малыш, - улыбается она, вставая и неожиданно осознавая, что едва узнала своего сына.

Люк молчит.

- Ты в порядке?

Люк только смотрит на нее, выпятив губу, и не произносит ни слова. Это не характерно для него, обычно он хотя бы кивает или качает головой. Но он как будто даже не слышал вопроса.

- Поедем домой, - говорит Карен. - Потом попьем чего-нибудь с печеньем, и, если будете хорошо себя вести, я дам вам выбрать DVD, чтобы посмотреть по телевизору. Хотите «Шрек»? Вам он нравится?

- Да, - без колебаний отвечает Молли.

Люк все еще не проронил ни слова. Может быть, дома наконец разговорится.

Обычно она не позволяла им смотреть DVD в это время дня и не хочет нарушать заведенные правила, но оба так подавлены, что необходимо утешить их любой ценой. И, в общем-то, разве это так важно? Вряд ли просмотр фильма по телевизору нанесет им такую же психологическую травму, как смерть отца.

- Не забудьте, - говорит Трейси, протягивая мешок с одеждой Молли. - Я прополоскала белье, но все еще мокрое.

- Вы просто ангел. - Карен сует мешок под мышку и, положив ладони на головы детей, ведет обоих по коридору; Молли в одежде, которая ей сильно велика, она напоминает клоуна, а Люк шаркает, сердитый и безутешный.

* * *

На краю Фёрта, где течет богатая минералами вода и дует морской бриз, стоит этот перегонный завод. Это сюда мы ходим на работу, чтобы приготовить для вас одно из лучших в Шотландии односолодовых виски, как мы делали его более двухсот лет. Налейте себе стаканчик, посмотрите на свет, оцените цвет. От бледно-бледно золотого до темно-коричневого, каждый оттенок - это отражение нашей удивительной холмистой родины.

вернуться

20

Стоун – британская мера веса, равная 14 фунтам или 6,34 кг.

Не в первый раз Анна рада, что работа ее отвлекает от грустных мыслей. Чтобы сосредоточиться, требуется усилие, но она привыкла. Сколько раз после ссоры со Стивом она подавляла воспоминания о прошлом вечере, пытаясь писать? Теперь она отлично справляется с бегущими наперегонки мыслями, говоря себе, что разберется со своими проблемами позже. И хотя сейчас вовсе не Стив занимает ее мысли, а Карен и дети, способность перенаправлять свою энергию на работу напоминает тренированные мышцы – Анна может делать это с почти предательской легкостью.

- Чаю? – спрашивает Билл, пододвигая к ней свой стул.

- О-о, да, пожалуйста. – Анна поднимает глаза. Офис гудит, как улей. Слышится приглушенная музыка, звонят мобильные телефоны, разговаривают коллеги. Но Анна была в своем собственном мире, на далекой северной границе, среди туманов, морского воздуха и запаха водорослей. Работа, как по волшебству, позволяет ей юркнуть в другое место.

Когда Билл ставит перед ней чашку чаю, слышится короткий писк. Самое время сделать перерыв и прочитать сообщение – она уже потеряла рабочий ритм.

«Все просто валится на меня, – говорится в сообщении. – Пожалуйста, поговори со мной, я знаю, как ты занята. К ххх».

Анне становится плохо. Только что она радовалась, что умеет переключаться на позитивные мысли, а тут снова придется погрузиться во мрак...

Она выходит в коридор и звонит подруге.

- Алло? – слышится голос Карен.

С первого слова Анна понимает, что она плачет. Сколько времени она проплакала так одна?

- О, дорогая. Почему ты не позвонила раньше?

- Я не хотела тебя отрывать.

- Если бы я была занята, я бы не позвонила тебе позже. Я редко не могу поговорить хотя бы несколько минут. Так что в следующий раз, пожалуйста, звони мне. Хотя это я должна была тебе позвонить. Прости меня.

Карен пытается проглотить слезы.

- Извини. Извини. Мне тоже так тяжело плакать почти все время. А теперь меня, похоже, не остановить. Дети в другой комнате смотрят «Шрека», а я просто... не знаю... Мне надо было позвонить в похоронное бюро насчет цветов, нужны ли они нам и какие, и я не смогла, я просто раздавлена. Сегодня Молли устроила у Трейси страшный, страшный крик. Я не знала, что у нее такой припадок, а она лишь хотела папу, а Люк не хочет со мной разговаривать, он словно онемел, не говорит ни слова, а вчера с ним было все хорошо, ну, не совсем хорошо, но знаешь, он говорил и плакал, и я чувствовала, что могу помочь, но я не могу быть их папой, никогда не смогу, и... Ох, Анна! Почему это случилось со мной? Я хочу, чтобы Саймон вернулся! Он мне нужен здесь, пусть он будет с нами! Хочу, чтобы он помог мне справиться со всем этим! – Она плачет еще пуще. – Я только что пришла домой и пыталась что-то сделать,

но когда открыла сушильную машину, там лежала его одежда, он положил ее туда в понедельник утром – рабочие рубашки, – я и не думала стирать с тех пор, потому и не знала, что они там. Я просто разрыдалась, и вошел Люк, и выражение его лица было просто ужасным – он выглядел таким потрясенным.

Анна только слушает, и через некоторое время Карен немного успокаивается и говорит:

– Извини: ты на работе. Просто сегодня мне действительно тяжело взять себя в руки. Извини, извини.

– Дорогая моя, хватит извиняться и не будь, черт возьми, так строга к себе, – велит Анна. – Тебе не надо брать себя в руки. Меня поражает, как ты хорошо держишься. Можешь позволить себе немного расслабиться, поплакать – никто не против. И меньше всего я.

– Я против, – говорит Карен.

– Ну, ладно, ты против, – с любовью смеется Анна. – Но больше никто, честно.

– Дети будут против.

– Нет, не будут. Они против того, чтобы их мама закупорилась и притворилась, что все тип-топ. Я уверена, что это куда хуже.

– Уверена?

– Да. Слезы – это не слабость. Иногда полезно дать им волю. – Анна уверена в этой своей догадке, она инстинктивно чувствует, что непролитые слезы только заполняют колодец печали Карен, и он становится лишь глубже, а это в будущем принесет еще больше страданий. И в то же время ей не по себе: она знает, что и сама скрывает свои чувства. Это противоречие вызывает трудность, но почти сразу она рационализирует ситуацию: ее проблемы совсем другого рода, ей нужно зарабатывать на жизнь, да еще быть сильной ради Карен. А Карен считает, что должна быть сильной ради детей. Снова у Анны возникает чувство, что они с Карен – как зеркальное отражение друг друга. Даже теперь их реакции схожи: обе хотят быть сильными ради других. Они зависят от друг друга, словно играют в дженгу [21]. Вытащи брусок из башни, и все рухнет, – и можно лишь гадать, кто ее разрушит.

– Но это моя вина, – снова плачет Карен. – Я должна была что-то сделать...

«О, нет», – думает Анна. Ее не покидает эта мысль почти с тех пор, как умер Саймон – примерно сорок восемь часов, – но слышать, как Карен клянет себя, становится просто невыносимо.

– Карен...

– У меня такое чувство, будто это я его убила, – тихо говорит та.

– Ой, *милая*.

– Да, это так.

– Это просто глупо.

Анне хотелось бы оказаться рядом с ней, хочется обнять ее. Так досадно, что нельзя поговорить с подругой лицом к лицу, помочь ей понять, что ей не в чем винить себя. Потому

что в данный момент они и Карен не отражают друг друга зеркально – от случившегося мир перевернулся и вывернулся наизнанку. Утрата Карен так велика, и только она сама может чувствовать ее значительность. И как бы Анна ни старалась, как бы ни хотела помочь, никакие ее слова не заставят подругу посмотреть на события с ее точки зрения.

19 ч. 09 мин.

Когда Анна едет с работы домой, снова звонит телефон. Как странно: она только что занесла этот номер в контакты.

- Алло. Это Лу.

- Я знаю: я только что записала ваш номер в мобильник.

- Какое совпадение.

- Да.

- Вы в поезде? – спрашивает Лу.

- Да, а вы?

- И я тоже.

- Двойное совпадение. Но я едва успела, так что в последнем вагоне.

- А я в первом, поэтому, наверное, не стоит искать друг друга. – Они подъезжают к Брайтону. – Но все-таки, как вы? День прошел хорошо?

- Прекрасно, – уныло смеется Анна. – В данный момент работа – наименьшая из моих забот.

- А, м-м-м...

Анна чувствует, что не может обманывать Лу, которая, в конце концов, была здесь, когда умер Саймон, но ей неприятно вести доверительный разговор в поезде, где столько людей слышат каждое твое слово. И она быстро соображает. Стиву нужно закончить работу у клиента, и он придет поздно; Карен этим вечером у Алана, брата Саймона, поэтому Анна свободна. Она предвкушала, как побудет одна, и планировала принять приятную теплую ванну и пораньше лечь спать. С другой стороны, неплохо и поговорить с кем-нибудь...

- Не хотите немного выпить, а? – импульсивно предлагает она. – Где-нибудь у вокзала?

Снова пауза, потом Лу говорит:

- Да, почему бы и нет?

- Можно зайти в паб на Трафальгар-стрит. Никак не могу запомнить его название.

- В дальнем конце? Я тоже не помню, как он называется.

У них действительно много общего, они даже забывают одно и то же.

- Да, справа по ходу.

- Прекрасно. Я подожду вас у турникета.

Когда поезд грохочет мимо моечного депо, свежевывмытые вагоны ярко сияют во флуоресцентном свете. Он замедляет ход и, наконец, подъезжает к платформе.

* * *

Лу позвонила Анне, потому что думала о ней и Карен, не зная, чем может помочь. Она знает, что это бесполезно: что случилось, то случилось, - и прекрасно понимает, что нужно беречь себя, потому что имеет привычку отдавать слишком много и полностью выкладываться на работе, заботясь о других. Тем не менее она сочувствует обеим женщинам и не может не принимать к сердцу их горе.

А вот и Анна среди идущей к турникету толпы. Лу машет рукой.

вернуться

21

Дженга - настольная игра, где игроки поочередно вынимают из построенной башни блоки так, чтобы она не упала.

- Привет, привет, - сияет Анна, подходя к проходу.

Она целует Лу в обе щеки.

С каждым разом Анна теплеет, замечает про себя Лу. Забавно. Некоторые, кто кажется дружелюбным при первом знакомстве, оказываются досадно поверхностными, в то время как чопорные особы, вроде Анны, становятся сердечными и искренними.

Лу забирает свой велосипед, и они идут по улице. Холодно, и под мостом у вокзала сквозняк треплет волосы Анны. На ней блестящие темно-зеленые кожаные туфли на высоких каблуках, цокающие по тротуару, она идет мелкими шажками. У Лу волосы непричесанны при любой погоде, а в кроссовках идти гораздо удобнее, они разношены, в них комфортно. «Странная парочка», - думает она.

- Ах, вот как он называется, - говорит Анна, когда они подходят к двери. «Лорд Нельсон».

В баре Лу устраивается между группой краснолицых пожилых мужчин и парой молодых парней в толстых пальто.

- Что возьмете?

Анна читает перечень вин.

- Бокал вот этого. - Она показывает на красное внизу страницы. - Но не беспокойтесь, плачу я.

Лу отмечает, что у Анны недешевые вкусы. И все же говорит:

- Нет, оплатите второй круг.

С улыбкой подходит девушка за стойкой - милая, необычно одета, с волосами безумного цвета,

торчащими, как шипы. Она моложе Лу - вероятно, студентка, - и та сразу распознает в ней лесбиянку. Лу заказывает для Анны красное вино и полпинты светлого пива для себя. Нетерпеливое «хр-р-р-р» указывает, что один из пожилых мужчин ждет, когда его обслужат, но она решает не обращать на это внимания. Ну и что, если ей отдадут предпочтение? Часто бывает наоборот.

Она осматривается. Помещение разбито на небольшие уютные пространства, пахнет пивом, слышны голоса и смех.

Анна эхом повторяет ее мысли:

- Мне здесь нравится - то, что нужно.

- Пойдем туда? - Лу указывает на нишу с двумя кожаными сиденьями с высокими спинками по обе стороны от узкого столика напротив друг друга.

Анна снимает свой плащ, и, когда садится, Лу замечает, что впервые видит ее без верхней одежды. Она одета просто, в черной юбке и джемпере с высоким воротником, но на шее большие бусы из полированного камня, что придает ей довольно нарядный вид. Нужна уверенность, чтобы совмещать такие наряды, думает Лу, и это впечатляет, учитывая, что Анна пережила. Сев напротив, Лу чувствует себя неряхой, сознавая, что ее наряд подобран кое-как. Но сейчас не время волноваться о внешности; Лу интереснее, что происходит внутри людей. Тем не менее она не хочет сразу переходить к этому и беречь раны Анны - это было бы бестактно. Ей хочется, чтобы Анна начала разговор сама. Поэтому она повторяет:

- Значит, на работе все в порядке?

Анна кивает.

- Пожалуй, не могу пожаловаться. Хорошо, что сейчас не очень загружена.

- Еще бы.

- И я работаю с очень симпатичными людьми, но не всегда с ними откровенна. Это позволяет мне дистанцироваться, вы меня понимаете?

Лу улыбается.

- Еще как.

«Если бы она знала, как мне это знакомо», - думает Лу, но думает, что сейчас не вполне уместно рассказать о событиях, произошедших на этой неделе, - у Анны своего хватает. Вместо этого Лу говорит:

- Это действительно была хорошая мысль.

- М-м-м... Приятно прийти в паб и не беспокоиться... - Анна прерывается.

Лу уверена, что она хотела сказать больше, но не знает, что именно, и пробует подойти с другой стороны:

- Расскажите, что привело вас в Брайтон?

- О, это долгая история, - Анна откидывается на спинку, - но я попытаюсь быть краткой. -

Она глубоко вздыхает. – В общем, много лет у меня был один и тот же парень, Нейл. Мы жили в Лондоне – и все шло хорошо, но, пожалуй, даже слишком хорошо. Слишком спокойно, если понимаете, о чем я.

– Да. – Лу прекрасно понимает.

– То есть Нейл был очень мил – не поймите превратно. И очень успешен. Фактически он меня избаловал. Сейчас мне этого не хватает. – На мгновение Анна как будто опечалилась. – В общем, в материальном плане у меня было все. Прекрасная квартира, быстрая машина, хорошая работа... – Она погружается в свои мысли, вспоминая. – Но, наверное, мне просто стало скучно. Да нет, пожалуй, дело не в скуке. Честно сказать, у меня начались приступы паники. Не знаю, у вас было когда-нибудь такое?

– Нет, – качает головой Лу.

– Сначала я не поняла, в чем дело. Все это очень тревожило меня. У меня было чувство, будто я не могу дышать, у меня кружилась голова – однажды я даже упала в обморок в подземке.

– Какой ужас!

– Да, и жутко было то, что это происходило совершенно непредсказуемо, я никогда не могла предугадать, когда все это случится опять. В конце концов, дошло до того, что я пошла к врачу, и он назначил мне лечение.

– Помогло?

– Отчасти. Не буду утомлять вас подробностями, но доктор установила, что у меня клаустрофобия в самом широком смысле. Моя жизнь, работа, отношения – все меня ограничивало, замыкало. И я решила все изменить. Радикально. Я не хотела детей от Нейла – это, наверное, был знак, – хотя тогда он их хотел. Но я просто не могла себе этого представить, живя прежней жизнью в том большом доме эпохи короля Георга, работая в рекламе, и все такое. – Она пожимает плечами. – Это казалось крайне неуместным.

«Ого! – думает Лу. – Значит, я была права. Анна не такая, как кажется».

– И я его бросила. – Анна качает головой, словно сама не веря, что совершила этот поступок.

– Вам, наверное, это далось нелегко.

– Полагаю, да. Но я думала, что сойду с ума, если все останется, как прежде. Наверняка так бы и случилось. Вы меня понимаете?

– Конечно.

И снова Лу слишком хорошо понимала Анну. Но она скажет Анне об этом потом – сейчас ей хочется узнать больше. Она наклоняется вперед, а Анна продолжает:

– Когда я рассталась с Нейлом, то задумалась: куда мне ехать и чем заниматься. Когда я стала обо всем этом размышлять, то решила разорвать все, что связывало меня с прошлым. Меня тошнило от Лондона, ото всех этих крысиных бегов. Все хотят превзойти друг друга в зарплате, отрабатывают дурацкие часы в офисе – вы знаете. Поэтому я бросила постоянную работу и стала работать внештатно. И поняла, что хочу сменить обстановку. Здесь я много лет назад училась в университете, поэтому знала и любила этот городок. К тому же Брайтон, как вам

известно, не так далеко от Лондона, поэтому можно ездить туда на работу. Но, наверное, последней каплей в чаше весов стало то, что здесь жили Карен с Саймоном – они уговорили меня. Карен жила здесь с окончания колледжа – никогда не уезжала, – там мы и познакомились, а вскоре она сошлась с Саймоном. Поэтому я купила небольшой домик рядом с ними, а остальное, как говорится, уже история.

Теперь, когда Анна столько рассказала, Лу стало еще любопытнее, кто же ее нынешний партнер. Что за мужчина ее увлек? Но ей не хотелось, чтобы Анна подумала, будто она лезет к ней в душу. И все равно, теперь, похоже, настала ее очередь, и если она будет откровенна, Анна может рассказать подробности своей нынешней жизни.

Наконец, Анна спросила:

– А что вас привело в Брайтон? Как я понимаю, вы сами не отсюда?

«Она была очень откровенна, – думает Лу, – и я должна отплатить тем же. Но она уже почти допила свое вино и может взять еще бокал, если захочет поворошить прошлое».

– Это, пожалуй, похоже на сказку, – говорит она. – Но, может быть, сначала возьмем по второй?

– Разумеется, – соглашается Анна. – Но теперь моя очередь платить. И еще я хочу чипсов. Вы не хотите?

* * *

Через несколько минут Анна возвращается. Лу откладывает свой мобильник – она послала сообщение Хоуи насчет пятницы.

– Похоже, меня она обслуживает не так быстро, как вас, – усмехается Анна. – Так что вы говорили?

Лу набирает в грудь побольше воздуха.

– Ну, если быть краткой, то мне пришлось уйти из семьи.

– А!

– Может быть, это сильно сказано, но, когда умер отец, я не смогла жить с матерью.

– Вы говорили, это было не так давно?

– Почти десять лет. Он умер от рака.

– Извините. – Анне неловко, что вынудила Лу сказать об этом. Их, похоже, окружает смерть.

– Как бы то ни было, я выросла в Хитчине, в Хартфордшире. Вы знаете это место?

Анна качает головой.

– Таких мест полно в Англии. Город ярмарок, вполне милый, но Боже – как вы это называете – чертовски клаустрофобный. Особенно если ты лесбиянка, как я.

«Ага, – думает Анна. – Я рада, что она это сказала».

Она и так знала но, тем не менее теперь это сказано вслух, значит, будет легче общаться.

Лу чешет голову, словно ища подходящие слова, и вздыхает.

- В последние месяцы жизни мой отец сильно болел. И я приехала домой помогать матери ухаживать за ним. И оставалась там еще несколько месяцев после его смерти, пока мать не пришла в себя. Я предложила ей сдавать жилье, чтобы как-то отвлечься от одиночества.

- Она так и сделала?

Лу кивает.

- Да, она и сейчас этим занимается.

- Это хорошо, что вы ухаживали за ней и за отцом все это время, - говорит Анна. - У вас есть братья или сестры?

- Младшая сестра, Джорджия.

- Почему же помогли вы, а не она?

- Хороший вопрос, - сардонически усмехается Лу. - Она замужем, у нее дети. А я старшая, мне полагается выполнять свой долг. За родителями ухаживает одинокая дочь - так принято. Мне нужно было вырваться, через шесть месяцев жизни с матерью я начала буквально лезть на стену. Как и вы, я сбежала. Очевидно, я по другой причине выбрала Брайтон. Но у меня, как и у вас, здесь были друзья. И я хотела найти место, где мне было бы комфортно. Когда росла, я никогда не ощущала свой дом крепостью.

Анне хочется, чтобы Лу завершила историю.

- И что привело вас к работе консультантом-психологом?

- Сначала я работала с бездомными как волонтер. Я имела дело с наркоманами, а больше - с алкоголиками. - Анна бледнеет при этом слове и гадает, не заметила ли Лу, что и Анне знакома проблема алкоголизма, но та или слишком увлечена своей историей, или слишком вежлива, чтобы показать удивление реакции Анны. Лу продолжает: - Мне было интересно, что толкало их на этот путь - на путь саморазрушения. И подумала, что буду учиться на психолога, что и сделала. Я закончила обучение в прошлом году. Потом, в начале осеннего семестра, получила работу в Хаммерсмите. Хотя я по-прежнему работаю с бездомными, каждую пятницу во второй половине дня.

«Мы обе совершили полный оборот», - думает Анна. Этого достаточно, чтобы поверить в Судьбу. И заставляет задуматься, нет ли других причин, которые свели их вместе.

- Я бы хотела познакомить вас с Карен, - вдруг говорит она.

- В самом деле?

- Да. - Анна на мгновение задумывается. - Думаю, ей будет действительно полезно поговорить с вами.

- Вот как? Почему?

- Не знаю. - Анна пытается объяснить. - Я просто нутром чувствую. Она так ощущает свою

вину, а вы психолог...

- Пожалуй.

- Вы не против, если я предложу ей встретиться с вами?

- Нет, вовсе нет. Мне нравится, когда я могу помочь людям.

- Думаю, это действительно хорошая идея.

- Но торопиться некуда. Может быть, сейчас не самое удачное время. Может быть, лучше подождать.

Но Анне не терпится действовать.

- Я сейчас ей позвоню.

- Вы уверены? Ей сейчас не до того.

- Согласна, но спросить не помешает.

Анна раскрывает свой мобильник. Карен у нее на горячей кнопке, надо звонить сейчас, а потом дети будут уже спать. Подруга отвечает после первого же гудка, и Анна сразу переходит к делу.

- Карен. Я хочу кое-кого привести к тебе. Прежде чем отказываться, послушай меня.

- Хорошо.

- Почему бы тебе не поговорить с женщиной из поезда, о которой я тебе вчера говорила? С той, которая сидела рядом с вами.

- Что в этом хорошего? - В голосе Карен звучит замешательство.

- Ну... - Анна колеблется, начиная жалеть, что не последовала совету Лу подождать. Это не тот разговор, который она планировала и которому по-прежнему ищет разумное объяснение. - Ну, тут несколько причин.

- Да?

- М-м-м, во-первых, потому что Лу, так ее зовут, видела все, что случилось.

- Ты уже говорила об этом, - медленно произносит Карен. - Наверное, для нее это был ужас.

- Я не это имела в виду. - Анна расстроена, но пытается это скрыть. Ей бы хотелось, чтобы подруга перестала ставить интересы других на первое место, хотя бы изредка. - Конечно, ты права... Наверняка было нелегко стать свидетелем такого происшествия, и я не хочу быть грубой, милая, но это совсем не то... Если ты не знаешь человека, то такое переживание совсем не может сравниться с твоим. Лу ведь не была знакома с Саймоном.

- Я подумаю, - смягчается Карен.

- В этом все и дело. Лу может тебе помочь, ну, стать немного объективнее.

- Объективнее! Почему я должна быть объективной к смерти своего мужа?!

Анна дала маху. Теперь Карен еще больше разволновалась – и правильно: Анна вела себя слишком бестактно. Это такая чувствительная область, как она может объяснить, что хотела сказать? Конечно, лучше быть честной.

- Просто мне не нравится, что ты так себя упрекаешь.

- Понятно.

Но Анна видит, что Карен по-прежнему не уверена в том, что ей надо встречаться с Лу. И в самом деле, это неудивительно. У нее столько всего на душе, и Лу, возможно, была права: может быть, слишком рано предлагать ей знакомство. И все же Анна не готова сдаваться.

- Лу консультант-психолог. Я не говорю, что тебе нужен психолог, но она кое-что понимает в утратах. И к тому же работает с детьми. Как знать, она, может быть, поможет с Люком и Молли.

- О! – Тон Карен изменился.

Теперь Анна слышит любопытство и пытается уцепиться за это.

- Я знаю, что она будет рада с тобой поговорить.

Но ее энтузиазм, похоже, возымел обратный эффект.

- Откуда ты знаешь? – Сомнение вернулось.

- Я увидела ее сегодня в поезде.

- Случайно?

- Нет, на самом деле я послала ей сообщение. – Анна понимает, что Карен не понравится, что она обсуждала ее горе с кем-то чужим, поэтому она отчетливо произносит: – Я была должна ей деньги за такси в Лондон.

- А! – В тоне подруг и снова появился интерес. – Но почему ты думаешь, что она захочет со мной поговорить?

- Она сама предложила, – напрямик говорит Анна. Она больше не может соблюдать осторожность, хотя и не думает, что будет уместно сказать, что прямо сейчас они вместе сидят в пабе. Анна надеется, что Карен и сама поймет по шуму. – Она спросила о тебе, как сделал бы любой нормальный человек. И я сказала, как ты хорошо справляешься с этим – ты в самом деле великолепно держишься. Но – и, надеюсь, ты не против, – еще я сказала, что ты чувствуешь, будто в случившемся есть твоя вина. А она сказала: нет, ты не виновата. Никким образом.

- О!

Длительная пауза. Карен явно пытается усвоить все сказанное.

- Хорошо, – соглашается она. – Если ты так хочешь.

И снова Анна старается быть откровенной.

- Да, хочу. Но только потому, что, по-моему, это тебе поможет.

- Ладно. Ладно. Пожалуй, я ничего не теряю, верно?

- Да, - признает она. - Пожалуй, ничего.

Четверг

19 ч. 53 мин.

Я не приду домой ночевать, - говорится в записке, - решил остаться в Брайтоне. Не хочешь пойти искупаться и устроить пикник на берегу?

Карен торопливо сгибает листок бумаги, чтобы не увидели коллеги. Она оглядывается: не подглядывает ли кто, потом смотрит на Саймона.

Он улыбается, приподняв брови.

У нее в животе все сжимается. Она *так* его хочет - не в состоянии устоять. Как это возможно? Она знает, что это нехорошо: у него есть девушка, он живет с ней, ради бога, - и то, что они делают, нечестно, жестоко. Она не знает, что он сказал своей девушке, чтобы провести ночь не дома, и не хочет этого знать. Она бы возмутилась, если бы так поступили с ней самой - она никогда не представляла себя одной из тех девиц, которые крадут чужих мужчин. Они с Анной всегда осуждали женщин, которые так поступают, утверждая, что в колледже и вне его полно свободных мужчин, что не обязательно уводить тех, кто уже занят. Но Саймон ей понравился с того дня, как она поступила на эту работу, и он сам начал за ней ухаживать. Это он сразил ее тайным поцелуем на летней вечеринке с коллегами всего неделю назад и потом спросил, нельзя ли у нее остаться. Он, несомненно, придумал совсем не убедительную отговорку, когда вернулся домой на следующий день. И потребовалась лишь одна ночь, чтобы открыть ящик Пандоры взаимной страсти; быть вместе было гораздо, гораздо лучше, чем следовало, пусть всего лишь ночь. И по тому, как он ведет себя с тех пор, - здесь не просто флирт, желание тайком увидеться с ней, поскольку они с Саймоном работают в разных отделах, - даже по одному касанию его руки, когда они на несколько секунд оставались одни, Карен чувствует, что действительно нравится ему.

Она кивает, быстро, опасно, и через два часа они едут в его машине в направлении Хоува, что в нескольких милях от их офиса в Кемптауне, но это все равно рискованно. Она смотрит на профиль Саймона за рулем, он сосредоточен, но постоянно поворачивается к ней и каждый раз улыбается. Ему как будто все равно, и она гадает, действительно ли ему все равно, что их увидят вместе. Да она и сама не слишком возражает, поскольку уже знает, хотя и слишком преждевременно, что хочет этого мужчину, что одного раза никогда, никогда не будет достаточно.

Они вылезают на Греческом рынке и бегут покупать еду и вино. В холодном дневном освещении видна убогая лавчонка, но нет, это не холодное дневное освещение, это волшебный июльский вечер, мир купается в теплом персиковом сиянии семичасового вечернего солнечного света, и всё, и все как будто ошеломлены, включая эту забавную ветхую бакалейную лавку. Внутри соблазнительные лакомства как будто предлагают им себя. То, что обычно кажется довольно обычным набором основных продуктов и дешевого алкоголя, становится рогом изобилия восторгов - хумус, тарамасалата, оливки, долма, пита - и в них явно нет недостатка.

Все обязательно будет исключительно вкусно. Карен с Саймоном быстро наполняют корзину,

добавляют бутылку вина – они сошлись на том, что оно должно быть шипучим, охлажденным, и почему бы не розовым? Оно, похоже, отражает настроение вечера – опьяняющее, но легкое, безобидное. Конечно, это вряд ли выбор аморальных распутников: скорее выбор двоих, наслаждающихся моментом, захваченных таким сильным и неудержимым влечением, что всякие последствия их поступков отодвинуты прочь на долгие световые годы.

Через несколько минут они паркуют машину на обочине у искусственной лагуны в западной части города, за лагуной – море. Это место практически идеально и достаточно далеко от самой популярной полосы Брайтонского пляжа, чтобы быть в относительном уединении. Саймон, как мантию шотландца, накидывает на плечи клетчатый походный коврик, который держит в багажнике, и они расхаживают по краю искусственного озера, пластиковые мешки шуршат, вьетнамки шлепают, свет играет на малышках-волнах – ряби, которая искрится и играет голубым и бирюзовым цветами.

- Куда пойдем? – интересуется Саймон, когда они доходят до прогулочной дорожки.

Карен осматривает пляж, ее главный приоритет – быть подальше от людей, а второй – она хочет побыть на солнце.

- Туда, – говорит она, указывая на участок гальки, омываемый волнами оранжевого оттенка.

- Превосходно, – соглашается Саймон, и он прав – в самом деле превосходно.

Они садятся на камни, кладут мешки, и Саймон взмахивает ковриком, так что он наполняется ветром и ложится ровным квадратом.

Карен какое-то время стоит, любуясь морем. Дует ветерок, но не сильный, волны манят, но не пугают; чайки там и сям ныряют вниз и взмывают вверх, кружат, играя на ветру. Мягкий свет освещает гальку; сегодня в ней миллион оттенков розового, красноватого, желтого, золотого, но не столь привычного серого.

Карен чувствует, что Саймон смотрит на нее, и представляет, как она выглядит со стороны: длинные-длинные каштановые волосы развеваются на ветру, белая хлопковая юбка хлопает по коленям, выцветшая футболка подчеркивает талию и грудь. Она женственна и чувствует себя в эту секунду очень привлекательной, даже, может быть, красивой.

- Хорошо. – Саймон растягивается у ее ног. Он подпирает голову рукой, а другую протягивает, указывая на место рядом с собой. – Иди сюда, – зовет он ее, похлопывая ладонью по коврику.

Карен не нужно звать дважды; она оборачивается, опускается на колени и скользит к Саймону. Он целует ее, ее тело приникает к нему, спина выгибается, как у нежащейся в тепле кошки, вытягиваясь в экстазе. Она протягивает руку и гладит волосы Саймона, у него прелестные волосы – темные, густые, слегка волнистые – это первое, что она заметила в нем. А когда он прижимается к ней всем телом, она думает: как хорошо быть рядом с большим мужчиной, настоящим мужчиной, а не с одним из этих патлатых поэтических типов, в которых она влюблялась в прошлом. С Саймоном она чувствует себя маленькой, хрупкой, женственной, и это ей безумно нравится. Она вдыхает его запах – тот самый запах, что сразил ее неделю назад, слегка лимонный, свежий – о, какой мужской! – и, во всяком случае, для нее, безумно сексуальный.

- Купаться пойдем? – спрашивает он, оторвавшись через несколько минут.

Какая-то часть Карен так наслаждается ощущением его рта, губ, настойчивого языка,

что не хочет останавливаться, а другая часть чувствует, что нужно искупаться, но теперь его нога вклинилась меж ее ногами, давя на пах, а рука Саймона легла на ее голову. Если не остановиться, скоро они дойдут до недозволенного, учитывая, что здесь общественное место. Но ей нравится мысль о том, чтобы зайти в море – оно такое нежное, очень теплое, и если здесь нельзя заниматься сексом, то можно сделать что-то другое чувственно привлекательное. На ней парные лифчик и трусики – легко сойдут за бикини. А что намокнут – какая важность? Она может вернуться домой без них, и никто не узнает.

- Хорошо. – Она садится, тут же стягивает юбку через колени, футболку через голову, и вот уже почти обнаженная стоит перед ним. И снова чувствует, как Саймон смотрит на нее.

- Ты роскошна, – говорит он, проводя рукой ей по спине. От пальцев Саймона по телу Анны бегут мурашки, она хочет, чтобы он снова ее поцеловал, но нет, она удержится. Волны манят.

- Кто первый! – кричит она, вскакивая и бросаясь по гальке к воде, все еще во вьетнамках. Потом сбрасывает обувь и – плюх, плюх, ПЛЮХ! – наплевать на боль в подошвах от камней – она уже в море по бедра – о-о-о! бр-р-р-р! Быстро-быстро, чтобы согреться, она заходит глубже, и вот Анна уже по пояс в воде, и – о-о-ох! – дальше, уже по плечи. Но хотя вода холодная, совсем не ледяная, как она опасалась – мягкая весна и недавняя жара согрели ее. Ее волосы плывут рядом с ней, но она держит лицо над водой, зная, что румяна размоются, а ей хочется выглядеть для Саймона как можно лучше. Карен оглядывается назад – он бежит по берегу в своих боксерских трусах, и через несколько секунд уже рядом с ней.

Она обнимает его ногами, как лягушка, и немного откидывается назад, гребя руками, чтобы остаться на плаву. Несмотря на холод, у него эрекция, и она чувствует ее и бесстыдно трет его трусы ладонью.

Он снова приподнимает брови, улыбается и стонет:

- О-о-о!

Потом – *вжик!* – и он отплывает от нее, ныряет и выныривает с мокрыми волосами, по лицу течет вода.

Теперь она улыбается, и то подплывает к нему, то отплывает, как будто дразня. От неба над головой захватывает дыхание, там клочки облаков плывут, как сахарная вата, розовато-лиловые и сахарно-розовые над изящными белыми домами в стиле ар-деко прямо на западе. Карен не может вспомнить, когда была так счастлива.

Потом она снова в его объятиях, Саймон держит ее против волн и, да, м-м-м, они целуются, и соленая вода смешивается со слюной. Анна обхватывает Саймона за шею, он держит ее за талию, и теперь ей наплевать, что здесь общественное место: никого рядом нет, и все равно никто не увидит, что происходит под поверхностью воды. Поэтому она снова обхватывает ногами его бедра и вжимается в него, нежно вращая бедрами, чтобы ритмично тереться об него, соблазняя.

Это для него слишком – или недостаточно, – и он вынимает из трусов свой член, стягивает ее самодельные бикини и – ОХ! Он в ней, она не может поверить, какая отвага, какое наслаждение – они действительно делают это – занимаются сексом в море!

Непрерывный поцелуй, пока он двигается туда-сюда; до этого у нее была пара любовников, но истинный Бог, ни с кем ей не было так хорошо, ни с кем она так совершенно не сливалась, как с Саймоном. Это, конечно, лучшее ощущение в этом мире, прямо сейчас, и она не может

вообразить ничего лучше.

То, что вдали по прогулочной дорожке ходят люди, лишь добавляет возбуждения – это непередаваемое ощущение! По всевозможным причинам они не должны заниматься тем, чем занимаются, но, черт возьми, должны, да, да, должны, непременно, непременно должны...

Потом, на гальке, Саймон с шумом откупоривает розовую шипучку, и они пьют вино прямо из бутылки.

Он смотрит, как Карен жадно глотает, и она знает, что это выглядит сексуально, и ей все равно. Ее даже возбуждает это, хотя в действительности уже невозможно возбудиться больше.

- Подожди, – вдруг говорит Саймон, – я схожу в машину, – и прежде чем она успевает спросить, зачем, он уже встал и быстро, почти бегом, устремился к машине.

Вскоре он возвращается, запыхавшись.

- Я взял это с собой, чтобы заснять нашу программу. – В его руке фотоаппарат.

- О, не надо, пожалуйста, не надо, – протестует Карен, загоразживаясь рукой.

Но он не обращает внимания и делает несколько снимков.

- Теперь моя очередь, – говорит она. – Иди сюда. – Она дергает его к себе. – Я хочу сняться вместе.

- Как ты это сделаешь? Тут нет таймера.

- А вот так, – возражает она и вытягивает фотоаппарат на руке как можно дальше, потом кладет голову Саймону на плечо, улыбается и – ЩЕЛК! Момент схвачен.

* * *

Теперь она смотрит на нее, на эту фотографию.

У него мокрые волосы, они вьются на лбу, ни намек на седину, а ее волосы прядями падают на плечи, невероятно молодая кожа блестит в последних лучах дня. Она ближе к объективу, подбородок поднят, глаза скошены, ее улыбка – это улыбка женщины, только что занимавшейся любовью. Он доволен, как кот, наевшийся сметаны.

Даже теперь, через двадцать лет, она ощущает соленый вкус морской воды.

Она где-то читала, что воспоминания подобны струйкам воды на камне. Чем чаще вспоминаешь, тем глубже они запечатлеваются в памяти, поэтому самые сильные остаются крепче всего, навсегда.

Тот день врезался в ее память, как железная дорога в скалу, и какое-то время казалось, что она не может думать ни о чем больше. Как будто какие-то химические компоненты в ее мозгу решили вымести все ее мысли и перенести в другое место, где волны шевелят гальку, ветер носит чаек, а в небе тает инверсионный след самолета.

Ладно, хватит.

Сосредоточься, Карен, сосредоточься.

Чем она занята?

Ах, да, высматривает Анну. Карен живет на холме, ей видна вся улица от залива. Анна должна зайти с какой-то женщиной, с которой познакомилась в поезде, ее зовут Лу, но опаздывает, что для нее нехарактерно.

Торопливо, злясь на себя, что позволила себе такую ностальгию, Карен прячет фотографию обратно в туалетный столик и торопливо вытирает слезы.

* * *

Это произошло снова, и опять в поезде. Неожиданные потоки слез.

Только что Анна была в порядке, читала вечернюю газету. На работе она держала себя в руках, потом поговорила с Биллом, своим коллегой, они ехали вместе до Хевард-Хита, где он пересел на Уортинг - она даже умудрилась без слез немного рассказать ему про Саймона. Проехала Уивелсфилд и Берджесс-Хилл, сосредоточившись на кроссворде. Но потом, у Престон-Парка, плотина рухнула. И она не знает, когда внезапный поток слез остановится, куда он течет и какие разрушения и обломки оставит за собой. И к тому же через пятнадцать минут ей нужно быть у Карен. Она не хочет, чтобы Карен увидела ее в таком виде. Она даже договорилась заранее встретиться с Лу, чтобы они смогли провести какое-то время вместе до прихода к Карен. Она *должна* быть при Карен сильной.

Анна выходит из поезда, слезы льют рекой. Хотя она не издает ни звука, но знает, что люди смотрят на нее, однако слишком расстроена, чтобы беспокоиться, что подумают другие. Она сворачивает от вокзала направо и поднимается вверх, в глазах все расплывается, но она знает дорогу. Она понимает, что причина слез - в печали по Саймону, но ничего не может поделать: *все* ощущается таким безрадостным. Ей отчаянно хочется побыть с кем-то, ей не вынести этого одной, она так подавлена.

По пути к Карен ей придется зайти домой, и она осознает, что Стив, наверное, будет дома. Он уже закончит работу, а что ей сейчас надо - это чтобы кто-то ее обнял, добрые крепкие объятия, которые высушат все слезы, как каток выжимает воду из мокрого белья. И тогда, пожалуй, в ней найдутся силы, чтобы пойти к Карен.

Она поворачивает ключ в замке и окликает Стива из прихожей. Но, в отличие от другого вечера, когда она ощутила в квартире запах спагетти по-болонски и услышала слова утешения, сейчас ей отвечает тишина.

Она заходит в кухню.

Стива нет.

Он, наверное, в пабе. Сначала она сердится, а не печалится, но потом ее снова охватывает жалость к себе, и она садится за кухонный стол, даже не сняв пальто, и рыдает.

Теперь Анна уже не сдерживается, она сама напугана силой и глубиной своего отчаяния. Слезы как будто выворачивают ее наизнанку, она ревет и икает, как ребенок. Сейчас она плачет не о Саймоне, Карен, Молли, Люке, Филлис, Алане или ком-то еще, она плачет о себе.

Анна всегда сознает, что нужно быть сильной, рассудительной, веселой, сообразительной,

но сейчас не чувствует в себе ничего подобного. Она понимает, насколько она слаба, ранима, слаба, уязвима... Она хочет, чтобы ее кто-нибудь пожалел. И одновременно ее гложет очень плохое предчувствие: она сознает, что смерть Саймона высветила беспощадным светом ее собственные жизненные обстоятельства, и ей все больше не по себе от того, что открылось. Так, извращенным образом, она решает проверить свою интуицию (в конце концов, хуже от этого не будет), берет телефон и набирает номер.

Через несколько гудков он отвечает.

- Стив?

- Да.

- Это я, Анна. - Она слышит фон голосов, смеха, музыки.

- Знаю. Твоя глупенькая мордочка высветилась у меня на экране. - Она сразу понимает, что он выпил. Не пьяный, еще нет, но все идет к этому. Она слышит это по его голосу: он говорит слишком медленно, словно приходится больше обычного думать о том, что говорит. И фразу «глупенькая мордочка» в трезвом виде он не употребляет. Ее подозрения подтверждаются, и она в ярости.

- Ты где?

Пауза. Он знает, что она догадывается, где он находится, и не хочет признаваться, но у него нет выбора. Наконец, он сдается:

- В «Чарминстерских гербах».

Это рядом.

- Понятно. Ты уже давно там?

- Нет, только что пришел. - Она знает, что он врет. - А что? Ты сама где?

- Дома.

Снова пауза. До пьяного человека дольше доходит информация.

- Но ты, кажется, собиралась к Карен?

- Собиралась, но пришла домой.

- Почему?

- Почувствовала себя несчастной.

Могла бы добавить, что и сейчас чувствует себя так же. Анна хочет узнать, как долго Стив будет переваривать эту информацию - вызывает его на откровенность.

- Ясно.

- Я думала, ты обнимешь меня.

- Понятно.

Но ничего ему не понятно. Он не может понять. Он ничего не может понимать, когда пьет. А начав, не может остановиться, поэтому нечего рассчитывать на его объятия. За них придется расплатиться, выслушивая оскорбления, а Анна не хочет платить такую цену.

И вдруг...

- Хочешь, чтобы я пришел домой? - предлагает Стив.

Она знает, что ему не хочется.

- Это не важно.

- Я приду, если хочешь. - Она снова слышит, как медленно он выговаривает слова.

- Нет, все хорошо, - быстро говорит Анна. - У меня нет времени тебя ждать. Если бы ты был дома - но тебя нет. Я и так опоздала. Не беспокойся. Увидимся позже. - Теперь ей хочется только одного: прекратить разговор. - Пока. - Она нажимает кнопку отбоя.

Пару минут Анна сидит, глядя на лежащий на столе телефон.

Она была права. Где он, Стив, когда ей больше всего нужна его забота? Да, иногда он поддерживает ее, но не теперь, и далеко не всегда. И все чаще ей кажется, что это даже лучше, если его нет поблизости.

Анна устала плакать, и вдобавок ей придется как-то разбираться со своим разочарованием в Стиве. Иногда она задумывается, не идет ли ее совместная жизнь со Стивом вразрез со здравым смыслом: перевешивает ли физическая тяга к нему тот факт, что он ей не пара в эмоциональном, финансовом, да еще вдобавок и социальном отношении? В глубине души она понимает, что некоторые ее подруги не одобряют ее выбора и беспокоятся о ней. Карен и Саймон намекали ей, а другие слишком тактичны, чтобы сказать, но она это чувствует. Как струя холодного воздуха из окна: его не видно, и все же чувствуется. Анна отдалилась от тех, кто вызывал у нее чувство неловкости, с другими видится без Стива, потому что лучше себя чувствует без висящего в воздухе молчаливого неодобрения. И все же люди воспринимают друг друга по-разному, и некоторые из ее друзей вполне ладят со Стивом. Определенно одна-две из ее подруг говорили, что находят его физически привлекательным. И в то же время она ощущает: некоторые считают, что она могла бы «найти лучше», чем рабочего; другие завидуют, что он на несколько лет ее моложе и может выполнять полезные работы по дому.

Все это очень запутанно.

Но у нее нет времени копаться в этом дальше: Карен разволнуется, куда она пропала, а они договорились, что Анна познакомит ее с Лу. Познакомить их было идеей Анны, и она не может отменить этой встречи.

Анна встает. Она снова приводит себя в порядок и вскоре уже в пути. Подойдя к дому, она ощущает присутствие Карен и смотрит вверх. Карен стоит у окна и ждет. Анна изображает улыбку, машет рукой и ускоряет шаги.

20 ч. 23 мин.

Дом Карен стоит на одной из брайтонских холмистых улиц в жилых кварталах. С обеих сторон

улицы склоны уступами покрывают поздневикторианские террасы, они кажутся какими-то пониженными в оранжевом освещении уличных фонарей. На самом верху располагается пара полуобособленных домов постройки тридцатых годов. Издали они смотрятся не особенно привлекательно, но Лу догадывается, почему Карен живет здесь: за сравнительно небольшую стоимость здесь можно приобрести довольно большую жилую площадь, а у Карен с Саймоном дети. На фасаде ворота встроенного гаража, поэтому Лу приходится обойти дом сбоку, чтобы найти входную дверь. Она прицепляет велосипед к водосточной трубе и вешает на тросик замок, после чего нажимает кнопку звонка. «Динь-дон» напоминает ей рекламу из детства «Звонит “Эйвон”» [22].

Внутри слышны голоса, и на мгновение ее пробирает дрожь. Лу договорилась встретиться с Анной здесь, а сама задержалась, чтобы написать отчеты о проведенных сеансах в школе, ей не хотелось, чтобы бумажная работа перешла на следующую неделю. У нее так плотно распланированы выходные, что этот вечер после работы – единственная возможность. Ей также показалось разумным дать Анне и Карен побыть часок вдвоем до ее прихода, а не вваливаться, когда детей укладывают спать.

Но теперь встреча ее пугает, Лу не знает, чего именно от нее ожидают, чем она – или кто-нибудь вообще – может помочь в такой ситуации. Хотя она и консультант-психолог, но так точно и не знает, как разговаривать с теми, кто переживает утрату, а особенно с женщиной, которая совсем недавно и так неожиданно потеряла столь близкого человека.

За дверью слышатся шаги, дверь открывается. Это Карен. Она одета более неформально, чем тогда в поезде в понедельник утром. Сегодня она в выцветших джинсах и легкой блузке, но Лу сразу же ее узнает. Впрочем, сегодня ее лицо кажется изменившимся: бледное, панический испуг исчез, и теперь ее черты олицетворяют печаль. Такую же перемену Лу заметила в Анне вчера утром, но в Карен она в десятки раз заметнее.

- Здравствуйте, – мягко произносит Карен. – Вы, должно быть, Лу.

- А вы Карен.

- Да.

- Мне бы хотелось встретиться с вами при более счастливых обстоятельствах.

Карен тяжело вздыхает.

- Мне тоже. Но заходите, заходите.

Лу переступает порог и оказывается в квадратной прихожей. Видно, что это семейный дом: на кремовых стенах детские рисунки в рамках, вешалка с маленькими пальтишками, курточками и шарфиками; на паркете разбросано несколько пар разноцветных маленьких резиновых сапожек и туфелек.

- А, Лу, привет, – слышится знакомый голос; он увереннее, энергичнее, чем у Карен, и из кухни выходит Анна. Лу с облегчением видит у нее в руке стакан.

Анна словно уловила невысказанную просьбу.

- Не хотите вина?

- Да, пожалуйста.

- Я вам налью. - Анна явно чувствует себя здесь как дома. Лу гадает, как давно они с Карен знают друг друга и где познакомились.

- Положите вашу сумку и проходите, - говорит Карен.

Лу так и делает, вешает парку на вешалку и следует за ними на кухню.

Кухня здесь довольно большая и разделена стойкой. В дальнем конце встроенные кухонные машины, плита, раковина и окна от пола до потолка, выходящие на сад. Снаружи темно, но Лу угадывает, что это всего лишь патио: в центре города это норма. Прямо перед ней большой дубовый стол, выдавший виды и поцарапанный, а слева холодильник с морозильной камерой. На верхней его части на высоте детского роста буквами из яркого пластика с магнитами выложено «ЛЮК», «КОШКА» и «ГРУША».

Она еще впитывает все это, когда Карен говорит:

- Я помню вас в поезде.

Лу поражена: она не ожидала, что во всей той сутолоке Карен заметила ее.

- Красного или белого? - вмешивается Анна.

Лу видит, что обе пьют красное.

- М-м-м...

- Выбирайте, какое хотите, - ободряет ее Карен, - у нас его много.

- Я предпочитаю белое, - признается Лу.

- Никаких проблем, - говорит Карен и подходит мимо нее к холодильнику.

- Совиньон устроит?

- Прекрасно.

Лу поражена тем, как Карен гостеприимно встречает ее, хотя на душе у нее кошки скребут. «Есть такие люди, для которых вполне естественно заботиться о других, несмотря ни на что», - думает она. А есть другие, как мать Лу, кто никогда не думает о тех, кто вокруг. В сравнении с Карен гостеприимство ее матери показное и вызывает стеснение. Лу отгоняет обиду прочь. Она пришла сюда не за тем, чтобы думать о матери.

- Я не думала, что узнаю вас, - говорит Карен. - Но вы действительно помогли тогда.

- Неужели? - Лу тронута.

- Да. Думаю, вы раньше всех поняли, что происходит.

- Возможно. Все произошло так быстро.

- Да.

Пара секунд молчания. Лу в затруднении.

- Мне очень жаль, - вот все, что она может сказать. Это кажется безнадежно неуместным. Она пытается вспомнить свои действия. Кричала, торопила других, так, что ли?

- Жаль, что я не смогла сделать больше, - признает Лу.

- Я бы тоже хотела сделать больше. - Карен вертит свой бокал за ножку. Потом ее голос затихает, и она говорит шепотом, но с какой-то свирепостью. - *Боже*, как бы я хотела!

Анна пододвигается к подруге и обнимает ее за плечи.

- Милая...

Лу чувствует такую мучительную боль, что едва удерживается на стуле.

- Мне следовало попытаться сделать ему искусственное дыхание. - Карен закрывает глаза, словно смотрит внутрь себя, словно под микроскопом рассматривая свои упущения.

На Лу накатывает чувство вины: она тоже не попыталась спасти Саймона.

- Не думаю, что ты бы смогла, - тихо говорит Анна.

- Но я его *жена!* - кричит Карен.

Этот разговор внезапно очень сильно воздействует на чувства Лу, а она не пробыла здесь и пяти минут. Она привыкла к эмоциональным вспышкам своих учеников, но теперь чувствует такое личное влечение к Карен, что не может, как обычно, оставаться отстраненной, и это потрясает ее. А Карен все сильнее обвиняет себя:

- Я должна была заботиться о нем. Вот что должны делать жены... - Ее голос прерывается. - Он всегда так заботился обо мне...

- Да, - задумчиво говорит Анна, и снова у Лу такое впечатление, что ей самой тоже не хватает заботы. - Но и ты чудесно заботилась о Саймоне, да и за *всеми*, милая, в том числе и за мной. Не могу вынести того, как ты себя во всем обвиняешь! Я в жизни не видела такого заботливого человека.

- Извините, Лу, - вдруг произносит Карен, - вы все стоите. Садитесь, пожалуйста.

Это яркая иллюстрация того, что только что говорила Анна. Лу выдвигает из-под стола стул.

- Спасибо.

- Вы не голодны? - Карен лезет в шкаф.

- Нет... - Лу не хочется причинять хлопоты, но она действительно после обеда ничего не ела.

- Да, - утверждает Карен.

- Да, но... не беспокойтесь...

- Ну, начнем с этого. - Карен достает пакет картофельных хлопьев и высыпает в миску.

- Достаточно. Я могу поесть, когда приду домой, честно.

- Не глупите.

- Я приготовлю что-нибудь, - предлагает Анна. Она строго смотрит на Карен. - Меня беспокоит, что ты сама ничего не ешь.

- Я не голодна.

- Это не довод, - твердо настаивает Анна. - Нужно есть. - Она отодвигает Карен и начинает рыться в кухонном шкафу. Высокая, она достает до верхней полки и берет пакет с макаронами.

- У тебя есть что-нибудь к этому? - И сама отвечает на свой вопрос: - Не беспокойтесь, я все приготовлю сама.

вернуться

22

Увидеть эту рекламу и услышать слоган можно здесь:
<http://www.youtube.com/watch?v=74aDOHL9S6g>.

Она открывает холодильник и достает уже открытый соус для макарон, лук, цукини и один баклажан. Она кажется такой умелой, уверенной, и Лу мельком представляет, какова она на работе. Мысль о работе напоминает ей кое о чем, и она отодвигает стул.

- О, я только что вспомнила. Надеюсь, не возражаете - я распечатала кое-что для вас. - Лу направляется в прихожую и возвращается с листом бумаги, который протягивает Карен. - Я знаю, что все это достаточно очевидно, но иногда самое простое легко забывается.

Анна подходит поближе, чтобы прочитать через плечо у Карен:

Как перенести внезапную смерть

Важно сфокусироваться на основных телесных потребностях для обыденного поддержания жизни:

- *Поддерживайте обычный распорядок дня. Даже если трудно выполнять регулярные занятия, все равно пытайтесь. Соблюдение распорядка дня поможет вам почувствовать себя увереннее.*

- *Достаточно спите или, по крайней мере, больше отдыхайте.*

- *Может помочь составление списков или написание заметок, неплохо было бы составлять план мероприятий.*

- *Постарайтесь делать регулярные упражнения. Это может помочь снять стресс и напряжение.*

- *Поддерживаете сбалансированную диету. Опасайтесь нездоровой и высококалорийной пищи, переедания. Пейте больше воды.*

- *Алкоголь употребляйте в умеренных дозах. Не используйте алкоголь для того, чтобы заглушить боль.*

- *Делайте то, что утешает, поддерживает и придает силы. Вспоминайте другие трудные времена, как вы их пережили. Это поможет вам мобилизовать внутренние ресурсы.*

- Видишь? Что я и говорила. - Анна показывает в середину списка.

- Спасибо. - Карен начинает плакать.

Лу чувствует себя ужасно - она неправильно оценила ситуацию.

- Извините. Я не хотела вас расстраивать.

- Вы и не расстроили. - Карен старается улыбнуться. - Странно, но мне становится хуже, когда люди со мной добры.

Анна легонько сжимает подруге плечо.

- Ну, ты могла бы привыкнуть к этому.

- Как же все это странно, - вздыхает Карен. - Все кажется таким нереальным. Даже то, что здесь написано. Отчасти я могу это понять, я понимаю, о чем тут говорится, но все это не укладывается в моей голове. У меня ничего не укладывается в голове с того момента, как Саймон... м-м-м... - Она запинается. - Как у него случился приступ.

- По-моему, это вполне нормально, - говорит Лу. - Это был страшный шок. Просто ваш организм - или ваша душа - таким образом реагирует на него. Когда умер мой отец, помню, со мной творилось что-то необъяснимое, как будто моя голова жила сама по себе, отдельно от жизненного процесса. Мне потребовалась целая вечность, чтобы справиться с этим.

- И вы справились? - спрашивает Карен.

- В каком-то смысле... То есть отчасти это все еще представляется абсурдом, кажется очень несправедливым.

- Ваш папа отчего умер?

- От рака. Очевидно, что это случилось не так, как у вас. Он умер довольно быстро, но все же было какое-то время, чтобы свыкнуться с мыслью об его уходе. Так что не удивительно, что у вас это не укладывается в голове.

- Иногда я чувствую себя почти нормально, - говорит Карен. - Когда я чем-то занята. Но это продолжается совсем недолго, буквально несколько мгновений. А в следующую минуту я словно падаю куда-то в пустом пространстве. Нет ни стен, ни потолка, ни пола. Думаю, я уже никогда не почувствую себя нормально.

- Я уверена, что на самом деле это тоже обычно. У вас никогда не было такой серьезной, ужасной травмы. - Лу делает паузу. - Вам поможет, если я расскажу, что я запомнила из того дня? Иногда хорошо принять другую точку зрения.

- М-м-м, - колеблется Карен. Может быть, ей не хочется возвращаться в тот день. Но потом говорит: - Да, пожалуй, может помочь.

- Я помню, как сижу напротив женщины, которая делает себе макияж. Я была полусонная и смотрела на людей краем глаза. Потом, помню, посмотрела на вас и вашего мужа - Саймона, верно? - Лу не стала ждать ответа. - И вы разговаривали. Мне было не слышно, о чем -

я слушала свой айпод, но подумала – честно, я не просто так говорю: какой у вас счастливый вид.

– Правда? – Карен делает резкий вдох.

– Да. Он гладил вас по руке, и вам, казалось, так легко друг с другом. Я подумала, что у вас какая-то особенная близость.

– Черт, как странно, что вы заметили это.

– Не скрою, я люблю подсматривать, – признает Лу.

– Но это же хорошо, – вмешивается Анна. – Разве нет, Карен? Это значит, что Саймон в последние минуты был по-настоящему счастлив.

– Пожалуй... Я не думала об этом. Все это, кажется, было целую вечность назад... И что еще вы увидели?

– Ну, тогда все показалось замедленным, мне так почему-то представилось, но в действительности, наверное, все случилось меньше, чем за пару минут. Помню, что Саймона сначала стошнило...

– Я тоже это помню.

– И я выключила свой айпод. Потом, помню, он схватился за грудь, и я услышала его слова: «Прости»

– Действительно? Он сказал «Прости»?

– Да, определенно так сказал.

– Мне кажется, я не слышала.

– Он точно это сказал.

– Благослови его Бог... – сдавленным голосом произносит Карен. – За что, как вы думаете, он извинялся? Вероятно, за рвоту. Как это типично... Всегда беспокоился. И у него была гордость – он терпеть не мог проявлять нездоровье на людях. Глупость какая – мало ли что бывает.

– Может быть, он извинялся, что покидает тебя, – замечает Анна.

– Ты так думаешь?

– Да, – говорит Анна, доставая из сумочки бумажный платочек. Когда она протягивает его Карен, Лу замечает, что он уже мокрый – вероятно, Анна сама раньше плакала. – Это были его последние слова?

– Насколько я помню, – кивает Лу.

– Я тоже больше ничего от него не слышала, – осторожно соглашается Карен. Она берет платочек и вытирает слезы.

– Я думаю... – Лу замолкает, стараясь вспомнить что-то еще. Она видит, как Саймон схватился

за грудь, как повисла его голова. Да, несомненно: – Он умер сразу после этого. Похоже, обширный инфаркт, это произошло так быстро.

– Так врачи и сказали... – медленно выговаривает Карен. – Но все равно у меня чувство, что я могла что-то для него сделать.

– И у меня, – пожимает плечами Лу.

– Нет, вы и так много сделали.

– Это вы много сделали, – говорит Лу. – Я вас видела.

Карен всхлипывает.

– Я стояла там в панике. И ничего не делала.

– Вы не просто стояли. Вы звали на помощь. Вы знали, где найти кондуктора.

– Да?

– В среднем вагоне. Я бы этого не сообразила. – Лу смеется над собой. – Я бы, наверное, послала кого-нибудь не туда, и время было бы потеряно. Откуда вы знали, где он?

Карен перестает плакать и всхлипывает.

– Однажды мне пришлось покупать билет у кондуктора. Мы ехали с Саймоном и опоздали. У него сезонный билет, а я купила себе в поезде.

– Вот – прекрасный пример. Видишь, ты не оказалась бесполезной, – говорит Анна.

– Просто повезло, что кондуктор находился там. Я была в полной панике и потому просто сказала первое, что пришло в голову. Он запросто мог быть где-нибудь еще.

– Но он был там, – говорит Анна. – А большинство людей не догадались бы об этом сразу, уверяю тебя.

– Думаю, я немного понимаю, что вам пришлось пережить, – вмешивается Лу. – Я чувствовала примерно то же, когда умер папа. Сначала мне было так тяжело, оттого, что рак не выявили раньше, но потом я поняла, что так всегда бывает.

– Что вы хотите сказать?

– Ну, мы идем к врачу, когда уже *заболели*, верно? Не до того, не раньше.

– Я жалею, что он не обратился к врачу раньше, – признает Карен.

– Еще бы не жалеть, это естественно. Но то-то и оно – и это меняет дело, – ведь в том, что он не обратился к врачу, больше виноват он, чем вы.

– Я могла бы заставить его показаться врачу.

– Когда это Саймон ходил к врачу, потому что ты велела? – спрашивает Анна. Она берет бутылку и доликает вина себе и Карен, потом открывает холодильник и наливает Лу тоже. – Ты сама знаешь, милая, что он бы все равно не пошел, ему это было ни к чему.

- Представляю, - кивает Лу. - Мой папа был таким же. Он бы ни за что не пошел к врачу.
- Пожалуй, вы правы...
- Но я-то все равно думала, да, что отец мог бы сходить к врачу, но кто сказал, что доктор бы понял его состояние? Он бы мог всю жизнь протаскаться по врачам, но он не был ипохондриком, и на самом деле я рада, что не был. - Лу отпивает из бокала. - Не думаю, что ипохондрики получают большое удовольствие от жизни.
- А Саймон получал, - говорит Анна.
- Но вы же не чувствовали, что ваша папа умер по вашей вине? - спрашивает Карен.
- На самом деле в некотором роде чувствовала. Он бы мог лучше питаться, больше делать физических упражнений, а я бы могла подталкивать его к этому, помогать ему, - я люблю спорт, слежу за своим здоровьем, так что могла бы показать ему пример, но я этого не делала. Определенно, я бы могла больше пилить его, чтобы он бросил курить.
- О!
- Но теперь - когда прошло много лет, и многое видится иначе, - я вижу, что он умер не в результате какой-то одной причины, и поэтому что-то одно не могло его спасти.
- Не совсем понимаю, что вы имеете в виду...
- Похоже, что к болезни моего отца привела целая совокупность причин: он курил, испытывал постоянный стресс от мамы, ел всякую дрянь, волновался, ненавидел ходить по врачам...
- И многое из этого можно просто назвать невезением? - подсказывает Анна.
- Да. Некоторые заболевают раком, некоторые нет.
- То есть вы считаете, что обвинять себя было неправильно, - заключает Анна.

Лу понимает, что именно этого Анна и хочет - отчаянно хочет - внушить Карен, что она не виновата, но, объясняя, сама еще более запутывает проблему. Лу тщательно подбирает слова.

- Не знаю, я думаю, что оно возникает само собой, это чувство вины. Со мной так и случилось. И это вполне понятно. Что касается Саймона, то, пожалуй, мы все были причастны к его смерти, учитывая, как мы отреагировали на нее - вы, я, медсестры, врачи и другие пассажиры. Но обвинять некого, даже если мы - все - чувствуем, что могли что-то сделать. Я действительно в этом уверена.

Карен глубоко вдыхает и медленно выдыхает.

- Спасибо... Вы и правда помогли.
- Я рада. - Лу удивляется себе: она сказала больше, чем предполагала.

Они снова молчат.

- Вы действительно думаете, что он извинялся, что покидает меня? - наконец тихо спрашивает Карен.

И снова Лу пронзает мощь непоправимой утраты этой женщины. При всех схожих отголосках, это все же не то же самое, что смерть ее отца: у Карен не было времени свыкнуться с мыслью о том, что ее муж скоро умрет. Хотя отец Лу был сравнительно молод – шестьдесят лет, – он был все же намного старше Саймона. Потерять партнера – Лу это трудно себе представить. Она одинока и неизбежно время от времени ощущает свое одиночество, но это чувство должно быть невыносимо мучительным после потери человека, с которым прожила двадцать лет. Это и есть трагедия любви: она приносит с собой возможность утраты. Бедная Карен: половина жизни, проведенная в любви, внезапно оторвана.

Лу понимает, что профессиональный психолог, специализирующийся на работе с теми, кто потерял близких людей, иначе вел бы беседу с Карен. И, кроме того, она здесь присутствует не официально. Увидев горе Карен и ее потребность в ободрении, Лу захотелось всеми силами утешить ее.

– Да, думаю, так. И действительно не думаю, что вы могли бы сделать больше того, что сделали.

– Может быть, и так... – Карен смотрит в пол. – Мне просто жаль, что я не успела с ним попрощаться. Все бы отдала, чтобы попрощаться с Саймоном.

«Еще бы», – думает Лу. В этом случае смерть ее отца не идет в сравнение: она имела возможность с ним попрощаться.

Снова они молчат.

Наконец, Лу с уверенностью повторяет:

– Главным образом, думаю, вы должны помнить, что в последние свои минуты он был поистине, поистине счастлив.

– Да... – Карен сморкается. Платочек такой мокрый, что расплзается на крошечные белые кусочки. Потом она через силу улыбается.

– Спасибо. Вы даже представить себе не можете, как много это для меня значит.

23 ч. 41 мин

Анна приходит домой позже Стива, он на коленях в кухне роется в шкафчике под раковиной.

– Если ты ищешь ту бутылку, – сообщает она ему, входя, – то я ее выбросила.

Он оборачивается.

– Ты ее *что*?

– Выбросила на помойку.

– Кто дал тебе такое право?

Анна сейчас не находит в себе сил терпеть или сдерживаться, чтобы скрыть свою злость. За вечер, проведенный с Карен и Лу, она израсходовала все внутренние резервы. Энергии на Стива у не просто не хватает. В ней не осталось места эмоциям, которые требуются, чтобы выносить его. Обычно она бы постаралась успокоить Стива, не ссориться, уклонилась бы

от бессмысленного спора. Но сегодня ей просто наплевать. Если нужно, она примет бой. На самом деле ей чуть ли не *хочется* ссоры, не только потому, что Стив ее раздражает, что она в нем разочаровалась, а потому, что она злится на весь мир, на Бога, на Судьбу за то, что отняли Саймона. Ей хочется выпустить пар. И она повторяет:

- Я выбросила бутылку в мусорный бак.

Конечно, Стив – одна из худших кандидатур для того, чтобы дать волю своему раздражению. Он не равнодушная боксерская груша, а в пьяном виде он вполне способен ответить ей, причем жестоко. Анна знает об этом, и должна была это учесть. Но ее уже понесло:

- В ней почти ничего не оставалось, и ты знаешь: я не люблю держать дома спиртное.

Разумеется, Стив заглатывает наживку. Он встает.

- Ах, маленькая леди, вам это не нравится, да? Я забыл, какой праведной мадам вы умеете быть.

Он делает шаг по направлению к ней. Хотя Анна высокого роста, он выше, шире, и силен от многолетней физической работы. Его вид действительно устрашает.

Но Анна не поддается на угрозы, как могла бы – или должна бы, – если бы думала о себе, она слишком взбешена.

- Не груби, Стив.

- Не грубить? – Он строит рожу, кривит губы. – Хочу грубить, и буду.

- Только не в моем доме.

Она знает, что это вызовет в нем раздражение.

- *Твоем* доме, – щерится он. – Этим все сказано, да? Я думал, это «наш» дом. Не так ли ты мне говорила? «Приходи и живи в моем доме, *милый*, это будет наш дом».

- Прекрати, Стив.

Анна идет в коридор, чтобы повесить свое пальто, потом возвращается к двери кухни.

- Если хочешь, чтобы это был «наш дом», постарайся вести себя поуважительнее ко мне – и к дому.

Но эти слова не доходят до Стива. Такой аргумент он сейчас не принимает и даже не хочет в него вникать.

- Ты всегда считала этот дом своим, правда? – уже кричит он. – В этом вся и чертова проблема.

Это верно. Она купила его до того, как встретила Стива, и он платит ей за аренду, а она выплачивает ипотеку. Но его вклад минимальный – гораздо меньше половины, поэтому его вполне устраивает такое положение дел.

- Кто я? Я тебе не пара, всего лишь чертов маляр.

Вечно одно и то же. Неравенство между ними откупоривает в Стиве чувство неполноценности,

которое подпитывает его низкую самооценку, а та, в свою очередь, вызывает пьянство. Только, конечно, эта злоба, когда он пьет, направляется не внутрь, а выплескивается на всех, кто попадет на пути, как кассетная бомба. И чаще всего жертвой становится Анна.

У них уже случались такие ссоры, и от этого спор приобретает привычную занудливость.

- Я пригласила тебя жить до того, как узнала, какой ты алкаш, - огрызается Анна и думает: «просто безобразный алкаш». - Так что пеняй на себя.

- Я не алкаш! - орет Стив.

Она хохочет. Это смешно, он очевидно смешон.

- Ты вечно говоришь, что я алкаш, а это не так.

Она качает головой, потом хочет что-то сказать, но просто буквально выплевывает:

- Проваливай, Стив.

Конечно, это красная тряпка. Он надвигается на нее, берет руками за подбородок и, сжав, говорит:

- Знаешь что? Ты сука.

Она вздрагивает от этого слова, но он понимает ее движение неправильно и думает, что она отпрянула по другой причине.

- Не бойся. Думаешь, я ударю тебя? Нет.

- Я вовсе и не думаю, - отвечает она. Пока что он никогда ее не бил.

Но то, как он нависает над ней - угрожающе набычившись, злобно напрягая руки, - страшно. Однако он всегда на этом останавливался, не доходя до насилия. Он как будто знает, что если когда-нибудь ударит ее, то переступит черту, после чего для него - для них - дороги назад не будет: Анна спускает ему многое, но этого не простит.

- Ты гребаная сука, - снова говорит он и бьет кулаком по стене.

Анна пользуется возможностью и ныряет ему под руку. Перед лестницей она останавливается и, обернувшись, говорит:

- Стив, брось. Я ложусь спать.

- Нет, не ложишься. - Он пытается схватить ее, но она уворачивается. - Мне нужно с тобой поговорить.

- Извини, но я не хочу. - Она поднимается на пару ступенек. - Если не хочешь спать, предлагаю тебе посмотреть телевизор и лечь там.

- ПОГОВОРИ СО МНОЙ! - ревет он.

- Не хочу. Уже скоро полночь, а мне завтра на работу. Я устала.

- Почему ты не будешь со мной разговаривать? - вопит он.

Она чувствует, что его настроение изменилось. Конечно:

- Я люблю тебя, Анна. - Потом гротескно, безумно, он падает на колени и начинает упрашивать ее. Пол выложен плиткой, это должно быть довольно больно. - Я люблю тебя!

Анна не чувствует себя ни любимой, ни любящей. Она чувствует, что Стив отталкивает ее, и почти готова порвать с ним окончательно. Но ее злоба отхлынула, Анна хочет отдохнуть от нее, ей нужно поспать.

И она произносит:

- Я тоже тебя люблю, но пора спать. - И пока он стоит на коленях, она поворачивается и поднимается по лестнице.

Раздевшись, Анна думает, какая большая разница между ее отношениями со Стивом и отношениями Карен с Саймоном. Нежность, о которой говорила Лу, которую она сумела разглядеть за несколько секунд - ведь это любовь, не так ли? И забота, о которой говорила Карен, как они с Саймоном все время заботились друг о друге... Но Стив разочаровывал Анну раньше и теперь разочаровал снова.

Стив.

Саймон.

Схожие имена. Во многих отношениях схожие партнеры. Но между ними целый мир.

* * *

- Знаешь, я беспокоюсь о ней. - Карен вешает свою блузку в шкаф.

- Знаю, любовь моя. - Саймон уже в постели, полулежит, опершись на подушки. Он наклоняется, чтобы включить ночник.

- Ну, по крайней мере, сегодня она здесь. Но утром вернется к нему, я хорошо ее знаю.

- Она взрослая женщина, - говорит Саймон.

- И упрямая.

- Если хочешь, назови это упрямством. Но она знает, что делает.

- Она влюблена в него, в этом вся беда.

- Не пойми меня превратно, мне нравится этот парень. Но не думаю, что он ей пара.

- Ты мне это говоришь! - Карен достает очиститель и стирает макияж более яростно, чем обычно. - Она говорит, что он ее не бьет. Ты веришь?

- Думаю, да.

Карен снимает трусики, расстегивает лифчик и бросает все в корзину для стирки. От расстройства она делает это с чрезмерной силой, но все напрасно - они зависают в воздухе и падают, не долетев до цели. Она подбирает белье.

- Но сколько пройдет времени, пока он не начнет пускать в ход кулаки? - Она садится на край кровати обнаженная, угрюмая.

- Если бы ударил, он бы мне ответил за это.

- Мне нравится, что ты так ее защищаешь. - Карен целует Саймона в макушку.

Он поворачивается, чтобы дотянуться до нее, и гладит по спине.

- Если немного повезет, до этого не дойдет.

От его прикосновения Карен становится легче.

- Никогда не знаешь наперед, может быть, он исправится.

- Может быть... Саймон продолжает ее гладить. - Если хочешь, я мог бы поговорить с ним.

Она оборачивается к нему.

- Мог бы?

Он пожимает плечами:

- Если ты думаешь, что это принесет какую-то пользу.

- И что ты ему скажешь?

- Не знаю. Сходить с ним в паб? - Он усмехается. - Сказать, как мужчина мужчине, что у него проблема с выпивкой?

Карен смеется - пропустить пару кружек пива - обычный способ Саймона подружиться с человеком. Потом она думает о своей подруге, спящей внизу на диване. Она понимает, что Анне было нелегко прийти: наверное, дело плохо.

- Нет, - она качает головой. - А если подумать, то поговорить с ним - вряд ли хорошая мысль. Это может произвести обратный эффект. Ты заставишь его оправдываться, и он может начать вести себя еще хуже.

- Как угодно, как скажешь. Вы давние подруги, но, знаешь, я тоже ее очень люблю.

Карен грустно улыбается.

- Я жалею, что познакомила их. Но после разрыва с Нейлом я подумала, что ей не помешает поддержка, и сначала Стив мне понравился - он казался таким уверенным в себе и прочно стоял на земле. Ты ее знаешь - если бы он дал слабинку, она из него веревки вить начнет. Нейл просто не был достаточно силен для нее. И, скажем прямо, Стив - красавчик.

- И вообще симпатяга - когда трезвый, - замечает Саймон. - Даже я это вижу.

- Ну, да, пожалуй. Но это полбеда, правда? Если бы он не был таким, она бы с ним даже не поздоровалась. Она упрямая и самолюбивая, но не полная идиотка.

- Нет, нет.

Карен достает из-под подушки ночную рубашку и стоя надевает ее.

- Пожалуй, пока мы сделали все, что могли. Что-то мне подсказывает, он не первый раз так отвратительно себя повел - она просто скрывала от нас раньше. Но и не последний. Мы можем помочь только тем, что мы рядом. В сравнении со Стивом я понимаю, какой у меня такой хороший муж! - Карен ложится рядом с ним. - Свет, дорогой.

Саймон выключает ночник.

- Поцелуй меня, - просит он, подкатываясь к ней.

«Это нечестно, - думает она, прильнув к вьющимся волосам на спине мужа, когда его дыхание успокаивается. - Почему у меня Саймон, а у Анны Стив?»

Но жизнь вообще несправедлива, не правда ли?

Пятница

08 ч. 06 мин.

По тому как свет льется сквозь занавески, Лу понимает, что на улице солнце.

«О, хорошо, - думает она, - сегодня пятница». Не надо на работу, не надо ехать в поезде, к тому же сегодня теннис. Она играет уже год, а сегодня погода позволяет выйти на корт. И это еще не все - она с нетерпением ждет вечера. Знакомство с новой девушкой!

Лу понимает, что ее оптимизм иррационален. Девушка вполне может ей даже не понравиться, не говоря уж о страстном желании. Но, возможно, на этот раз повезет. Вик торопит, а это о многом говорит. Вик считает, что Лу на нее западет, а Вик знает ее вкусы. Если она менеджер в интернет-компании, то, наверное, соображает. И потом ее имя - *София*. Оно особенно нравится Лу - в нем чувствуется зрелый потенциал.

И все же в затылке появляется тупая боль, словно мозг иссох.

«Дура, - ругает она себя. - Слишком много выпила вчера у Карен».

Но Лу понимает, почему она столько выпила. Она «запивала переживания», как говорят психологи, - нелепое выражение, которым часто описывают сложное поведение. И это тем более глупо с ее стороны, что в том же списке, который она дала Карен, рекомендуется избегать алкоголя. Но она стремилась не сказать какую-нибудь глупость и поэтому, возможно, выпила лишнего. Вообще Лу еще та выпивоха, и ей не много нужно, чтобы опьянеть.

«Ай, ладно, - решает она. - Что тут поделаешь, лучше браться за работу. Вечером у меня встреча, и, может быть, снова напьюсь - зная Вик, наверняка будем пить, - поэтому нужно избавиться от головной боли, пока не началась новая».

Она сбрасывает одеяло, идет в гостиную и раздвигает занавески. В окно льется солнце, ясное, яркое, заставляя зажмуриться.

Напротив она видит старика, тоже выглядывающего из окна своей мансарды. Он всегда здесь по утрам в это время, пьет чай из чашки с блюдечком - улица такая узкая, что он всего лишь футов в двадцати. Его непричесанные легкие волосы образуют длинные безумные паутинки, как у сказочного персонажа, и он все еще в широких узорчатых домашних штанах, которые

застегнуты наперекосяк. Лу машет ему рукой, но он плохо видит и не замечает ее. Но она говорила с ним у газетного киоска на углу рядом. Он прожил в одной и той же квартире больше сорока лет, и ей это почему-то нравится. Может быть, ей нравится так думать, но что-то ей подсказывает, что он гей, и ей эта мысль приходится по вкусу. Очевидно, он живет здесь с давних времен. Лу с теплотой представляет, как он был гомосексуальным крестonosцем в шестидесятые и жил в окружении, которое было тогда куда недружелюбнее, чем сейчас. Каковы бы ни были его убеждения, теперь он слаб и одинок; она подозревает, что нынче он не особенно активен в своем братстве.

Посмотрев в даль, Лу видит, что чайки чем-то заняты. Брайтонские мусорщики ведут с ними безуспешную войну, и сегодня птицы налетели на пару мешков с мусором, разодрали их и разбрасывают содержимое.

Лу это раздражает: ей хочется, чтобы люди бросали мусор в коммунальные баки, а то всегда что-то остается на земле рядом – объедки, старая мебель, какой-нибудь ржавый велосипед с погнутыми колесами. Но в городе все время кто-то куда-то переезжает, и многие местные жители, похоже, не знают, что такое сбор мусора, или не желают этого знать.

Потом она напоминает себе, что мусор, грязь, безразличие – все это часть брайтонского богатого, но довольно потертого «гобелена». И надо признать, она живет лучше большинства. Потому что там, в конце улицы, подмигивая ей своим мерцанием, находится море. Оно совершенно плоское под ясным голубым небом, полоска ярчайшей лазури на горизонте, бледнеющая у полосы гальки. Прекрасный день. Если понесенная Карен утрата что-то прояснила для Лу, то это вот что: нужно быть благодарной за маленькое счастье.

Она не удосуживается принять душ – все равно вспотеет, играя в теннис, и ей хочется совершить ритуал очищения перед встречей с Вик и Софией вечером. В мытье после физических упражнений есть что-то особенно приятное. Но прежде всего надо позвонить матери.

- Привет, мам, – говорит она, когда мать снимает трубку. – Просто подумала, что нужно тебе сообщить, когда буду у тебя.

- О, отлично. Когда же?

Лу знает, что ее гости, скорее всего, задержатся надолго, и ей не хочется торопить их утром – это кроме скрытых мотивов.

- Я надеялась приехать вскоре после полудня. Скажем, часа в два.

Молчание.

- Хорошо?

- Пожалуй.

«Пожалуй, нет», – думает Лу. Если недавние события научили ее оценивать, что важнее, то с другой стороны, она стала менее терпима к мелким досадным неприятностям. И она тут же выходит из себя. Мать кажется такой второстепенной.

- В чем дело?

- Ну, просто я думала, что ты приедешь пораньше. Ведь ты сказала, что приедешь на выходные.

В субботу после полудня – это поздногато.

– Никогда я этого не говорила, – резко отвечает Лу, однако ощущает вину: может быть, говорила? Она вполне уверена, что нет, но такое часто случалось в последние дни, и она не может вспомнить точно. – Я, кажется, сказала, что собираюсь в субботу утром...

– Два часа не назовешь утром, дорогая.

Гр-р-р! Прекрасный пример того, как мама умеет манипулировать: слово «дорогая» используется для того, чтобы вызвать чувство дочерней ответственности, а вовсе не является проявлением нежности.

– Я имела в виду, что выеду утром, а не что буду у тебя.

– Да, конечно, я неправильно поняла, – говорит мать, явно так не считая.

– Мне до тебя два часа добираться, – оправдывается Лу.

– Угу.

Лу чувствует, как она подсчитывает время на поездку – по телефону чуть ли не слышится вопрос: а чем моя дочь занимается до полудня? – не говоря о сопутствующем порицании.

Она уже хочет огрызнуться, когда пожилой человек напротив меняет свое положение у окна, смотрит в ее направлении и вдруг видит ее в лучах солнца. Он машет рукой и улыбается, и это гасит злобу Лу. Оно не стоит того; жизнь слишком коротка, как недавно ей напомнили. Лу меняет тон.

– Извини, мама, я не хотела вводить тебя в заблуждение. Видишь ли, ко мне вечером придут друзья, и вряд ли я могу их вышвырнуть на улицу до завтрака. Ты ведь сама такая гостеприимная хозяйка, ты ведь не одобрила бы, если бы я выставила их за дверь, верно?

Лесть срабатывает.

– Ты считаешь меня гостеприимной хозяйкой, дорогая? Что ж, спасибо.

– Конечно, мама, – лжет Лу. – Ты самая лучшая. И знаешь что? У меня есть несколько прелестных фотографий, я покажу тебе, когда приеду.

– О, правда, дорогая? Что за фотографии?

– Там Джорджия с детьми. Я снимала их на Рождество, помнишь? – Втайне она гордится своим умением делать хорошие снимки.

– Это будет очень мило, – говорит мать.

– Прекрасно. – Умиротворение, похоже, сработало. – Слушай, у меня сейчас теннис, так что я ухожу. Мы наверстаем завтра. Жду с нетерпением. Значит, увидимся после двух. До завтра.

Она сидит, тяжело положив голову на руки. «Жду с нетерпением» – если бы! Ей нужно утрясти эти вопросы с матерью. Ей страшно не нравится, как они обе себя ведут – столько лицемерия и манипуляций, поэтому и в их взаимоотношениях мало искренности. Такой контраст с откровенными разговорами вчера вечером – а ведь Карен и Анна почти совсем чужие люди. Вести себя так лживо с женщиной, которая дала ей жизнь, теперь, больше чем когда-либо,

кажется неправильным.

* * *

Проснувшись, Анна понемногу складывает воедино события прошлого дня. Внезапно она вспоминает: Саймон умер... Ах, да: вот почему ее тревога не уходит – сегодня она не пойдет на работу. Она будет помогать Карен готовиться к поминкам. И все-таки, учитывая обстоятельства, вчера они хорошо провели вечер с Карен и Лу. Лу искренне хотела помочь, да и помогла. Хорошо, что она их познакомила.

«Лу мне нравится», – думает Анна.

Потом новая мысль: Стив.

Когда пришел домой, он был омерзителен. Она действительно подумала, что он может ее ударить... мельком подумала. Разве нет? Тогда она это отрицала, не признавалась в этом. Только теперь, обернувшись назад, она признает, что он был способен на это. Теперь, после сна, его пьяное поведение кажется почти нереальным. Его выходки так не соизмеряются со всем ранее пережитым, что трудно найти для них место в повседневной жизни. Она знает, что если бы судила его по тем же критериям, которые применяет к себе и прочим, он бы не вписался ни в какие рамки, но она делает для него исключение. Может быть, из-за того, что его поведение часто проявляется в самом неприглядном виде исключительно в вечерние часы, создается ощущение, будто они живут в каком-то странном, ином мире, где обычные стандарты неприменимы. В зазеркалье.

Но, может быть, пора прекратить извинять. Саймон был человеком принципов, он никогда не проявлял чрезмерности в следовании своим убеждениям, но всегда обращался с людьми справедливо.

Это его качество восхищало Анну. А теперь, когда Саймон умер, двойные стандарты, которые она практикует, обозначились слишком резко. Жить с компромиссами стало труднее. А она то и дело идет на компромиссы, разве не так?

Анна повернулась к Стиву спиной, но все равно чувствует запах алкоголя, даже отсюда. Она на самом краю кровати, словно и во сне стремилась держать дистанцию.

Анна медленно поворачивается, чтобы не разбудить его.

И в этот момент она его не любит. И даже не ненавидит. Она его *жалеет*. А если началась жалость, любые отношения...

«К черту», – думает она. И его к черту. Стив и так уже забрал у нее слишком много энергии: с тех пор, как проснулась, она только и думает о нем. Их проблемы могут подождать. Он не заслуживает внимания. По крайней мере, пока не пройдут похороны, она будет думать только о Карен.

* * *

В супермаркете толпа: утро пятницы – горячее время. Карен среди других мам толкает большую тележку по проходам, наполняя ее на выходные. В отличие от многих, она без детей, и ей от этого легче. Хорошо иметь такую возможность, она ей не очень часто представляется. Но каждую пятницу у нее есть несколько часов, чтобы побыть наедине с самой собой. Она не идет на работу, Люк в школе, а Молли у Трейси. Она не считает хождение по магазинам

захватывающим времяпрепровождением, но ей все-таки это нравится. Это облегчение – быть без детей и прицениваться к вещам, зная, что ты не хочешь их покупать. Поэтому она позволяет себе плавать по проходам в снисходительном бездумье. Ближе к выходу она замечает ящик ярких розовых плодов, которые не может распознать. «Питайя» написано на карточке. Она берет один. Он холодный, гладкий на ощупь, почти как пластмассовый. Карен гадает, каков он на вкус, что у него внутри. Он дорогой и им не нужен, но Люку может понравиться, а Карен старается поощрять его питаться здоровой пищей. Она кладет плод в тележку вместе с обычными фруктами – бананами, виноградом, яблоками.

Она заканчивает обходить отдел фруктов и переходит в другие – нужно купить хлеб, макароны, рыбу, курицу. В конце прохода она видит пшеничное пиво. Саймон всегда говорил, что североевропейское светлое пиво самое лучшее – простит ли Бельгия такую обиду? Карен не уверена, что Саймону оно придется по вкусу, но ей нравится форма бутылок, завлекающая туманность жидкости, и цена кажется приемлемой, поэтому она берет упаковку из шести бутылок.

Пройдя мимо хозтоваров и парфюмерии, она натывается на вешалку с детской одеждой, все для зимы, распродажа. На пурпурное плисовое платьице в розах скидка сорок процентов от первоначальной цены. Карен редко делает детям подарки просто так, но это практичная покупка. Цвета пойдут Молли, а на бирке написано «для детей 4 лет», поэтому сейчас оно будет ей немного великовато, а может подойти и в следующем году тоже, поэтому покупка действительно выгодная. Карен кладет платьице в тележку.

Вот так: три импульсивные покупки, вряд ли это буйство.

У кассы она рассудительно раскладывает покупки по мешкам. Печеные бобы, помидоры в жестяных банках, пюре, сладкую кукурузу – в один мешок, стиральную жидкость, туалетную бумагу, мочалку для ванной – в другой... Она расплачивается дебетовой карточкой, и пока ждет, когда будет проверен пин-код, смотрит на часы. До того как забирать Молли, еще остается масса времени. Можно поехать домой, выгрузить продукты, подготовиться к выходным. Запланировано не так уж много, но она рада перспективе провести время в семье и что Саймон будет дома.

Этих двух выходных она ждет особенно.

* * *

– Подъем, подъем!

Карен вздрагивает.

Она стоит у выхода из супермаркета. Какой-то мужчина задевает ее пустой тележкой, пытаясь проехать в двери.

– О, м-м-м, прошу прощения.

Она отходит с дороги, и он со вздохом катит мимо.

Она в супермаркете, в который заходит всегда, в Хоуве.

Сегодня пятница, день, когда она обычно ходит по магазинам, и снова она одна.

Последний раз она покупала здесь продукты для Саймона. Неделю назад, в тот день, Саймон

позвонил ей сказать, что ушел с работы на час раньше. Неделю назад вечером Саймон, как только вошел, полез в холодильник за пивом, застонал, что она купила не тот сорт, потом пожалел о своей неблагодарности и подошел поцеловать ее у плиты.

- Ты прелесть, - сказал он, компенсируя свою невежливость, и, хотя она читала его мысли, это заставило ее улыбнуться. Неделю назад они с Люком разрезали питаю, полюбовались экзотической бледной мякотью внутри и, попробовав, с вытянувшимися лицами воскликнули «Бэ-э!», а потом рассмеялись. Неделю назад он восхищался Молли в ее новом платице.

- Ты такая хорошенькая! - приговаривал он и ласково ворчал на Карен: - Хотя я не думал, что нашей дочке не хватает одежды. - И его тон говорил, что он ее прощает за расточительность.

Неделю назад...

Семь дней - и всё.

И она снова здесь, готовится к его похоронам.

Ей по-прежнему кажется, что все это случилось с кем-то другим, а ее настоящая жизнь - та, что была раньше, а это просто какое-то помрачение ума.

И все-таки что она делает? Наверное, сошла с ума, думая, что может обслужить десятки людей. В такие моменты она едва соображает. Ей нужно было попросить представителей похоронного бюро организовать поминки, они и предлагали это сделать, да и Филлис вчера советовала то же. Но Карен не подумала рационально, не обратилась к здравому смыслу. Как будто некоторые стороны ее личности исчезли вместе с Саймоном, оставив ее в растерянности, как альпиниста на покрытом туманом, коварном склоне.

12 ч. 21 мин.

- Я чувствую, что все время зову тебя на помощь, - говорит Карен.

- Ничего подобного. Вчера вечером я сама напросилась. Ну, куда это положить? - Анна держит пару стянутых целлофаном жестяных банок с тунцом.

Они вдвоем у Карен на кухне, выгружают покупки. Стол и стойка уставлены бумажными нераспакованными мешками. По полу разбросаны коробки с вином и бутылки с безалкогольными напитками. Котенок Тобби занят исследованиями, он бродит среди покупок, заинтересованный разнообразными запахами.

- Положим туда, где они понадобятся. - Карен снимает мешки со стола, чтобы освободить место. - Тунец для пирога. С майонезом.

Анна смеется.

- Ты не ищешь легких путей, а?

- Я не подумала сразу. Даже составила список, но теперь понимаю, что это было бесполезно. Сама не представляю, чем я занимаюсь все время.

Анна кладет майонез рядом с тунцом. Они какое-то время молчат, сосредотачиваясь. Наконец, она спрашивает:

- Так сколько гостей ты ждешь?

- Даже не знаю...

- Хотя бы примерно.

- Ну, я многим послала имейлы, в списке было человек шестьдесят, потом некоторым позвонила, еще наши соседи...

Анна старается сдерживать себя. Удивительно, как все любили Саймона.

- Думаешь, все придут?

- Нет, нет, конечно нет.

Анна надеялась, что у Карен есть план, что готовить, но, насколько видит, ее подруга даже не знает, с чего начать.

- У тебя есть на уме какие-нибудь рецепты?

- М-м-м... Вроде бы...

- А когда забирать Молли и Люка?

- Утром они у Трейси. Филлис привезет их примерно полвторого.

- Значит, довольно скоро.

- Да.

- Ничего, - бодро говорит Анна. - Используем время, которое есть. Когда они придут, могут помочь.

- Правильно, могут помочь, - эхом откликается Карен.

Они отходят назад.

Стол уже завален разными продуктами - козьим сыром и банками с турецким горошком, мешками с замороженными креветками, окороком, виноградом, луком, оливками, лежит баклажан...

У Карен начинается истерический смех. Вскоре от смеха из глаз начинают течь слезы.

- Извини. - Она сдерживается. - Это идея Молли - помогать делать чертову лазанью...

О, Боже... - Она еще пуще хохочет.

- Не извиняйся, - тоже смеется Анна. Делать канапе - безумная затея, и трехлетние ручки вряд ли ускорят процесс. Но в смехе Карен есть что-то очищающее. Карен снова смеется, уже по-настоящему, и ругается на чем свет стоит, и как бы нелепо это ни выглядело, но стоит дюжины всяких тупых советов.

И тут звонят в дверь. Обе от неожиданности вздрагивают.

- Ты кого-то ждешь?

- Нет, - хмурится Карен. - Наверное, кто-то из местных бросил открытку, или цветы, или что-то такое. Гостиная уже забита. - У нее вытягивается лицо, и она явно не рада такой перспективе. - Может быть, не будем открывать? - заговорщическим тоном шепчет она.

Это напоминает Анне их студенческие дни, когда они подначивали друг друга пойти вместо занятий в паб.

- Решай сама, - говорит Анна.

- Я больше не могу выносить сочувствия от незнакомых людей.

Анна понижает голос:

- Тогда нам лучше спрятаться. А то могут увидеть, что мы здесь. Входная дверь ведь застеклена цветным и рифленным стеклом. Если прижать к нему нос, можно заметить, что внутри кто-то есть. А мы прямо напротив прихожей.

- Ой, да! - Карен быстро все бросает и ныряет под стол.

Анна лезет к ней. Они теперь рядом с Тоби - он тоже спрятался под стол и замурлыкал.

- Я на этой неделе уже второй раз сижу под кухонным столом, - шепчет Карен. - Не удивительно, что схожу с ума.

- Почему?

- Молли пряталась под столом у Трейси, когда устроила скандал.

- А.

Через некоторое время Карен шепчет:

- Они уже ушли?

- Я проверю. - Анна отодвигает стул и высовывает голову. - Ой! - Она быстро прячется обратно. - Меня увидели!

- Черт!

- Они подглядывают через щель для писем!

- Что они о нас подумают?

- Что мы совсем рехнулись? - Их плечи трясутся от едва сдерживаемого смеха.

В это время слышится рев:

- Анна! Какого черта ты там делаешь?

- Негодяй, - шипит Анна.

- Кто это?

- Стив.

- Ты знала, что он придет?

- Нет.

- Тогда лучше его впустить. - Карен вылезает и встает. - Подожди минутку! - кричит она, потом шепчет: - Что он тут делает?

- Не знаю, - пожимает плечами Анна. Она явно совсем не рада его приходу. - Когда я уходила, он спал, - объясняет она, отряхивая брюки и вслед за Карен подходя к двери.

Стив стоит на ступеньке у двери. Анна сразу с облегчением понимает, что он трезв. Запах алкоголя исчез, и она чувствует запах дезодоранта. Лицо Стива свежевыбрито.

Более того, он размахивает картонной коробкой. На мгновение Анна усомнилась, не подводит ли ее зрение. Но нет, не подводит: коробка полна кухонных принадлежностей - формочками для рифленых пирогов, противнями, контейнерами для пирогов и тарталеток, - и в ней еще лежит книга рецептов Делии Смит. Он даже засунул в мерную кружку ее клетчатый передник.

- Черт возьми! - говорит она.

- Я подумал, что могу вам понадобиться, - заявляет Стив. - Не знал, что вы уже принялись за готовку. Можно войти?

- О, м-м-м... да, - говорит Карен.

Оба отходят в сторону, уступая дорогу.

Анна в замешательстве.

- Ты сегодня не на работе?

- Утром позвонил Майк. Штукатурка должна высохнуть, прежде чем мне браться за покраску. Он сказал оставить это дело до понедельника.

Майк - это штукатур, который часто берет заказы вместе со Стивом.

- Значит, ты видел мою записку? - Анна оставила ее в прихожей на столике, чтобы Стив знал, где ее искать.

- Да. Я подумал, что надо прийти помочь. - Он оглядывает помещение. - Похоже, вам нужна помощь.

Стив такой мастер в кулинарии, что готовка для множества гостей совсем его не смущает. По сути, когда трезвый, он даже находит в этом удовольствие.

- Черт, милый, это великолепно! - Анна целует его.

Теперь, когда он сказал это - и напомнил ей, каким внимательным и великодушным умеет быть, - она действительно рада его видеть, а Карен просто сияет. Но Анна в восторге не только от этого. Дело в том, что его не пришлось просить. Он сам понял, что ей - и Карен - нужно. Он на самом деле пришел на помощь. И пока Стив распаковывает свою коробку на сушилке - единственной поверхности, где есть место, - она думает про себя, что пока еще он не совсем испустил свое поведение вчера вечером, но дело, похоже, идет к тому.

* * *

Стив через голову надевает передник.

- Карен, я не сказал, как я тебе сочувствую. - Он отступает и смотрит на нее.

- Спасибо, - говорит Карен. Она видит в его глазах боль, и снова ее поражает печаль, прямо в солнечное сплетение, лишая дыхания. Как она могла смеяться?

Стив открывает объятия, словно инстинктивно угадав, что ей сейчас нужно. Карен чуть ли не падает на него, и он крепко прижимает ее к груди. Она сразу понимает, что он впервые прижимает ее к себе, ее действительно обнимает мужчина после смерти Саймона. Стив не такой большой, как Саймон. Он не такой высокий и поменьше в объёме. Его передник не так мягок, как был бы свитер Саймона, и сам он не такой милый. От него по-другому пахнет. И все же Карен охватывает чувство безопасности, близости и защищенности, которое она связывает с Саймоном, и зацепляет что-то глубоко в душе. Она начинает плакать.

У нее было много, много слов, но мало физического утешения, и совсем не было такого. Всеми фибрами она ощущает боль по Саймону: по его запаху, его прикосновениям, его теплу, по ощущению его самого. В этот момент она бы сделала все, чтобы это оказался Саймон, чтобы это он стоял здесь и обнимал ее. Что угодно. Вскоре она так разрыдалась, что намочила Стиву передник.

Стив тихо повторяет: «Карен, бедная наша Карен», - и ласково гладит ее по голове.

Несколько минут они так и стоят, прижавшись друг к другу.

Наконец, Карен отступает назад, отстраняется от него и с улыбкой говорит:

- Спасибо.

Обсуждать нечего. Он дал ей нечто бесценное, и оба это понимают.

- Да. - Стив глубоко вздыхает и завязывает за спиной передник. - Так с чего начнем?

* * *

Лу крутит педали вдоль моря, ее мышцы разогрелись, ей все еще жарко от тенниса. Сразу после Брайтонского мола она сворачивает налево в боковую улицу и через несколько ярдов тормозит, перебрасывает ногу через седло и прицепляет велосипед на замок к каким-то черным железным перилам. Снаружи мало кто может предположить, что здание в стиле эпохи Регентства - с некогда величественной витиеватой лепниной и стрельчатыми окнами - теперь служит приютом для бездомных. Здесь Лу волонтерствует по пятницам, проводя групповые сеансы.

Обычно она набирает до десяти человек, половина из которых меняется от недели к неделе, а половина - более-менее постоянные участники. Она старается не позволить тем, кто ходит регулярно, доминировать над остальными, но это трудно. Работать с теми, кто бывает постоянно, гораздо легче - и результативнее. С новичками все иначе: обычно к концу сеанса она чувствует, что они теряют интерес, и она ничего не может с этим поделать. Это люди со сложной биографией, и, несмотря на свою схожесть, все они личности. Они стали бездомными по очень разным причинам - среди них есть алкоголики и наркоманы, люди с психическими нарушениями, люди, чьи отношения распались, или тот, кто потерял работу

или переживает какую-нибудь душевную травму.

Лу быстро осматривает кружок: их сегодня восемь, лишь трое постоянных и – она вздыхает про себя – пять человек, которых она раньше не видела. Почему сегодня так мало знакомых лиц? Деревянный стул с красным матерчатым сиденьем пуст. На спинке несмываемым маркером выведено:

СТУЛ ДЖИМА. НЕ ЗАНИМАТЬ!!!

Лу знает, что Джим не агрессивный человек, далеко не агрессивный – это просто проявление той борьбы, с которой эти люди сталкиваются каждый день, чтобы сохранить хоть какую-никакую материальную собственность, которой владеют.

Джим ходил в ее группу почти все время с тех пор, как она занялась волонтерством, то есть уже почти два года. Иногда он пропадал на несколько недель и никогда много не говорил, иногда не произносил ни слова, но что-то в нем Лу очень нравилось. Сначала, до того, как он начал ходить в центр, она встречала его на углу рядом со своим домом в Кемптауне. Он сидел у входа в дом, белым пластмассовым ножиком делая себе бутерброды из черного хлеба, масла и творога. Ее глаз привлекло старание, с которым он все это проделывал – хотя был в старом просторном суконном пальто и сгорбился от ветра и сырости. Потом, когда познакомилась с ним поближе, она спросила его, почему он особенно любит ржаной хлеб и творог. Он объяснил, что любит питаться хорошо, что бутерброды для его здоровья лучше, чем то, что дают в хостеле. Сначала Лу поразилась нелепости этого заявления – что бездомный так заботится о своем здоровье: она считала, что они в основном наркоманы, склонные к разрушению собственного организма. Но чем дольше она работала в центре, тем яснее понимала, что в этом нет ничего странного. Ее предположение было ложным – Джим мог быть пропащей душой, отшельником, но, насколько она знала, никогда не прикасался к наркотикам или алкоголю. Несмотря на то, что у него было место в хостеле, она часто видела его на улице, он бродил по Кемптауну, подбирая с тротуара мусор. Но он не искал пищу и не набивал мешки, чтобы носить их с собой. Он убирал тротуары. Он складывал мусор в урны, убирая грязь, оставленную другими, менее сознательными людьми, и чайками. Его прилежание и аккуратность тронули ее.

Кружок готов к сеансу.

– А где Джим? – спрашивает Лу. – Его не было и на прошлой неделе.

– Ушел, – говорит Родди. Он постарше и тоже постоянный участник. Родди не так интересен, и его речь гораздо проще, но он доброжелателен, честен и дружелюбен с большинством других бездомных.

– Ушел? – Лу привыкла к быстротечности, люди все время приходят в центр и уходят оттуда. Тем не менее очень печально видеть, что Джим ушел.

Родди кивает.

– На прошлой неделе вы не знали, где он, – говорит Лу. – Вы сказали, что он, может быть, вернется.

– А теперь знаем, где он был, – отвечает Родди.

Что-то в его тоне звучит зловеще.

- Где?
- В море.
- Как?

Другой член кружка начинает всю раскочиваться на стуле, словно давая понять, чтобы на него обратили внимание. Он стучит по стене, отвлекая их от разговора. Лу пытается сосредоточиться.

- Ш-ш-ш, тише, Тим. Через секунду мы тобой займемся. Пожалуйста, продолжай, Родди.

Родди поясняет:

- Он пошел гулять. В море.
- В море? - Она содрогается. Сейчас февраль, вода холоднющая.
- Его нашли, когда он плавал. Во вторник его тело выбросило у мола.

Во вторник.

- Боже! - У Лу захватило дыхание. - Что случилось?
- Запой.
- Но я думала, Джим не пьет.
- Не пил, много лет.
- Что же заставило его напиться теперь?

Родди пожимает плечами:

- Он узнал, что его жена не так давно вышла за другого.
- Джим был женат? Я не знала. - Лу стыдно: она так давно была знакома с ним, и все же не знала.
- Да. Они разошлись лет десять назад. Она бросила его - так он и оказался на улице. Я думал, вы знали.
- Нет. - У нее сдавило горло. Джим так много держал в себе. - Как он узнал, что она вышла замуж?
- Наткнулся на нее. Она по-прежнему живет в Брайтоне, в Уайтхоке. Сама ему и сказала.
- Ааа. - Лу трудно это осознать.
- Первая выпивка за много лет. Его выловили рано утром. Весь серый, как рыба.

Лу потрясена. Уже не первый человек из ее группы умирает, но раньше были заметны какие-то признаки приближающегося несчастья: замкнутость, чрезмерная агрессия или, наоборот, депрессия. Она видела, что смерть где-то рядом. Но Джима она считала другим. Она не знала, что в прошлом он пил, но даже если бы знала, никогда бы не подумала, что он опять ступит

на эту дорогу. Она восхищалась им, как он умудрялся быть чистым, даже когда у него ничего не было – ни семьи, чтобы ухаживать за ним, ни работы, ни своего дома. И она думала, что у него скорее, чем у кого-либо из окружающих, все будет хорошо. А оказывается, он был уязвим, как и все остальные, и, похоже, даже больше: они здесь, а он умер.

Лу глубоко вздыхает и пытается прийти в себя.

- Может быть, мы помолчим, чтобы вспомнить его.

А когда все садятся, склонив головы, она думает: вот почему он так серьезно берег здоровье – знал свою хрупкость. Это напоминает ей многочисленные случаи из практики. Люди с какой-либо неизлечимой зависимостью... Даже когда они лечатся, их жизнь ненадежна, над ними, как нож гильотины, всегда нависает возможность рецидива.

17 ч. 02 мин.

Стив открывает духовку.

- Прекрасно. Передайте мне перчатки.

Анна подает их ему. Теперь кухня Карен – его территория, сегодня он установил здесь свою власть – даже котенка выгнали в гостиную. Анна чувствует, как пышет жар, когда Стив достает два пирога снизу духовки и один из верхней ее части, все пышные, с печеными яйцами и сыром, искусно подрумяненные.

- Один тунец, один окорок с грибами, одну овощную смесь, – требует Стив и выкладывает пироги на салфетки, чтобы не обжечь рабочую поверхность.

Анна ощущает смесь облегчения и гордости. Облегчение от того, что за последние несколько часов они так продвинулись с готовкой, и гордость за таланты Стива.

- Думаю, на сегодня хватит, – говорит он, оглядывая кухню.

Поверхности, которые раньше были заставлены банками, пакетами и горшками, свидетельствуют о его успехах. Чудесным образом он превратил совершенно разнородные продукты в аппетитные блюда. Он приготовил большие чаши сальсы и хумуса, собрал подносы фиников, начиненных завернутым в бекон пармезаном, и трюфелей с козьим сыром, виноградом и фисташками. Испек четыре пиццы и два пирога, один из которых – с карамелизированным луком, а еще приготовил три сногшибательных салата – один с пшеничной крупой и два с бобами – которые, как он заверил Карен, станут гораздо лучше, если за ночь пропитаются приправой. Анне пришлось сходить в местный гастроном за дополнительными ингредиентами, и не раз, а два, и на обеих женщин он не раз рывкал, но тем не менее получилось что-то поистине замечательное.

- Теперь осталось только засунуть волованы и филло с бри в духовку на несколько минут, но это сделаете завтра, – инструктирует он. – И еще сделать зеленые салаты, разложить чипсы и хлеб и запечь картошку. Пирожки, пироги и пиццу тоже можете разогреть, если хотите подавать горячими.

Анна смотрит на подругу. Карен кивает, но Анна видит, что она ошеломлена.

Это одна из странностей Стива – он может быть совершенно никчемным одну минуту и стол

способным в следующую. Но когда он хорош, то забывает свои неудачи - а иногда и чужие, - и может быть веселым, даже оптимистичным.

Анна сочувствует Карен. Когда она успеет доделать все остальное? Это будет не просто прием гостей, где ее заботы - лишь угощение, а ей стоит лишь принять душ и надеть нарядное платье. Ей нужно присутствовать на похоронах, похоронах мужа. Это будет страшно тяжело для нее. Она вряд ли освободится рано, чтобы включить духовку и разложить листья латука. К тому же она будет в ужасном состоянии.

Однако Анне не хочется это говорить, и она просто замечает:

- Твои наставления не так просто запомнить.

- А что тут такого? - бормочет Стив. Анна понимает, что он обижен, как будто ему сказали, что он плохо помог, и возлагает на Карен слишком сложную задачу. Он так противоречив, думает она, моментально выходит из себя. Сейчас может быть чересчур чувствительным, а через минуту совсем бесчувственным. И все же иногда он деликатен и внимателен, как сегодня.

Пытаясь разрядить ситуацию, она обращается к Стиву:

- Впрочем, мы справимся, верно?

- Конечно. - Он замолкает, будто только что вспомнил, по какому поводу все это угощение, и заявляет: - Ну да, конечно, почему нет? Слушайте, мне ведь действительно не обязательно быть на похоронах. Я могу остаться здесь, если хотите, и сделать все это.

- Как это? - Карен не может понять, что он сказал.

- Мне не обязательно идти на похороны, - повторяет он. - Честно сказать, не люблю похороны. Знаю, Саймон был твоим мужем и все такое, но... черт!.. Я их просто не выношу: гроб, все плачут...

Карен вздыхает.

- Да, я тоже не люблю.

- То есть, если хочешь, я, конечно, приду, - быстро добавляет Стив, явно обеспокоенный, что может показаться черствым. - Я любил Саймона и хочу оказать ему почтение.

- Нет, нет, если не хочешь, не надо. Там и так будет много народу.

«А я хочу, чтобы он пришел», - думает Анна, но, пожалуй, сейчас не время выражать свои желания.

- Серьезно, если тебе удобно, я бы мог сразу прийти сюда. Если хочешь. Пока вас не будет, я тут все сделаю, как надо. Включу духовку, приготовлю остальное, приберусь. Даже накрою стол, если хочешь.

- Ты не возражаешь? Правда?

- Ни капельки, - говорит Стив. - Мне это доставит удовольствие, и этим я выражу свое почтение Саймону.

Анна уже видит, как он в переднике накладывает щедрые порции и очаровывает гостей. Он будет в своей стихии, будет наслаждаться похвалами, не чувствуя стресса от ответственности. На долю секунду она обеспокоилась, что он может напиться, но, конечно, этого не случится... Во всяком случае, похороны состоятся до полудня, это достаточно рано, чтобы не беспокоиться. Но ей бы хотелось, чтобы он пошел с ней – или, по крайней мере, спросил, не возражает ли она, если он останется, – ну да ладно, можно простить. Ведь она всегда его прощает? И, кроме того, он так помогает Карен. И Анна снова чувствует гордость за Стива.

* * *

- А теперь, дети, – говорит Карен, заходя в гостиную, после того, как распрощалась с Анной и Стивом, – телевизор надо выключить. Вам на сегодня достаточно.

- Нет! – пищит Молли. Не то чтобы она пристально смотрела на экран; она заставляет одну из множества своих Барби танцевать по спинке дивана на ее постоянно вытянутых носках.

- Так ты все приготовила? – спрашивает Филлис.

- Уф! На сегодня – да.

- Ты выглядишь измученной. Хочешь, дети поужинают со мной?

Карен думает, что могла бы посидеть с детьми, но она в таком физическом состоянии, что едва может говорить.

И Филлис тоже выглядит разбитой – она целый день приглядывала за Молли и Люком.

- Нет, не беспокойтесь, я приготовлю для них ужин. Отдохните. Хотите чашку чего-нибудь?

- Чаю с лимоном – это было бы здорово. – Но вместо того чтобы остаться на диване, Филлис идет вместе с Карен на кухню и тихо прикрывает дверь. – Хм, я не хотела упоминать об этом при других, – тихо говорит она, – но, думаю, тебе нужно знать: Люк сказал, что не хочет завтра идти на похороны.

- Как?

- Угу, – кивает Филлис. – Мне не очень хотелось давить, я чувствовала, что не надо делать этого. Наверное, для него это слишком тяжело – справиться со всем и осознать.

- Конечно, – говорит Карен, беря кружку.

На самом деле она бы не возражала, чтобы Филлис *надавила на Люка*. Карен не уверена, что у нее хватит сил справиться с Люком по-хорошему, как бы ей хотелось. У него трудный характер. После инцидента у Трейси Люк оставался замкнутым и угрюмым, и ей трудно сдерживаться, чтобы не прикрикнуть на него. Тем не менее она может понять, почему Филлис считает, что это не ее роль.

- Я думаю, ему все-таки нужно пойти, как вы считаете?

- Не знаю, дорогая, – хмурится Филлис. – Да, пожалуй, нужно. Но он ни за что не хочет.

Карен быстро опускает в кружку чайный пакетик, отрезает ломтик лимона и протягивает Филлис ее чай.

- Оставьте это мне.

Люк может остаться дома со Стивом, прикидывает она, поэтому организационно это не проблема, но инстинктивно она чувствует, что если он не пойдет, то она - и он - будут вечно жалеть об этом. У него не будет второй такой возможности, когда он вырастет и будет вспоминать о случившемся. Карен возвращается в гостиную, она приняла решение.

- Прежде чем ужинать, - объявляет она, чувствуя, что в ее голосе многовато напускной строгости, - я хочу поговорить с вами обоими. Вы знаете, что завтра похороны папы?

Молли кивает, но Люк молчит и смотрит в сторону.

- Люк! В чем дело?

- Я не хочу туда идти. - Люк сидит на полу, играя с липучками на туфлях, с треском расстегивая и застегивая их.

Этот звук раздражает. Карен подавляет в себе желание заставить его прекратить делать это. Вместо этого она садится рядом с сыном, кладет ногу на ногу и произносит:

- Знаешь, милый, мне тоже не очень хочется идти, но я иду. Почему ты не хочешь?

- Не хочу, и всё, - потупившись, отвечает мальчик.

Карен знает, что Люк иногда может быть таким. Хотя физически он смел - незнакомые игры и занятия на улице редко его пугают, - но иногда отвергает что-то новое в окружающем его мире. Незнакомые пространства и люди его нервируют. Например, поступление в школу стало для него настоящим испытанием, гораздо более серьезным, чем для большинства детей.

Ей нужно подумать, крепко подумать. В путанице собственных волнений и тревог ей трудно понять, что происходит в душе ребенка, практически невозможно, ведь даже в собственных эмоциях ей трудно разобраться. У Люка, похоже, такое же психологическое состояние, как и у нее: в какой-то момент он справился с эмоциями хорошо - в конце концов, он сам захотел попрощаться с папой. И все же теперь, не прошло и семидесяти двух часов, он отказывается идти на похороны. Но не то ли происходило и с ней самой, когда она смеялась с Анной, а через минуту расплакалась? Может быть, это не так уж странно. Просто таким образом Люк показывает, как он расстроен. Он не хочет, чтобы его папа умирал, и потому не хочет идти на похороны.

Возможно, если Карен снова объяснит, что его там ожидает, это не станет для него таким ужасным событием.

- Я знаю, что мы раньше никогда не были на похоронах. Тебя это беспокоит?

Люк молчит. Молли снова заставляет Барби танцевать по комнате, словно забыла о присутствии мамы. Топ-топ-топ - стучат маленькие пластмассовые ножки вдоль каминной решетки, по крышке телевизора, по его стенке и вдоль подоконника.

- Я знаю, похороны - немного пугающее слово, - продолжает Карен, сдаваясь. - Оно звучит очень серьезно, и мы никогда раньше не ходили на похороны. Но на самом деле ничего страшного в этом нет. Это совершенно нормально, когда кто-то, как твой папа, умирает. И почти всем устраивают похороны.

- Зачем? - спрашивает Люк.

Карен колеблется. Снова она импровизирует, выискивая определения и ответы из путаницы своих мыслей. Она не уверена, что ее ответы хороши, но что ей остается?

- Понимаешь, это особая возможность для папиных друзей и родных встретиться, поблагодарить папу и попроситься с ним. Тебе и Молли уже удалось попроситься, но остальным нет, а так они тоже смогут попроситься с папой. Там будет много твоих знакомых, в том числе твои друзья - Остин с мамой, и Трейси, и Лола - и мы все хотим быть вместе.

- И все будут плакать? - спрашивает Люк.

Может быть, это и беспокоит его. Но Карен не может обманывать сына.

- Да, наверняка некоторые будут. Они будут опечалены, что папа умер, как опечалены и мы.

- И многие взрослые будут плакать?

Ах, вот что его тревожит! Карен может это понять. Она помнит, как ее приводил в замешательство вид плачущих взрослых, когда она была маленькой; это совершенно сбивало ее с толку, поскольку совсем не сочеталось с их ролью в этой жизни. Но снова она чувствует, что нужно быть честной с мальчиком.

- Боюсь, что некоторые взрослые будут плакать, потому что будут опечалены, как я, и ты, и бабушка. Но, наверное, многие будут и смеяться. - Она молчит, думая, что еще можно сказать сыну. - Ты заметишь, что многие будут в черном или в темном, что поначалу может показаться странным, но ты привыкнешь. А мы поедем туда на очень большой черной машине - ты, я, Молли и бабушка. Она очень большая и блестящая.

- Правда?

Карен уверена, что это произвело на него впечатление.

- Угу. Ты ведь не хочешь пропустить такое, верно?

Люк засовывает верхнюю губу под нижнюю - Карен знает: это означает, что он думает.

Ей понятно его смятение. Знакомые ритуалы - Рождество, Пасха, дни рождения - сосредотачиваются если не на самом Люке, то все-таки на детях, и его участие в них вполне обоснованно. Он ключевой участник, его поведение определено, поэтому он эти ритуалы ценит и любит. Но с похоронами все не так, и Карен не помнит, чтобы в детстве присутствовала на похоронах. Родственники умирали, взрослые поминали их. Но хотя она отчасти чувствует, что должна уберечь Люка от этой боли, она решила не уклоняться от исполнения долга.

- Мой хороший, я знаю, что это немного странно и даже страшно, но я хочу, чтобы ты пришел. Это особое семейное событие, и мне важно, чтобы ты был со мной. Обещаю, что если тебе не понравится, когда ты окажешься там, или тебе покажется что-то странным, ты сможешь уйти поиграть, или погулять, или сделать то, что захочешь. Мы найдем кого-нибудь из взрослых - может быть, твою крестную Анну, или Трейси, - чтобы они побыли с тобой. Но поскольку ты для папы особый мальчик, а это для папы особый день, я хочу, чтобы все мы были вместе.

Люк больше ничего не говорит, и Карен понимает, что он недоволен, но она решает пока оставить его. Ей известно, что Люка лучше упрашивать постепенно, а не сразу – правда, ей никогда не приходилось сталкиваться с чем-то подобным. И конечно, обычно рядом был Саймон, его помощь...

И все же, *все же*, она никак не может осознать, что больше никогда не сможет поговорить с Саймоном о детях.

17 ч. 14 мин.

- Идут! Идут! – Стуча шлепанцами, Карен бросается вниз по лестнице. – Собираемся за садом, все приготовились! Бросьте это, Филлис. – Она ласково хлопает свекровь по руке – мол, не время сейчас резать лук для салата из помидоров, – Анна, хватай эту шипучку, – и подталкивает их на улицу. Потом выходит сама и закрывает дверь.

Во дворе собралось три дюжины человек. Те, кто оказался ближе к окну, приседают на корточки, чтобы их не было видно из кухни. Получилась давка – двор примерно тридцать на двадцать футов, и даже в обычных обстоятельствах тут полно горшков с цветами, садовых скамеек и игрушек – пляжные мячи, ведерки и лопатки, маленькие пластмассовые теннисные ракетки.

- Где папа? – прорезает воздух тонкий голосок Молли.

- Ш-Ш-Ш! – Нервное возбуждение заставляет Карен шикнуть на дочку. – Извини, Молстер, – шепчет она ей на ухо. – Папа и дядя Алан уже поднимаются. Они вот-вот будут здесь.

На несколько секунд воцаряется тишина. Друзья и родственники в ожидании смотрят, дети стараются подавить смех. Саймон догадается? Ему понравится? Не все любят сюрпризы.

Шумит только Стив, который расположился у раздвижной стенки, расположенной вдоль всей длины дома: он тихонько шевелит угли под решеткой для барбекю. Карен хмурится. Еще не время разжигать огонь. Саймон может с улицы увидеть дым и заинтересоваться, что происходит.

Через открытое окно в кухне ей слышно, как во входной двери поворачивается ключ. Слышен тяжелый топот двух мужчин по коврику – наверное, они стряхивают грязь с обуви, потом заходят в прихожую.

- Карен! – слышится голос Саймона.

- Странно, – говорит Алан нарочито громко. – Я думал, они уже здесь. – Он, конечно, участвует в игре. Братья вместе играли в футбол на хоувской лужайке, как обычно в воскресенье, но тем не менее его ответственная задача – вовремя привести Саймона домой. Карен представляет, как Алан будет рад прекратить притворяться, чтобы наконец расслабиться.

- Надо же – сколько еды! – бормочет Саймон. Очевидно, они в кухне.

«Нужно было ее спрятать», – думает Карен. Он считает, что придет семья Алана, но тут чересчур много даже для восьмерых. И это явно не жаркое. Остается надеяться, что у него не будет времени задуматься об этом. Как и ожидалось, через несколько секунд задняя дверь распахивается, и двое мужчин останавливаются на пороге.

- Карен! - снова зовет ее Саймон, и, пока он не заметил толпу, все выскакивают.

- СЮРПРИЗ! - кричат они хором и ломятся вперед.

Чух! Чух! - слетают пивные пробки. Хлоп! - вылетает пробка из шампанского.

Сразу разворачиваются цветные транспаранты, повсюду переполненные пластиковые стаканы, визжащие дети и смеющиеся взрослые. А в центре этого действия - Саймон.

Сначала ошарашенный, потом озадаченный, потом - Карен видит - счастливый.

- Господи! - говорит он, приложив руку ко рту, чтобы скрыть эмоции. - Вам не надо было...

Мужчины хлопают его по спине, женщины целуют в щеки, он пытается повернуться и понять, кто здесь. Почти все их знакомые: жена Алана Франсуаза с подростками-детьми, Трейси, няня Молли и Люка и пара соседских семей. Здесь, конечно, его мать и школьный друг Пит с новой подругой, Эмили. Несколько коллег - его начальник Чарльз приехал из Хэмпстеда, - и даже его приятели-футболисты, которые чуть-чуть опередили их с Аланом - Алану был дан строгий наказ заехать по пути на бензоколонку, чтобы заправиться. И это только те, кто смог прийти. Она видит слезы на глазах у мужа, и он с трудом выговаривает:

- Не надо было...

К нему бегут дети, которым отменили дневной сон.

- С днем рождения, папа! - кричат они.

Саймон хватает их в охапку, они еще маленькие, и он может поднять их обоих.

Потом, помедленнее, размеренным шагом, вперед выходит Карен.

- С днем рождения, дорогой.

Она раздвигает детские головки, чтобы поцеловать его. Его губы мягкие и теплые, от него пышет жаром, он еще потный после футбола.

- Ух ты! - Он качает головой. - Никак не могу прийти в себя. В самом деле, совсем не догадывался, что такое может произойти.

- Нет?

- Ни капельки. - Он поворачивается к Алану: - Коварный негодяй!

- Пятьдесят лет. - Алан поднимает бутылку пива. - Ты думал, отвертишься?

Саймон качает головой.

Карен крепко обнимает его и детей.

- Серьезно, - ей нужно, чтобы Саймон подтвердил, что ему все нравится, - ты не против?

- Нет, нет, все великолепно. Наверное, непросто было все это организовать. Как вы все успели? - Он снова молчит, чтобы собраться с мыслями, но теперь он немного успокоился. - Не могу прийти в себя. - Впрочем, знаешь, - Саймон опускает детей на землю, - мне бы

с горем Карен. А теперь, после трагедии Джима, она ощущает его еще острее: когда она смотрит на гальку всевозможных форм и оттенков коричневого, розового и бежевого, смерть Саймона и самоубийство Джима вызывают у нее тошнотворное чувство одиночества. И не только одиночества, но и собственной ничтожности, словно она маленький камешек на бесконечном берегу, покрытом галькой.

Галька... Она вдруг вспоминает: вторник. И вспоминает следующий день после смерти Саймона. Это тогда она увидела у мола карету «скорой помощи»? Она ехала на велосипеде на вокзал, ей пришлось резко затормозить... Там было тело, его несли с пляжа...

Господи Иисусе, неужели это был Джим?

Она опускает голову на руки.

Бедняга Джим. Творожный человек. Уборщик мусора. И утонуть в море – какой жестокий, нелепый и унылый способ попрощаться с жизнью.

Ни за что на свете Лу бы не хотела оказаться на месте Джима в тот день.

Внезапно она чуть ли не завидует Карен. Увидев, как она горюет по Саймону, Лу еще острее осознала, что у нее нет близкого человека. Она, может быть, и не Джим, но все равно у нее нет никого, кому можно было бы рассказать, что случилось в поезде в прошлый понедельник. Пока, кроме Анны и Карен, никто из ее знакомых не знает, что на этой неделе она была свидетельницей смерти, причем видела это лично. Никто не знает, что она встретилась с Карен, что они поговорили и Лу попыталась ей помочь. Все переживания она держит в себе. И ей плохо от этого – оттого, что приходится нести эту ношу одной. Ее просто тошнит от этого. Неужели так будет всегда?

И вдруг с этим чувством столкнулось другое – чувство вины. И она упрекает себя: как можно завидовать Карен? Это извращение, эгоизм. Ее собственная жизнь, ее проблемы, ее одиночество на самом деле гроша ломаного не стоят. Она не бездомная, она не потеряла партнера. А что она одна, то чья в этом вина, и кому, в конце концов, решать эту проблему, если не ей?

* * *

- Знаешь, в чем твоя беда? Ты скрываешь, кто ты, Лу, вот в чем дело.

Напротив Лу, напряженная от злости, вызывающе задрав подбородок, стоит Фай, ее партнерша, с которой они уже почти два года. Они спорят на кухне в мансарде у Лу. Они всегда ссорятся, но сегодня не как обычно – Лу уже поняла, что теперь разрыв будет окончательным.

- Не скрываю, – возражает Лу.

- Скрываешь. От своей семьи.

- Моя сестра знает.

- Это легко. Она нашего поколения. А мама знает? Тетя?

- Почему это так важно? – спрашивает Лу.

- Потому что *важно*, Лу, вот почему. Знаю, ты думаешь, это пустяки, но это не так. Это совсем не пустяки, а ты считаешь это не важным просто потому, что не можешь решиться признаться в своей ориентации.

Ох, как больно... Потому что это правда. Лу не может решиться, а Фай не может понять, почему.

- Я сыта этим, - говорит Фай. - Приходишь к твоей маме, притворяешься. Дело не в отдельных спальнях - черт возьми, я могу пару ночей обойтись без секса. Дело во лжи. «Это моя *подруга* Фай», - кривляется она. - Эти уклончивые ответы, когда твоя мать спрашивает, есть ли у тебя мужчина. Я тебе не подруга, а партнерша, твоя любовница. Нелепо в твоём возрасте лгать ей. Тебе уже за тридцать.

- Ты не понимаешь. Она не такая, как твои родители. У нее далеко не либеральные взгляды и понятия. Она не читает «Гардиан», не живет в Кентиш-тауне, не рассуждает о политике. Она старомодна и чопорна. Она сдает жилье в Гертфордшире и читает «Дэйли Мэйл». Она придет в ярость.

- Знаю. Я видела ее и все поняла. Прекрасно поняла. Но дело не в этом. Ты видишь проблему в ней, а проблема-то на самом деле в тебе. Ты не искренна сама с собой, Лу, держа это в тайне. Честно сказать, до нее мне нет никакого дела. - Фай безнадежно качает головой. - Мне есть дело до тебя. Ну и что, если она придет в ярость? Переживешь.

И вот именно в этот момент Лу отступает. Она молча пожимает плечами. Лу знает, что Фай бесит то, как она замыкается, особенно когда речь заходит о признании матери - это еще сильнее выводит Фай из себя. Тысячу раз Фай говорила, что не выносит этого, что чувствует себя изолированной, отвергнутой. Но Лу не в состоянии объяснить, почему не может зайти так далеко. Это слишком сложно, слишком неловко. И это связано со смертью отца. И дело не только в том, что она обещала папе перед смертью не говорить матери о том, что она лесбиянка. Тут еще примешивается и страх, что если она признается, мать откажется от нее, и она потеряет еще и мать, - и это важнее обещания, данного отцу. Потерять одного из родителей достаточно тяжело, а потерять обоих... Лу не может пойти на это. Если ей придется сделать выбор, а она чувствует, что придется, то, если быть откровенной, лучше потерять Фай.

19 ч. 35 мин.

Снова Лу стоит у турникета на Брайтонском вокзале, дожидаясь на этот раз Вик с Софией. У нее приподнятое настроение, и она возбуждена - они вот-вот появятся. Лу с нетерпением осматривает платформы, не зная, к которой из них подойдет поезд. В Лондоне - и всех других местах, где она жила, - поезда всегда прибывают к одной и той же платформе, изо дня в день. Но в Брайтоне это, похоже, не срабатывает. Ее поражает, как это отсутствие порядка и регламента подходит к этому городу, словно пренебрежение пропитало всю его инфраструктуру. Ей представляется, как все оцепенеет, если поезда в ее родном городе начнут ходить так же. В Хитчине все строго упорядочено. Даже кусты и деревья у вокзала аккуратно подстригаются круглый год.

Иногда Лу поддается философии «чайник все равно не закипит, пока за ним наблюдаешь», она в этом отношении суеверна. И поэтому идет в книжный магазин в вестибюле вокзала в надежде, что это ускорит прибытие поезда. В магазине полно народу, но Лу не собирается ничего покупать, ей просто хочется отвлечься - хоть она и пытается скрыть это от себя, но она

все-таки нервничает.

Поезд прибывает, открываются двери. Конечно, ее подруга выходит и шагает по платформе, вид у нее, как всегда, потрясающий. Вик шести футов ростом, и в ней заметна ямайская кровь. С копной вьющихся волос до плеч и внушительной фигурой, она поражает воображение, но ее это никогда не стесняет. Сегодня она вышагивает на высоченных шпильках, в пальто под леопардовую кожу и катит ярко-красную сумку-тележку.

Через несколько секунд Вик замечает Лу, восторженно машет рукой и уверенно рассекает толпу, направляясь к ней.

Не успевает Лу опомниться, как она уже целует ее в обе щеки, приговаривая:

- *Мн-ма!* Моя прелесть! *Мн-ма!* Моя прелесть!

У Лу кружится голова от сильного мускусного запаха.

Когда Лу освобождается из объятий подруги и озирается вокруг, то видит, что с Вик никого нет – она приехала одна.

- А где София? – спрашивает она. Возможно, она не приедет? Нет, Вик, конечно, не может так поступить.

- Она приехала на другом поезде, – непринужденно говорит Вик. – Я сказала, что встречу с тобой здесь, и она вот-вот должна подойти.

И тут же за спиной у Лу слышится голос:

- Привет, Вик! Лу, м-м-м... здравствуй.

Лу оборачивается, видит короткие темные взъерошенные волосы, темно-карие глаза... И словно получает удар под дых. София не просто хорошенькая – она прелестна, это прекрасный эльф, проказливый чертенок.

- Лу, это София. София, это Лу.

«Ух ты! – думает Лу, но тут же задумывается: – Что же на свете заставило такую девушку приехать ко мне? Вряд ли она испытывает недостаток в поклонницах».

Они направляются к привокзальной стоянке такси. Очередь не большая, и через пару минут Лу и София устраиваются на заднем сиденье.

- Подвиньтесь, – говорит Вик. – Ой, проклятье! Ну да ладно. Сяду впереди.

Пыхтя, Вик плюхается рядом с водителем и захлопывает дверь.

- Куда именно в Кемптаун? – спрашивает тот.

Вик наклоняется к нему.

- В конце Магдален-стрит, пожалуйста.

Когда Лу откидывается на спинку, из мягкого пластикового сиденья выходит воздух, и она остро ощущает присутствие Софии рядом. Как будто пространство между ними заряжено

статическим электричеством. Ей это представляется чем-то вроде генератора Ван де Граафа [23], у нее был такой маленький генератор в начале восьмидесятых, он был в форме шара и испускал искры, когда к нему поднесешь руку – крошечные молнии били в ладонь.

Вик оборачивается.

- Так какой у нас план?

- Вы голодны?

- Слегка, – отвечает Вик. – Не уверена, что продержусь целый вечер без пищи.

Лу так и знала – нужно немало еды, чтобы Вик с ее ростом и энергией не испытывала голода, – поэтому она все продумала заранее.

- Можем пойти в испанскую забегаловку на Лейнсе, если вас устроит, и каждый может взять кому что нравится. – Там неплохой выбор и недорого, поэтому Лу не придется заботиться о вегетарианской пище или остаться без гроша. Однако есть одно сомнение: – Тебя устроит, София? Думаю, там неплохо – хозяин испанец, – но, наверное, здешние закуски не сравнятся с тапас у тебя на родине.

- Ничего. Даже плохие тапас лучше, чем многие английские блюда. – София улыбается и озорно подмигивает. От этого Лу краснеет – она не знает, как реагировать.

Они забрасывают свои вещи в квартиру к Лу и быстро едут дальше.

Ресторанчик в десяти минутах езды, и когда они заходят, там уже довольно шумно. Клеенчатые скатерти и деревянные столы и стулья стоят очень плотно друг к другу, свободного места не видно.

- Смотришь, где Хоуи? Подождем. – Вик осматривает помещение. – Ха! Вон он.

вернуться

23

Генератор высокого напряжения, принцип действия которого основан на электризации движущейся диэлектрической ленты. Первый генератор был разработан американским физиком Робертом Ван де Граафом в 1929 г. (*Прим. ред.*)

Она права: за столом в дальнем углу перед откупоренной бутылкой вина сидит знакомая фигура с козлиной бородкой, в очках, с обритой головой. Он уставился в меню. Разумеется, леопардовая шкура привлекает его внимание, и он кивает им.

Вик прокладывает дорогу.

- Здорово! Как жизнь?

- Прекрасно. А у тебя?

- Великолепно. Впрочем, черт – ты так изменился... В последнюю встречу ты был пиратом, а я мадам.

- Значит, вы друг друга помните, - вмешивается Лу. Она чувствует, что София вежливо стоит сзади и ждет. - Хоуи, это подруга Вик, София.

- София? - Хоуи приподнимает бровь.

Лу замечает в этом жесте намек. «Черт возьми! - думает она. - Не надо было признаваться ему, что Вик меня знакомит, - это только заинтригует его и будет меня стеснять.

София садится, и Хоуи тут же протягивает ей меню.

Пока она его изучает, он советует:

- Чорисо [24] здесь очень неплохое.

- София испанка. - Лу чувствует себя защитницей. Хоуи временами бывает довольно бестактен, поэтому он и Вик так хорошо ладили раньше - две бурные личности прекрасно понимали друг друга.

- Я не ем мяса, - объясняет София.

Лу удивлена и рада - что-то общее.

- Довольно необычно для испанки, - замечает Хоуи, наполняя бокалы. - Как к этому относились на родине?

- Это одна из причин, почему я уехала, - криво улыбается София.

- Значит, давно здесь?

- Семь лет.

- Тебе нужно переехать в Брайтон, - говорит Хоуи. Как многие, считающие Брайтон своим домом, он превозносит шарм этого города. - Здесь полно вегетарианцев.

- Мне он в самом деле нравится. - София поднимает голову и ловит взгляд Лу.

«Похвала моему городу, - думает Лу, - это знак? Или мне показалось?» Ей, пожалуй, хотелось бы, чтобы Хоуи поговорил немного с Вик; в конце концов, они знакомы. Но, конечно, Хоуи интереснее София - он знает, что Лу может запасть на нее. Вик создала настоящую интригу.

- Так расскажи о себе, - продолжает Хоуи. Однако его допрос может оказаться полезным: София сможет раскрыть кое-что, о чем спросить самой Лу представляется не деликатным.

- Что ты хочешь знать?

- Ну, для начала, что привело тебя в Англию.

- Я проектировщик. Наша фирма ведет здесь большой проект, и им нужен кто-то говорящий по-испански и по-английски, чтобы следить за ним. Вот меня и прислали сюда. Возможно, я здесь слишком долго задержалась, но мне нравятся местные люди, и они хорошо ко мне относятся.

- Где ваша фирма обосновалась?

- В Восточном Кройдоне.

Хоуи тут же подсказывает:

- Значит, ты *можешь* переехать сюда! Сейчас ты где живешь?

- В Далстоне.

- Боже милостивый! Оттуда же целую вечность добираться.

- Да нет, не так страшно - всего час с небольшим. И у меня там много друзей.

- Если дело в друзьях, то где найдешь лучших, чем здесь? Здесь полно лесбиянок.

- Я люблю моих друзей. Они особенные.

Лу рада. Пока все выглядит многообещающе. У Софии, похоже, такие же приоритеты: для нее тоже важны друзья. И, похоже, работодатель высоко ее ценит - видимо, у нее есть таланты. Но Лу не следует бежать впереди паровоза. Она себя сдерживает: если София так привлекательна и совершенна, как кажется, Лу боится, что она ей не пара.

- Ну, мы явно должны над тобой поработать. - Хоуи поворачивается к Лу и Вик. - Правильно? - Потом он доливает всем вина и делает знак официанту, чтобы убрал пустую бутылку. - Еще одну такую же, пожалуйста.

Обернувшись к стойке, официант чуть не сталкивается с посетительницей, направляющейся к их столу.

- Здравствуйте, - произносит она.

Лу нервно сглатывает. Безумный цвет волос, странный наряд, милое личико - это студентка, стоявшая за стойкой в пабе на Трафальгар-стрит.

«Ну и что? - думает Лу. - Что в этом такого? Несколько месяцев у меня вообще никого не было, а теперь в один вечер встречаю двух симпатичных женщин».

Только она подумала, что романтические возможности появляются подобно автобусам, как девушка провокационно заявила:

- Странно видеть вас здесь.

Она сверкает той же кокетливой улыбкой, которой наградила Лу в «Лорде Нельсоне».

- В самом деле, - говорит Лу, застигнутая врасплох ее прямоотой, - Мир тесен, - и чувствует, как ее лицо заливают краска.

- Не знала, что вы появитесь в Брайтоне, - говорит девушка. - Надо было сказать.

И до Лу доходит: эта кокетливая улыбка предназначена вовсе не ей.

Девушка узнала не ее. Она узнала Софию.

21 ч. 44 мин.

Анна и Стив смотрят телевизор – комедийную викторину, где гости комментируют текущие дела; это одна из любимых передач Анны. Она ассоциируется у нее с отдыхом, с постепенной остановкой маховика после трудовой недели. Ей нравится ироничный юмор и добродушные шутки. Свет приглушен, горит камин, пламя отсвечивает на потолке, и Анна, укрывшись одеялом на диване, расслабляется, как не расслаблялась уже много дней.

Стив встает.

- Ты куда? – спрашивает она.

- Купить сигарет.

Анна напрягается.

- Ааа.

Он не смотрит на нее, незачем. Она знает.

Но прежде чем она успевает что-то сказать, он уже уходит.

Анна подтягивает к себе колени и плотно их обхватывает. Так хорошо прошел день, Стив был таким чудесным. Зачем ему это? Какая разница, зачем, если она видит, что снова начинаются его выкрутасы.

Он задерживается чуть дольше, чем следовало бы, и она уже начинает волноваться, когда хлопает дверь. Стив входит в квартиру с пластиковым пакетом в руках.

- Не хочешь бокал красного вина?

Он достает сигареты и кладет их на каминную полку вместе с бутылкой.

Анна качает головой.

- А я выпью.

Она вздыхает.

- Уже поздно.

Конечно, не так уж поздно, но Анна не знает, как сказать о том, что она прекрасно понимает: бокал красного будет лишь первой его дозой в этот вечер. Следующие несколько минут выдали его: он купил водки, в лучшем случае, четвертинку, но скорее всего, пол-литра, и выпил ее на улице, возможно, с банкой «Ред булла». И все же Анна не может обвинить его в этом, не устроив сцены, поэтому просто говорит про поздний час, хотя и знает, что это бессмысленно и кажется просто брызжанием.

- Еще нет и десяти!

Этот тон, как удар – в нем слышится и оправдание, и агрессия. И хотя на несколько дней Анна позволила себе забыть об этом, теперь она понимает, как важна честность в отношениях. Она не может понять, что заставило его пойти на холодную улицу, тайно купить бутылку и украдкой выпить ее за углом. Она этого не видела – он прячется от нее, – но знает. Это так гадко, так безысходно.

Ее передергивает.

Нужно всего лишь несколько санлитров спирта и несколько мгновений, чтобы разрушить безмятежность. По телевизору все то же пятничное вечернее шоу, но теперь смех кажется неестественным и фальшивым; пламя в камине все еще освещает комнату, но как будто больше не согревает ее. Анна по-прежнему все еще укутана одеялом, но теперь оно служит ей для защиты, а не для комфорта, – своеобразная скорлупа, которая, очень хотелось бы, стала бы твердой и прочной.

* * *

- Так что вас привело в это захолустье? – снова спрашивает девушка.

- О, м-м-м... – запинаясь София – она тоже покраснела?

Лу быстро соображает. Она уверена, что их связывают явно не платонические чувства.

- Мои, гм... друзья, – мямлит София.

Девушка осматривает сидящих за столом. Увидев Лу, запоздало узнаёт ее.

- Вас я тоже знаю?

- Угу, – кивает Лу, сожалея об этом знакомстве.

- А вас я откуда знаю?

Лу ловит взгляд Хоуи. Она видит, что его воображение работает со скоростью тысячи миль в час. Несомненно, он думает, что у всех троих богатая общая история.

Лу пожимает плечами, чтобы сразу внести ясность:

- Я видела вас пару дней назад в «Лорде Нельсоне».

- Да, вот оно что! – смеется девушка, явно не смущаясь сложившейся ситуацией.

вернуться

24

Чорисо – сухая колбаса с красным перцем.

- Значит, вы здесь тоже с друзьями? – спрашивает Лу в надежде, что выглядит спокойнее, чем есть на самом деле. Не то чтобы ее действительно интересовало, почему эта девушка сюда пришла, – ее больше заботят ее отношения с Софией, почему они знакомы друг с другом. В воздухе такое напряжение, что Лу не может подавить укол ревности.

Девушка кивает на большую компанию неподалеку.

- Одному из моих друзей исполнился двадцать один. Мы почти закончили, – («Прекрасно!» – думает Лу), – но потом мы собираемся пойти в «Кэнди-бар». Если хотите, присоединяйтесь.

У Лу снова падает сердце.

- А... понятно, - кивает София. - Гм... да. Может быть...

Лу едва сдерживает эмоции: минуту назад она была на коне, думая, что девушка нацелилась на нее, а теперь - через несколько секунд - поняла, что ее интересует София, и София ей отвечает. Весь вечер, похоже, пошел насмарку, но она ничего не может поделать. Когда девушка удаляется, соблазнительно покачивая бедрами, Лу подавляет дрожь.

И вдруг Вик провозглашает:

- Терпеть не могу «Кэнди-бар». Это для молодежи.

- И меня туда не пустят, - говорит Хоуи.

Лу хочется захлопать в ладоши. Но только она слегка успокоилась, как девушка оборачивается, возвращается и говорит Софии:

- Да, пока мы не ушли, вы обещали мне дать свой номер, помните?

Лу не может поверить в такое нахальство.

- Угу, м-м-м... да, - отвечает София в крайней нерешительности. Она поспешно достает из сумки ручку, пишет на салфетке номер и протягивает девушке.

* * *

Анна и Стив сидят молча. Телевизор включен, но Анна уже не смотрит на экран. Она не может сосредоточиться, не может говорить. Она так рассержена на Стива, так разочарована в нем, что знает: если скажет что-нибудь, то не сможет скрыть своей злобы. Это только спровоцирует враждебность, которая неизбежно сопровождает его пьянство, поэтому лучше промолчать. Впрочем, то, что она сдерживает раздражение и злость, только еще более усугубляет ее внутреннее напряжение, она чувствует себя как упавшая на пол и помявшаяся жестянка с шипучкой, цилиндр накачан до такой степени, что, как только откроешь, жидкость с бешеной силой разлетится во все стороны.

Так они сидят полчаса. Наконец, Анна убирает одеяло с коленей, берет с кофейного столика мобильник и встает.

- А ты теперь куда? - спрашивает Стив.

- Приготовлю чашку кофе. - Анна не может сдержать злости. - А что, тоже хочешь?

- Конечно, не хочу.

- Ну и ладно.

- А зачем берешь мобильник?

- Потому что хочу позвонить.

- Не поздновато ли звонить?

Анна смотрит на часы. Он прав. Половина одиннадцатого. Единственный человек, кому она обычно может звонить в такое время, - это Карен, а ей в эту ночь - накануне похорон - вряд ли стоит звонить.

Анна задерживается в коридоре, задумавшись. Пожалуй, есть с кем поговорить, или хотя бы послать сообщение... Она идет на кухню и ставит чайник. Пока он греется, она набирает эс-эс-эс:

Привет, Лу. Надеюсь, у вас приятный вечер, что бы вы ни делали. Извините, что беспокою так поздно, но, может быть, позвоните мне, когда будет минутка? Завтра или когда-нибудь. Хочу спросить вашего совета. Не имеет отношения к Карен – на этот раз, насчет моего болвана бойфренда. Всего хорошего. Анна.

Она перечитывает написанное. Даже в этот час в ней не может уснуть профессионал. Она стирает «моего болвана бойфренда» и заменяет на эту фразу «меня самой». Таким образом она снимает обвинение со Стива. Анна прекрасно понимает, что неразумно вываливать свое настроение на Лу в половине одиннадцатого вечера в пятницу. Она нажимает кнопку «послать» и барабанит пальцами по стойке.

Ей бы хотелось поговорить с Лу прямо сейчас, но вероятность того, что ее телефон сейчас включен, или что она услышит его, ничтожна. И Анна вынуждена ждать и сдерживать свои чувства.

* * *

- Так куда? – спрашивает Хоуи. Они столпились около ресторана. – Как насчет «Головы королевы»? Там открыто допоздна.

- Конечно, – говорит Вик, и Лу с облегчением видит, что София согласно кивает.

Пока они с Софией прекрасно ладят. София довольно подробно рассказала Лу о большей части своей жизни, и как-то так получилось, что Лу в ответ поведала о себе гораздо больше, чем намеревалась. Она рассказала Софии не только о своей работе и друзьях в Брайтоне, но коснулась и того, что привело ее в этот город, о своих политических убеждениях и многом другом. Сигналы были бы хороши, но...

Лу не дает покоя воспоминание о том, с какой готовностью София дала номер телефона той девушке в ресторане. Хотя она сама точно не знает, что это может означать, но ей становится неловко от возможных вариантов. Не собирается ли София провести с той девушкой ночь? Она так привлекательна, считает Лу, что легко может встречаться с несколькими женщинами одновременно. И как она ни нравится Лу, ей не хочется стать просто еще одной меткой на покрытом зарубками столбике Софии.

Когда они входят в бар, София предлагает заплатить за первый круг.

- Бутылку «Бекс», пожалуйста, – говорит Вик и объявляет: – Мне нужно в туалет.

Лу идет с ней, чтобы получить возможность поговорить тет-а-тет.

- Ну? – сразу же спрашивает Вик.

Лу кивает.

- Она милая. – Ей не хочется пускаться в долгие разговоры.

- Милая? – вопит Вик. – Еще бы! Конечно, она чертовски милая! Она бы не была моей подругой, если бы не была такой. Так ты запала на нее или что?

- Ой, если честно, то - да, Вик. - Лу переминается, глядя под ноги. Она чувствует, что другие женщины в кабинках слушают их.

- Ага! - Вик уставилась ей в лицо, потом хлопает в ладоши. - Так я и знала! - Она явно возбуждена, хотя непонятно, отчего: то ли радуется, что познакомила двух хороших подруг, то ли просто своей способности к сводничеству. - Полагаю, ты ей тоже понравилась, - глубокомысленно кивает Вик.

- Полагаешь?

- Она определенно неровно к тебе дышит, я это вижу.

- Правда?

- Конечно - все эти расспросы про твою жизнь, она соображает.

- А что с той девушкой? - спрашивает Лу.

- С какой?

- Ты знаешь. Которой София дала номер телефона.

- Ах, *той*. Да ничего особенного, я уверена.

Но Лу не может отделаться от своих подозрений. Вик заинтересована свести их, и пока что Лу не уверена, что все сложится хорошо.

В этот момент кабинка освобождается.

- Иди первой, - командует Вик, и Лу послушно повинуется.

Сидя внутри, она слышит, как Вик, очевидно, не сознавая, что от выпивки говорит громче, чем обычно, тихо бормочет:

- Ну, выкладывай, что ты думаешь?

Она может говорить только с Софией. Оплатив первый круг, та, видимо тоже спустилась вниз. Лу затаив дыхание ждет ответа.

- Она прелестная, - говорит София.

Лу улыбается. Значит, понравилась! Но по ее голосу понимает: София знает, что ее слушают. Может быть, она говорит так из вежливости: она не так пьяна, как Вик, и потому следит за собой.

- Но ты запала на нее? - напирает Вик.

- Она разве не здесь? - София указывает на кабинку. - Я не встретила ее, когда спускалась.

- Здесь, но не услышит.

- Думаю, услышит, - твердо говорит София, и Лу не может удержаться от смеха.

- Я слышу, - говорит она, выходя.

И когда Вик направляется в кабинку, София улыбается Лу и понимающе качает головой.

* * *

Карен лежит в ванне и разглядывает свое искаженное толщей воды тело. Она добавила в воду пузырьков, и когда поднимает ногу, пузырьки скользят вниз миниатюрной лавиной. Карен поворачивает бедро и критически вглядывается в него. Кожа бледная, малейший намек на летний загар давно исчез. Можно было бы повисить мышечный тонус, немного сбросить вес. Как будто теперь это важно. Она переносит внимание ближе: грудь, некогда ее гордость и радость, теперь, после вскармливания двоих детей, уже не та, потеряла свою упругость и округлость и уныло обвисла, слегка поддерживаемая водой.

- *Но я ее люблю*, - слышит она голос Саймона. Он опустил крышку унитаза, чтобы можно было сидеть, как на стуле, и разговаривает с ней, пока она принимает ванну. Она кивает, зная, что это правда - он по-прежнему уделяет ее груди много внимания. И не только когда они любят друг друга, а иногда и в самые неподходящие моменты: подкрадывается, когда никто не видит, и, неожиданно набрасывается сзади, сжимает ее грудь и шепчет в ухо:

- О-о-о!

Но и его тело тоже изменилось, за двадцать лет он прибавил в весе почти два стоуна, его брюшной пресс не так упруг, как когда-то, на животе проступают жировые складки, его грудь не так тверда, и бицепсы тоже одрябли. Ее это тревожит? Нет, конечно нет, от этого ей даже лучше, это позволяет ей чувствовать себя желанной, несмотря на собственные недостатки. Теперь, на третьем десятке их совместной жизни, она чувствует себя уязвимой - неважно, каким бы стал Саймон в будущем, но он мертв.

- Как могло твое тело так тебя подвести? - шепчет она.

Его несовершенство было столь ничтожно, так естественно, такие изъяны были характерны для любого мужчины средних лет. Не было никаких признаков чего-то серьезного.

- *Не спрашивай меня*, - говорит он. - *Думаешь, я хотел, чтобы так получилось?*

- *Конечно нет*. - Ей нравится лежать так, спиной к унитазу; она не видит его, но знает, что он там. - *Завтра твои похороны*.

- *Бедняжка*, - говорит он. - *Надеюсь, ты не очень суетишься из-за этого*.

Ее волнение в ожидании гостей стало в семье легендой: она становится раздражительной и возбужденной, и даже Люк это заметил.

- Мама не очень добрая перед моим днем рождения, - однажды он серьезно сказал Анне. Карен тогда посмеялась, тронутая его наблюдательностью.

Звонит телефон, прерывая ход ее мыслей. Ей не хочется вылезать из ванны, не хочется брать трубку, и все равно она не успеет. Автоматически щелкает автоответчик.

- Вы позвонили в дом Карен, Саймона, Люка и Молли, - говорит Саймон. Впервые после его смерти Карен слышит его голос. У нее захватывает дыхание, голос усиливает ощущение присутствия Саймона. Она закрывает глаза, впитывая тембр голоса мужа, буквально всасывая его, словно это пища, а она страшно изголодалась. Но это всего лишь слова, холодные и бесстрастные: - К сожалению, сейчас нас нет дома. Пожалуйста, оставьте сообщение после

гудка, - но каждое слово Саймона - редкая драгоценность.

- Привет, дорогая, это мама. - Знакомый голос застал ее врасплох. Что-то поздно вато для материнского звонка. Ее родители живут в Алгарве, где время опережает местное на час, и там сейчас должно быть около полуночи. - Я просто подумала, что надо напомнить тебе, что завтра в девять утра я прибываю в Гатвик, так что буду у тебя к одиннадцати или около того. Мне удалось найти, кто присмотрел бы за отцом несколько дней, так что я могу остаться у тебя, по крайней мере, до вторника или даже до среды или четверга, если с отцом все будет в порядке.

Услышав, как телефон отключился, Карен с облегчением вздыхает.

Как только мать сказала, что приезжает, Карен поняла, как сильно она истосковалась по ней. Ничто не может заменить материнской любви, но ее родителям за семьдесят, и они живут далеко. Хуже того, у отца болезнь Альцгеймера, и его нельзя надолго оставлять без сиделки. Эту роль мать выполняет круглосуточно, и найти подмену нелегко. С тех пор как отцу поставили диагноз, Карен привыкла считать свои собственные нужды второстепенными - прошло много лет с тех пор, как она что-либо требовала от матери, не говоря уж про отца. Даже в прошлые выходные она сказала матери, что прекрасно справится, что Филлис и Анна помогут ей и что, несмотря на возражения мамы, ей ни к чему приезжать пораньше. Но теперь она поняла, что, как бы ни поддерживали ее другие, это совсем не то, что материнская поддержка. У Филлис свое горе, и Анна не ее мать.

Удивительно, что когда, наконец, Карен поняла, что завтра увидит маму, ей стало еще печальнее, и она заплакала.

- Как мне нужна мама, - всхлипывает она.

Она по-прежнему ощущает, как Саймон сидит у нее за спиной и с пониманием кивает. На мгновение она чувствует себя не старше Люка или даже Молли и по-детски вытирает руками щеки. Во влажной атмосфере ванной не понять, где слезы, а где конденсат.

Суббота

01 ч. 07 мин.

Они выбирают из бара уже во втором часу ночи.

- Хотите выпить у меня кофе? - предлагает Хоуи.

Лу хочется продлить вечер как можно дольше, а Хоуи живет рядом с ней.

- Я хочу.

- Я тоже, - говорят София и Вик.

Все идет гладко, но Лу еще нужно удостовериться, что собой представляет София. Учитывая язык ее тела, Лу почти понимает, что физически привлекает ее. Например, в пабе, где они два часа сидели вместе, София положила руку на спинку скамьи, почти обняв ее за плечи. И она много смеялась. Но в присутствии других у них не было возможности на большее проявление чувств, поэтому было трудно удостовериться наверняка. И Лу так и не может избавиться от тревоги, что у Софии есть несколько женщин, привлекательных и заинтересованных - взаимно - в близости с ней.

Черт побери! Как хочется узнать, о чем думает София! Почему все так сложно? Лу мысленно ругает себя. Когда простая встреча с кем-то сопровождается такой тревогой и страхами, что же удивляться, что ей так отчаянно не везет в отношениях?

Господи, она вдруг осознает, что, погрузившись в свои мысли, отстала от остальных. Но София задержалась на углу, чтобы ее подождать. Лу бегом догоняет своих друзей.

- Извини, - говорит она, - я бродила в собственном мире.

- Ничего, - отвечает София, - это хорошо, - и прежде чем Лу успевает остановить ее или отстраниться, берет ее за руку.

Ее ладонь в самом деле восхитительна, и жест кажется таким искренним, таким нежным, таким интимным, что Лу больше не может сдерживаться. Она смущена, но ее так тянет к Софии, что ей непременно нужно знать, ответит ли она ей взаимностью, прежде чем они пойдут дальше.

- М-м-м... Можно тебя спросить?

- Да, что?

Лу вся трепещет - ей трудно на это решиться. Но на улице темно, и они выпили, так что ее смущение, хотя бы слегка, скрыто. Наконец, она выговаривает:

- Та девушка в ресторане...

- Что та девушка?

- Ты дала ей свой номер телефона, - тихо говорит Лу.

София готова рассмеяться, но потом, видимо, расслышав тревогу в голосе Лу, поворачивается к ней.

- Ты ведь не подумала, что я ею заинтересовалась?

Лу молчит. Она чувствует себя такой незащитной, неловкой, что не может открыто признаться в своем волнении.

А София продолжает:

- Я встретила с ней на вечеринке в Лондоне несколько недель назад.

У Лу начинает колотиться сердце. Ее реакция может показаться чрезмерной, но она ничего не может с собой поделать, ее надежды взмывают вверх, и все же она сдерживается, боясь разочарования.

София продолжает:

- Думаю, да, она слегка запала на меня...

Лу может не выдержать, услышав остальное, но ей все-таки нужно знать.

- ...Хотя, честно сказать, не думаю, что она так уж разборчива.

Мысли Лу возвращаются в «Лорд Нельсон». «Это похоже на правду, - думает она, - она и ко мне немного подкатывалась тогда».

- Все равно она скоро уезжает в Испанию.

- А...

- И я сказала ей, что у меня есть подруга в Мадриде, которая ищет, с кем можно разделить комнату, - заканчивает София. - Она хотела взять мой телефон, чтобы я их познакомила.

- Понятно.

И вдруг Лу чувствует себя полной дурой, а София добавляет:

- Я действительно ушла с той вечеринки, не дав ей номера, потому что она показалась мне сначала немного настырной. И в ресторане я ощутила себя - как это сказать? - застигнутой врасплох. Я стусевалась.

- Понятно, - говорит Лу.

Они идут дальше молча, Лу по-прежнему погружена в свои мысли. Она рада, что между Софией и этой девушкой ничего такого не было, но тем не менее, ее охватывает ужас.

«Я показала себя *полной* идиоткой, - думает она. - И теперь София знает, что она мне очень понравилась. Какой стыд! Когда я научусь вести себя правильно?»

Они уже почти дошли до дома Хоуви, а Лу все продолжала переживать.

Но тут София поворачивается к ней и целует.

Сначала Лу изумлена - ей показалось это так легко, так быстро. Но через несколько секунд она уже поглощена анализом случившегося. Она просто уступила ему, и боже, что это за поцелуй! Это то, к чему Лу стремилась, а София пахнет великолепно - великолепно! - а ее рот восхитителен, такой мягкий, влажный и теплый - Лу не хочется отрываться. Они целуются целую вечность. *Вечность*. Она уже забыла, как здорово это может быть.

- Я мечтала об этом весь вечер, - произносит, наконец, София, - но не могла остаться с тобой наедине.

- Правда? - Сердце у Лу скачет вприпрыжку.

- Угу, уже несколько часов.

- Я тоже, - улыбается ей Лу. - Но нас сейчас хватятся, нам лучше пойти к ним.

- Да, пожалуй. - София явно с неохотой морщит носик.

Они идут вперед, но через несколько шагов София хватает Лу за воротник и ведет к фонарному столбу.

- Мне показалось так мило, что ты ревнуешь! - говорит она и целует ее снова.

На этот раз Лу ощущает, что все ее тело растаяло - словно ее уносят куда-то волны чистого физического наслаждения, и все мысли полностью исчезают. София прижимается к ней всем

телом, и Лу ощущает такой наплыв желания, что, кажется, упала бы, если бы не опиралась на фонарный столб.

Этот второй поцелуй утверждает их отношения: если у Лу раньше и были какие-то сомнения насчет их взаимной тяги, то теперь их не осталось.

* * *

Анна ненавидит такие ночи, когда никак не может уснуть. Кажется, что чем больше думаешь о сне, тем труднее заснуть, потом, в конце концов, ее охватывает паника. Тревоги кружатся и кружатся в голове, она не может с ними справиться, не может унять их. Они как желтые сливки в маслбойке – жидкая бесформенная масса. Тревоги о Стиве. Тревоги о работе. Тревоги о Карен. Тревоги о Молли и Люке. Даже тревоги о Лу, от которой ничего не слышно с тех пор, как она послала ей эс-эм-эс. Тревоги, тревоги, тревоги...

А теперь еще нужно в туалет.

Она встает и идет. Из туалетной комнаты слышно, что телевизор внизу по-прежнему включен, громко. Должно быть, Стив в гостиной, он не пришел к ней в спальню.

Он или уснул перед включенным телевизором, или не спит и смотрит какой-нибудь кошмарный фильм. Она надеется на первое. Если пойти проверить, спит он или нет, то ей даже представить себе страшно, что ее может ожидать. Он может быть в совершенно невменяемом состоянии, и она не чувствует, что будет не в силах это перенести.

Но если Стив все-таки спит, ей бы хотелось выключить телевизор. Шум может разбудить его позже, а нужно, чтобы к утру он проспался. Анна тихонько спускается вниз и осторожно приоткрывает дверь.

Единственный свет исходит от экрана в углу, насыщенные красные и синие цвета ужасика шестидесятых бьют в глаза. Стив все-таки спит, растянувшись на полу, без одеяла, без подушки, одетый, в туфлях.

Ей хочется пнуть его.

Но она на цыпочках проходит мимо и выключает телевизор. Стив что-то бормочет, дескать, не надо, и снова продолжает храпеть.

Анна даже не накрывает его одеялом и не подкладывает под голову подушку, не желая будить, а закрывает дверь и быстро поднимается обратно.

В спальне она приоткрывает шторы, только чтобы посмотреть, что на улице.

Наискосок, напротив дома какой-то офис с широким крыльцом, где иногда спал бездомный. Раньше она часто видела его там, но в последнее время он появляется лишь изредка.

Когда Стив только переехал к Анне, то спросил, почему она не пожалуется на этого человека людям в офисе. Она сказала, что он ее не беспокоит, он не причиняет никакого вреда.

- Он очень опрятный, - сказала она. - Каждое утро убирает картонки - я видела. Не думаю, что он наркоман или что-то такое.

Он был там даже на Рождество, и Стив решил предложить ему стаканчик бренди.

- Не хочет, - сказал он в замешательстве, когда вернулся с полным стаканом.
- Видишь? - ответила Анна. - Я тебе говорила.
- Ты не поверишь, чем он занимается.
- Чем?
- Делает бутерброды с творогом. Я предложил ему рождественский ужин, но он и этого не хочет.
- Ну, что ж, каждому свое.

Сегодня ночью его нет. «Интересно, что с ним?» - думает Анна, снова задвинув шторы и ложась на кровать. Она надеется, что он нашел другое место, постоянное, где можно жить.

Она думает о Стиве и понимает, что теперь его пьянство тревожит ее гораздо сильнее, чем в начале их отношений. Что будет, если она порвет с ним? Сможет ли он следить за собой сам, будет ли пить, как сейчас? Она не уверена, хотя до их встречи он прекрасно справлялся. Или он тоже окажется на улице? Это еще одна забота, которая гложет ее и которая добавляется к желтой жиже в ее голове.

* * *

Лу раздевается, сознавая, что София совсем рядом. Уважая просьбу Вик не заниматься с Софией ничем в пределах слышимости и не желая быть бесцеремонной со своей новой подругой, она уступила им свой матрац.

Теперь, когда ее никто не видит, Лу стягивает джинсы, соблазнительно виляя бедрами. К черту аккуратно их складывать, ей наплевать. Она вешает их на лодыжку, швыряет ногой и радостно следит, как они летят через комнату. Приземляются они с неожиданным стуком, и из кармана на деревянный пол вылетает мобильник. Лучше бы проверить, не сломался ли он. Вроде бы в порядке, она кладет его на стол и залезает в спальный мешок на диване, а потом все-таки смотрит на экран телефона, и ее внимание привлекает маленький значок в виде конверта. Кто это прислал сообщение? Она открывает, читает.

Боже, Анне нужно поговорить.

Лу смотрит, когда сообщение было послано: в 22:33. Это довольно поздно, чтобы звонить. Черт. Если бы Лу услышала звонок, то сразу перезвонила бы, но в пабе было слишком шумно. Хотя, может быть, все к лучшему - все равно она не могла бы уделить Анне должного внимания.

Она позвонит завтра, как только сможет.

* * *

Карен вдруг просыпается. Она замерзла и так дрожит, что зубы стучат. Ей приснился кошмар, будто она попала в водоворот, и ее тянет на дно, в какую-то глубокую черную дыру, и она хватается ртом воздух.

Карен включает свет.

«Все в порядке, - говорит она себе, озираясь. - Ты здесь, в своей комнате. Все хорошо».

Она в холодном поту, ее ночная рубашка промокла. Карен встает, стягивает ее, надевает вместо нее чистую футболку и снова ложится в постель. Но не перестает дрожать, и ей даже становится еще холоднее. Она заворачивается в пуховое одеяло, плотно укутывается и прячется в нем, как в черепашьем панцире.

Карен всегда любила чувство защищенности во сне, чувство тепла и уюта. Когда была маленькой, она брала с собой все мягкие игрушки и укладывала на кровати в ряд под простыней. Потом залезала сама и прижимала их спиной, и только потом засыпала.

- Это довольно жестоко, - вспоминает она слова Саймона, когда сказала ему об этом.

- Это были не настоящие животные, дорогой, - рассмеялась тогда она.

Может быть, она и выросла, но по-прежнему любит, когда кто-то прижимается к ней сзади. И зимой Саймон обхватывал ее, был ее черепашьим панцирем. По самой меньшей мере, их тела где-то соприкасались, ноги переплетались, или они держались за руки, и она знала, что ее любят, и она любит.

Вот почему она не может унять дрожь. Это не порядок, что Саймона нет.

Ее мышцы дрожат, дрожат, дрожат, непроизвольно сокращаясь. Она старается сдержаться, но безрезультатно. Ее зубы стучат, стучат, стучат.

Она подтягивает колени к животу и принимает позу зародыша.

Возможно, дрожь - еще один симптом шока, физическая реакция на психологическую травму. Она напоминает сбитую машиной кошку, которую однажды нашла. Кошка в предсмертной агонии лежала на обочине дороги рядом с домом и дрожала так же, как она сейчас. Тогда Саймон пошел и сломал ей шею, из милосердия. Карен не могла это сделать сама, а он смог.

Какая-то ее часть хочет, чтобы кто-то и ей сломал шею, избавил бы ее от этой муки. Но никто не сломает, это не вариант. Нужно жить дальше ради Молли и Люка. Она никак не может оставить детей, они нужны ей, как никогда. Она сосредотачивается на них, своих малышах. И когда думает о них - какие они маленькие, беззащитные, как они любят ее, как она их любит, - постепенно, постепенно дрожь начинает утихать.

08 ч. 33 мин.

- Почему ты не хочешь надеть красную футболку? Она тебе действительно идет, а когда будешь делать барбекю, тебе в ней будет тепло, - говорит Анна.

Стив стягивает темно-синий свитер. Она открывает окно, чтобы понять, какая температура, и вздыхает. Улыбается. Ах! Как она любит этот вид. Дом стоит почти на вершине брайтонских холмов, и перед ней, как игрушечный городок, раскинулись ряды окрашенных в пастельные тона террас. По сравнению с бесконечно растянувшимся во все стороны Лондоном, этот город имеет отчетливые границы, и вдали, на Южном Даунсе, уходят вниз зелено-бурые поля. Сверху сияет подернутое дымкой голубое небо.

- Похоже, опять будет адская жара.

Анна замолкает, нанося макияж, а потом смотрит на Стива.

У него широкая сильная спина, его кожу покрывает золотистый загар от работы на улице, и когда он лезет в ящик стола, она видит его рельефные мускулы. «Повезло ему, – думает она, – такое красивое тело!»

- Ну, мадам, – оборачивается он к ней, – это вас устраивает?

Алый верх гармонирует с соломенно-светлыми волосами – Стив выглядит наилучшим образом. Анна надела новое платье, купленное специально для этого дня, оно подчеркивает ее фигуру. Они будут красивой парой на юбилее у Саймона.

Ну и что, что она только что покрасила губы, – Анна так гордится Стивом, что просто *должна* сейчас поцеловать его.

* * *

- Нет, это платье не подойдет, – решает Анна и вешает его обратно в шкаф. – Оно слишком летнее, слишком открытое – это будет непочтительно, оскорбит вкус Филлис. И все же быть одетой с головы до ног в черное кажется слишком мрачно для Саймона. А если надеть юбку и свитер с высоким воротником, которые она надевала на неделе вместе с темно-зелеными сапогами и каменными бусами? Ей нравятся эти сапоги, и, по крайней мере, она будет чувствовать себя комфортно – наверняка Саймон бы этого хотел.

Так странно – думать о том, чего бы хотел Саймон, когда его там не будет. Она не может вспомнить, когда последний раз Карен собирала столько гостей без него. Анна слышит его голос, располагающий тон, он смеется над чьей-то глупой шуткой, спорит о политике, со страшным ревом гоняется вокруг дома за детьми...

И снова Анну поражают печальный факт: жизнь несправедлива.

Если она справедлива, то почему Стив живет себе, в ус не дует, почему его наградили такими физическими данными, телом, которое способно переносить бесконечное пренебрежение здоровьем, в то время как Саймон – чьим единственным проступком было чрезмерное усердие на работе и излишние стрессы – был проклят в этом отношении и здоровье подвело его?

Стив на удивление крепок физически, и это подталкивает его на разные злоупотребления – его трудно убедить ограничить пьянки, ведь он так быстро восстанавливается.

Боже, как изменились ее чувства к нему с тех пор, как он готовил то барбекю.

Конечно, она по-прежнему его любит, но уже не боготворит так слепо. Просто не может, потому что, если быть честной с самой собой, – а ей почти всегда это удается, – Стив пьет все больше и больше с тех пор, как поселился у нее, а характер его портится.

Анне вспоминается вечер, когда он впервые встревожил ее. Они только что поужинали, и она попыталась предостеречь его от лишней выпивки: он – они – уже достаточно выпили. Она уж точно.

- Ты не сможешь меня остановить, – провокационно заявил он и проворно схватил свой бокал с кухонного стола.

Его реакция замедлилась, и, наливая вино в бокал, он расплескал вино повсюду, а когда в ярости выхватил бокал у нее, то сломал ножку. Тогда он схватил сломанный бокал, бросил его на пол и растоптал.

- Вот, - прорычал он. - Довольна?

Испуганная тем, что он может вытворить дальше, она убежала к Карен и Саймону, хотя было уже поздно. Они ее утешили и успокоили, но она еще несколько дней ходила потрясенная.

Конечно, потом Стив переживал и клялся, что исправится. В результате оба еще целый месяц не притрагивались к алкоголю - у Анны никогда не было с этим проблемы, но она надеялась, что ее воздержание облегчит задачу ему.

И все же, когда месяц истек, через несколько дней Стив опять взялся за старое.

С тех пор он то и дело срывался, и Анна выслушала бесчисленное число его обещаний употреблять алкоголь умеренно. Но слова его ничего не значили, а смирение оказалось притворным. Он обманывал ее снова и снова, и в итоге замучил совершенно.

А где он теперь? Точно. Валяется внизу.

Она злобно встряхивает юбку.

Черт с ним.

В это утро Стив может выбрать себе одежду сам. А она сбережет силы для Саймона. В конце концов, это его день.

* * *

- Что в нем не так? - Карен поднимает темно-синее бархатное платье.

Молли топает ножкой.

- *Хочу надеть новое платье!*

- Но новое платье не подходит для похорон, - терпеливо объясняет Карен.

Как втолковать дочурке, что пурпурные и розовые цветы не годятся для такой церемонии? Кажется иронией, что Саймон любил это ее новое платье.

- Это платье для Рождества, - убеждает она малышку и, пока Молли не устроила истерику, накидывает ей на голову синее платье. - Вот. - Карен поворачивает ее лицом к себе и одергивает подол. - Ты в нем очень хорошенькая. Теперь можно тебя причесать?

- Не-е-е-е-т! - вопит Молли.

Ее волосы мягкие и тонкие, как сахарная вата, и в них при малейшей возможности образуются спутанные клочки.

- Нельзя идти к папе с такими спутанными волосами.

- Ой!

Карен продолжает, несмотря на протесты Молли.

- Вот и все. - Она целует дочурку в макушку. - Хорошая девочка.

«Который час?» – думает она и смотрит на часы, чтобы понять, сколько у них остается времени.

* * *

– Уже почти девять, – говорит Лу, подходя к краю кровати с двумя чашками. – Ты хотела, чтобы я тебя разбудила.

– Я хотела? – бормочет Вик. Она поворачивается на бок и накрывается одеялом.

– Да. Я принесла тебе чаю. – Лу ставит чашку на столик у кровати. – У тебя сегодня гости.

– Черт бы их побрал. – Вик взмахивает руками над одеялом. – Мой дом рухнул.

– Не может быть! – дразнит ее Лу.

От шума просыпается София.

– Привет... – сквозь сон говорит она и улыбается Лу.

«Она выглядит очаровательно, – думает та, – такая растрепанная и с затуманенными глазами», – но говорит только:

– Чай.

– Спасибо.

София садится и через Вик тянется за чашкой.

Лу садится на край матраса.

– Тебе спешить некуда.

Вик с шумом отхлебывает.

– Я думала, ты едешь к своей маме.

– Еду, но могу подождать до полудня.

– Мне нужно домой, прибраться, – надувает губы Вик. – Зачем ты позволила мне так напиться?

– Я думала, ты этого хочешь, – смеется Лу. Ей всегда нравится шутить с Вик, но сегодня присутствие Софии добавляет особое возбуждение. – А ты как себя чувствуешь? – спрашивает она ее с дрожью в сердце.

Сама она не спит с шести часов, захваченная надеждой и трепетом. Вечером София говорила прекрасные вещи, но, может быть, это лишь следствие выпитого? Лу не уверена, что эта восхитительная девушка захочет снова ее увидеть.

– Хорошо. Немного с похмелья, может быть... но да, в общем, хорошо. – София широко открывает глаза и не отрывает взгляда от Лу. – Это был *восхитительный* вечер.

Это сигнал, конечно, сигнал! Внутренне Лу подпрыгивает от радости.

– Для меня тоже. – Она снова чувствует, что краснеет.

Вик нарочито покашливает.

- Прекрасно, - громко заявляет она. - Я рада за вас, что вы так хорошо провели время. А вот я себя чувствую просто дерьмово.

- Эх ты! - София пихает Вик локтем, едва не расплескав ее чай. - Вот что я тебе скажу. Я сегодня ничем не занята. Могу помочь тебе прибраться в квартире.

- Ты ее видела? - предупреждает Лу.

- Нет...

- Вик не врет, когда называет ее свинарником.

- Не знаю, что ты хочешь сказать, - протестует Вик. - Там несколько бумажек и еще кое-что.

Лу качает головой.

- Это просто мусорная свалка!

- Ничего, - пожимает плечами София. - Я выросла в большой семье, привыкла к беспорядку.

- Я в восторге, что ты поможешь. - Вик целует Софию в щеку.

Лу испытывает укол зависти. Ей хочется остаться с Софией наедине, ей бы хотелось провести с ней день, она бы даже не возражала, если бы им пришлось заняться неприятной работой. Про себя она клянет мать.

Но потом отвлекается.

- Что хотите на завтрак? У меня много чего есть.

* * *

«Интересно, что они поняли, - думает Карен, спускаясь вслед за Люком по лестнице и более осторожно ведя Молли. Они как будто то понимали, то не понимали; то проявляли удивительную сообразительность, то отвлекались на более насущные вопросы, например: «Папа умер, потому что сделал что-то плохое?», или «После этих похорон он вернется?», или душераздирающее «Это я виноват?», и тут же «Там будет торт?» или «Когда мы поедем на блестящей машине?»

Ей приходилось повторять некоторые ответы снова и снова. Дети, кажется, поняли столько, сколько смогли, а потом резко сменили тему.

Но если задуматься: а разве она не делала то же самое? Сосредоточиваясь и отвлекаясь, погружаясь в печаль, а потом вновь выныривая из нее? То ее захватывают мелочи: не заболят ли ноги от стояния на шпильках в церкви? Хватит ли еды? Не испугается ли котенок десятков незнакомых людей, не запереть ли его наверху? А потом она безудержно рыдает, преодолевая боль такую глубокую, что едва может двигаться. А потом был случай с салатной миской, и ее испугала собственная злость.

Но может быть, это разные способы совладать с событиями? Молли и Люк - это детское эхо ее самой, их эмоции ограничены, их реакции проще, но похожи, и если им трудно воспринять, что произошло, то и ей нелегко.

Например, зачем она наряжается? Почему ей не одеться в первое, что попадет под руку, – в спортивный костюм, дырявый свитер, грязные джинсы? Почему она не может остаться лохматой, ненакрашенной? Обезумевшей и убитой горем Карен нет дела до того, как она выглядит. И все же она должна пройти через эту процедуру, держа себя в руках, ей надо навести на себя лоск и привести в порядок детей. Расклеиваться нельзя! О, да, она может поплакать, это позволено, люди даже ждут этого, они будут сочувствовать. А кричать? Выть и швырять посуду, как она сделала вчера? Она представляет шокированные лица гостей, если они увидят, как она кричит и с руганью крушит все, что попадет под руку. Но она же так огорчена, и другие, конечно, должны чувствовать то же.

Может быть, ритуал швыряния тарелок в такой ситуации подходит больше, чем церковь. Тогда все могут выйти и бить посуду о заднюю стену сада.

10 ч. 23 мин.

– Я уйду, – говорит Анна Стиву; ей не терпится уйти, пока она не взорвалась.

– А, да. – Он удивлен. – Я думал, похороны не начнутся до полдвенадцатого.

– Не начнутся. Мне хочется прогуляться. Но тебе надо поторопиться, а то ты не застанешь Карен.

– Конечно, конечно.

– Вообще тебе лучше позвонить ей, уточнить, когда она уходит, если ей придется где-то спрятать ключи.

Вот она снова увещевает его: не напейся он накануне, то не проспал бы сегодня и не был бы таким заторможенным и смурным.

И так плохо, что он не идет с ней на похороны – втайне ее это очень ранило, но если он подведет еще и Карен, она не сможет сдерживать свою злость, а сейчас не время выходить из себя.

– У меня нет ее номера, – осторожно говорит Стив.

– О, Господи! – Анна выхватывает из сумки мобильник. – Я сама ей позвоню. Ты совсем никчемный. – Она направляется к выходу и распахивает дверь.

– Куда ты хочешь, чтобы она положила ключи? – съездившись, спрашивает Стив.

– Понятия не имею. Под горшок или куда-нибудь еще. Подумай! – Она спохватывается: для Карен действительно важно, чтобы Стив смог выполнить свое обещание и позаботиться о еде. Анна нажимает кнопку быстрого вызова и, пока ждет ответа Карен, говорит: – Ей сейчас совсем не время думать о том, где оставить тебе ключи.

– Мне очень жаль.

– Врешь! – не выдерживает она. – Если бы было жаль, ты бы перестал все время пить!

– Я не могу бросить, – тихо говорит он.

* * *

- Наверное, нам лучше уйти поскорее, - говорит Вик.

- Так рано? - разочарованно спрашивает Лу: у нее еще больше часа, прежде чем ехать к матери.

- У меня куча дел, - вздыхает Вик. - И дело не только в том, что в квартире свалка; мне нужно принести бухла и жратвы.

- Да. - Лу ничего не может поделать, но немного обижена, что неорганизованность Вик сокращает время ее общения с Софией. Да и присутствие Вик сейчас ей очень мешает. Как они с Софией договорятся о новой встрече или обменяются номерами, когда Вик здесь сидит? Вик ее самая давняя подруга, но Лу все же стесняется ее.

И тут Вик демонстрирует истинное понимание.

- Я выйду на террасу на крыше, мне нужно сделать пару звонков, прежде чем уйти, - говорит она.

Лу хочется ее обнять. «Вот почему она моя подруга», - напоминает она себе. При всей своей взбалмошности, эгоцентризме и бестактности, Вик держит в сердце ее главные интересы, ее счастье.

* * *

«Господи Иисусе, кто еще мне звонит?» - думает Карен, хватая телефон. О, это Анна.

- Извини, - без предисловий начинает та, - я вдруг подумала: ты, наверное, уже выходишь, так что Стиву нужно, чтобы ты оставила ключи.

- Хорошо, - говорит Карен, спохватываясь.

Она не подумала об этом - думала, он придет с минуты на минуту. «Глупо с моей стороны», - думает она. Когда это на Стива можно было положиться?

Однако нет времени выразить свое отчаяние, и все равно это не главная ее печаль. Ей очень трудно удерживать Молли и Люка на месте - оба елозят, им нужно куда-то идти и что-то делать, а не сидеть и смотреть телевизор, чем она попыталась их занять. И вот-вот должна приехать мать - она позвонила и сказала, что быстро прошла таможню и сначала заедет домой, чтобы бросить вещи.

- Я положу их под самшитом у двери, - говорит Карен.

- Отлично, спасибо. - Следует небольшая пауза. - Как ты?

- Схожу с ума.

- Нужно от меня что-нибудь?

Карен на секунду задумывается. И вдруг чувствует прилив благодарности. Она бы не перенесла всей этой недели без своей подруги, но почти не задумывалась о том, что Анна тоже потеряла дорогого для нее человека. Наверняка от Стива не было и не будет большой поддержки. Анна будет в основном переживать свое горе одна. Голос Карен смягчается:

- Нет, нет, ничего. Увидимся в церкви. Но большое спасибо, что спросила.

* * *

Только Вик открыла дверь на террасу на крыше, как София спрашивает:

- Ты занята на следующей неделе?
- Очень. Хотя, думаю, могу освободиться на пару вечеров. А что?
- Тогда, может быть, сходим куда-нибудь? – без обиняков предлагает София.

Лу кивает:

- Это было бы хорошо. Я работаю с понедельника по четверг в городе, если тебе удобнее встретиться там.
- Как насчет четверга? Тогда тебе не придется беспокоиться, что на следующий день рано вставать.

«Тоже мне, забота!» – думает Лу. Или София очень внимательна, или планирует задержаться допоздна. И то, и другое хорошо, хотя предпочтительнее второе. Сама эта мысль вызывает возбуждение, и Лу краснеет. Ей не верится, как быстро они поладили.

- А как насчет того, чтобы зайти на ужин? – спрашивает София, словно почувствовав желание Лу найти местечко, где легко поддаться обольщению. – Я приготовлю что-нибудь для тебя.
- Это было бы восхитительно, – отвечает Лу. Внутренне она кувыркается, ходит колесом и делает сальто одновременно.
- У тебя есть электронная почта? Я пришлю тебе свой адрес.
- Конечно. Подожди минутку – я дам тебе свою визитку.

Это тоже хорошо: может быть, до четверга они смогут общаться виртуально.

Она ищет свой кошелек, когда возвращается Вик.

- Я закончила. Ну, София, пожалуй, нам пора отправляться.

Через пять минут Лу заранее поздравляет Вик с завтрашним днем рождения, и они уходят. Сначала Лу в каком-то тумане, София произвела на нее просто неотразимое впечатление. Она какое-то время радуется, а потом вспоминает с внезапным чувством вины: Анна. Пожалуй, сейчас удобно позвонить.

- Привет, – отвечает Анна. – Спасибо, что позвонили.
- Не стоит благодарности.
- Извините, что в такой поздний час послала сообщение. Надеюсь, не потревожила.
- Вовсе нет, я была в пабе и не слышала. Все в порядке?
- Ну... – фыркает Анна. – Я бы не сказала. Сейчас иду на похороны Саймона.
- Боже, простите. – Лу стремительно возвращается на землю – как она могла забыть? –

Перезвонить позже?

- На самом деле сейчас довольно удобно поговорить. Я иду пешком в церковь и у меня есть время. Иначе мне не удастся с вами поговорить, в лучшем случае, до завтра, а мне нужен ваш совет, м-м-м, поскорее.

- Конечно. Чем могу помочь?

Анна глубоко вздыхает.

- Это касается... м-м-м... моего бойфренда, Стива.

Лу так и подозревала: у нее было очень сильное ощущение, что Анна чего-то недоговаривает, а это для нее очень важно.

- Что с ним?

- Он много пьет.

Лу ждет.

- На самом деле не просто много. Думаю, он алкоголик.

- Ааа. - У Лу выпрыгивает сердце. Если в своей работе она встречалась с практически непреодолимыми проблемами, то, похоже, это была алкогольная зависимость. Разве трагедия с Джимом не лишнее тому доказательство? А близкие алкоголиков неизбежно получают главный удар. Но если сказать об этом Анне, это ей не поможет, и потому Лу спрашивает:

- Он сейчас не с вами?

- Нет. Он предложил свою помощь в готовке, поэтому отправится прямо к Карен домой. Его не будет на похоронах.

«Это кажется эмоциональным увеличением, - думает Лу, - это типично для поведения людей, имеющих зависимость». Но она оставляет это мнение при себе.

* * *

Звонок в дверь. Карен бежит открывать.

- Дорогая! - говорит мать, раскрывая объятия. - Моя бедная девочка...

- Привет, мама. - Карен коротко обнимает ее и отстраняется, вспомнив о ключах. - Погоди... - Она берет со стола в прихожей запасные ключи и кладет их под горшок у двери. - Извини, я просто боялась забыть.

- Ничего. - Мать сжимает ей руку. - Постой. - Она отступает, чтобы посмотреть на нее.

Карен выдыхает, в изнеможении закрывает глаза и прислоняется к стене, чтобы не упасть.

- Подойди снова, - велит мать и прижимает Карен к себе. Точно так же ее обнимал Стив, и от физического контакта Карен снова плачет. Однако объятия матери ощущаются по-другому - они совсем не напоминают о Саймоне, а вызывают отголоски далекого прошлого. Она вдыхает знакомый материнский запах - мать душит Рив Гош [25] с тех пор, как Карен

была еще маленькой – и ощущает ладонями мягкую ткань ее кардигана из шерсти ягненка. Он как будто утешает. Их отношения с матерью изменились за последние годы, мама теперь нуждается в уходе, она двигается медленнее, чем раньше, как-то сжалась – и все же это по-прежнему ее мать, ее нерушимая скала.

Впервые после смерти Саймона Карен чувствует себя защищенной.

* * *

– Не знаю, что делать, – признается Анна. – Я все перепробовала.

– Это не вам нужно что-то делать, – осторожно замечает Лу.

– Что вы хотите сказать?

– Если он много пьет, то это его проблема, а не ваша.

– Это понятно, но...

Лу перебивает ее.

– Надеюсь, вы не возражаете, если я буду с вами честной, но я работала с несколькими алкоголиками, поэтому имею представление, через что вам, возможно, придется пройти.

– Я так и думала, что у вас, может быть, есть опыт, потому и решила поговорить.

– Вам, наверное, кажется, что вы сможете его вылечить...

– Да.

– Боюсь, это невозможно.

– Вот как?

– Он должен сделать это сам.

Анна молчит. Голова кажется такой тяжелой, что она едва может ясно мыслить. Менее чем через час начнутся похороны Саймона, и хотя она сказала, что сейчас подходящее время, тема слишком сложна, чтобы обсуждать ее в данный момент. Она чувствует, как ее сознание захлопывается, оставляя все эмоции снаружи. Даже ноги шагают как будто отдельно от нее, они где-то далеко внизу. Она словно в тумане, все как будто окутано дымкой.

– Пожалуй, вы правы, – говорит Анна, но ее собственный голос кажется ей далеким, как будто говорит кто-то другой. И вдруг: – Ой, прошу прощения, подождите... – Она спешит к водосточной канаве.

И ее выворачивает.

Это в основном кофе, она почти ничего не ела. Ей жарко, выступает липкий пот, ее трясет.

Через несколько секунд до нее доносится приглушенный голос:

– Анна? Анна?

Это Лу, она все еще на связи.

Дрожащими руками Анна подбирает с тротуара свой телефон.

- Да, да, извините.

- Я думаю, вам надо где-то посидеть.

- Да, конечно. - Анна присаживается на низкую садовую ограду рядом. - Нашла где сесть.

- Вы в порядке?

Она про себя усмехается.

- Угу, думаю, да.

- Вас только что стошнило?

- Угу.

- Это плохо, - говорит Лу. - Хотите встретиться?

- О, нет, не беспокойтесь.

- Это ничего - я могу приехать. Я еду к маме, но могу немного опоздать. И я не задержусь, только посмотрю, что вы в порядке...

- Честно, не надо, я не могу об этом вас просить.

- Можете. - Лу не дает ей возразить: - Я еду. Я пойду с вами на похороны. Думаю, вам нужна хоть какая-то поддержка.

- Нет, нет, это невозможно.

- Возможно. О вас некому позаботиться. А вам это необходимо. Дайте мне несколько минут. Я только соберусь. Потом возьму такси и приеду к вам. Я могу отсюда доехать до Герфордшира. Это в самом деле не представляет никакой проблемы. М-м-м... - Анна слышит, что она задумалась. - В общем, мне все равно хочется прийти на похороны. Почтить память. Как бы то ни было, но я чувствую, что тоже немного знала Саймона.

Анне немного легче от этих слов: может быть, она не так уж нагружает Лу.

- Если вы уверены...

Но Лу уже все решила.

- Вы где?

- Сажу на ограде. - Анна беспомощно озирается. Вдоль улицы растут деревья, в отдалении от тротуара дома тридцатых годов с густыми палисадниками, она перед чьим-то участком. Таблички с названием улицы нигде не видно. У нее такое чувство, которое она испытала однажды, когда она потеряла родителей на каком-то деревенском празднике: смесь паники, страха и беспомощности. Ее голос дрожит.

- Не знаю названия улицы.
- Ладно... Никуда не уходите, но посмотрите, не увидите ли какого-нибудь ориентира.

Анна смотрит на деревья на другой стороне улицы.

- Ах, да, рядом парк между Даелсом и пляжем. Отсюда виден пляж. Могу вас встретить здесь.
- Я поняла, где вы. А где будут похороны, во сколько?
- В церкви за углом отсюда, в полдвенадцатого.
- Хорошо, у нас еще три четверти часа. Что вас заставило так рано выйти? Это же не так далеко от вас.
- Мне не хотелось оставаться со Стивом.
- Понятно. Ну, так даже лучше, - вам не надо спешить. Не торопитесь.
- Спасибо, - говорит Анна.

Туман рассеивается - не совсем, но слегка, так что она может идти. Поняв, что ей помогут, Анна испытывает крайнюю благодарность. Хотя и смутно, но она понимает, почему Лу такой хороший консультант.

- Я прошла в парк.
- Оставайтесь на связи. Я не хочу, чтобы вы упали. О чем будем разговаривать? - легким тоном говорит Лу.

вернуться

25

Так в оригинале. (Прим. ред.)

- Не знаю. - Анна не чувствует в себе сил на какую-либо инициативу.
- Тогда я буду просто говорить. Это не очень увлекательно, потому что вам придется слушать меня, а я буду рассказывать, что беру с собой, но оставайтесь на связи. - Она начинает: - Зубная щетка, зубная паста, гель для душа, расческа...

И хотя Анна не вникает в то, о чем говорит Лу, - у нее в голове нет места для информации, - но сама обыденность произносимых слов успокаивает ее, дает ясное чувство утешения.

10 ч. 54 мин.

«Какая беда - иметь бойфренда, с которым так трудно», - думает Лу, пока такси пробирается сквозь центр Брайтона.

Рядом с ней лежит наспех собранная сумка. Она смотрится в зеркало водителя - немного взъерошена, но могло быть хуже, учитывая, во сколько легла, и нынешнюю спешку. Да, что

дальше? Лучше предупредить маму, что ее планы изменились.

- Привет, мама. - Она пытается говорить уверенно.

- Здравствуй, дорогая. Ты уже выехала?

- Вроде того. Я прошу прощения, но боюсь, что немного опоздаю.

- Ох!

Эта тяжелая пауза означает: *опять*. Мать раздражена. И все же Лу не собирается поддаваться чувству вины - будь она проклята, если поддастся. Она действительно нужна Анне, и мать, конечно, должна это понять. Но, как это часто бывает, обиженный тон матери заставляет ее оправдываться, смягчать слова и объясняться.

- Я еду на похороны, - прямо заявляет она.

- На похороны?

- Это долго объяснять, расскажу, когда увидимся.

- Кто умер?

- Я его не очень хорошо знала, мы встретились в поезде.

- Что?

- Мама, я действительно не могу сейчас тебе объяснить. Это случилось на этой неделе.

- Ла-а-адно. - Лу слышит в голосе матери замешательство - и, пожалуй, недоверие. «Как она смеет! - кипятится Лу. - Почему не может просто поверить? Понять, что я бы не стала задерживаться без серьезных причин?»

- Слушай. Мне очень жаль. Я знаю, для тебя важно, чтобы я приехала. Я приеду, как только смогу. Похороны через полчаса, я побуду там, а потом сажусь на поезд. Обещаю, надолго не задержусь. Опоздаю всего на пару часов. Вот и все. Хорошо?

- Ну, ладно, - говорит мать. Лу понимает, что она едва сдерживается, но ей все равно.

- Хорошо. Увидимся. - И чтобы продемонстрировать свое раздражение, Лу прерывает связь, не попрощавшись.

* * *

Анна садится и пододвигает под себя ноги, пытаясь успокоиться.

Довольно тепло для февраля, и туман, похоже, рассеивается - непонятно, то ли в самом деле, то ли ей так кажется. Ее окружают крокусы - желтые и розовато-лиловые пятна виднеются среди клочковатой травы, их головки-раструбы оптимистично тянутся к небу и издают легкий аромат - Анна не думала, что они могут пахнуть, но в таком количестве аромат явно различим, сладкий, медовый и - какой еще? Вот какой - шафранный.

Уже пришла весна. Через несколько дней после смерти Саймона зима закончилась.

А вот подъезжает такси, оно медленно движется по дороге, и водитель, наверное, высматривает ее.

Анна встает и машет рукой.

- Сядьте, - велит ей Лу, как только расплачивается с водителем. Она роется в рюкзачке. - Вот, я принесла воды.

- Спасибо.

Они сидят на скамейке молча и по очереди отпивают из бутылки. Их молчание позволяет слышать звуки, которые действуют успокаивающе - как кричат дети, поют птицы, лают собаки, а хозяева подзывают их.

- Как здесь хорошо... - через некоторое время произносит Лу. - Я и не знала про этот парк. Это далеко от Кемптауна, и у меня не было повода зайти сюда.

- Это мое любимое место, - говорит Анна. - Здесь столько всего разного. Там растут розы, - она указывает в одну сторону, - и большая лужайка, где приятно загорать. А на холме растут деревья, и там гуляют люди с собаками. Вся эта листва, по которой можно бегать, гоняться за белками... А дальше уютный волшебный закрытый садик с голубятней и гигантским деревом - там, в тени, проводятся занятия по йоге. А дальше, видите, неплохая детская площадка. Карен и Саймон водят туда Молли и Люка. - Она вздрагивает. - То есть водили. - Она вздыхает. - Я уверена, Карен и дальше будет водить их, но...

Лу касается ее руки.

- Ничего. Я понимаю, что вы хотели сказать.

Оттуда, где они сидят, видно детей постарше, которые скатывают вниз с холма огромное колесо. А дети поменьше кружатся на карусели и кричат:

- Давай, давай! Быстрее! БЫСТРЕЕ!

Один из них стоит на четвереньках, задрал голову к небу, его волосы развиваются, руки сжимают металлический поручень, он в восторге; другие сидят более спокойно. На земле, толкая поручни справа налево, справа налево, справа налево, послушно раскручивают карусель их родители.

Через какое-то время Анна говорит:

- Большое вам спасибо за то, что вы приехали. Знаете, я правда очень вам благодарна.

- Мне самой приятно, - отвечает Лу.

Их слова кажутся странными, но Анна понимает, что имеет в виду Лу. Для чего мы живем, если не ради таких моментов?

- Вам уже лучше, можете идти? - спрашивает Лу.

Анна глубоко вздыхает и встает.

- Да, - кивает она. - Могу. Лучше уже не будет.

* * *

В церкви уже полно народу. Это большое помещение, не особенно привлекательное, с кремовыми стенами и рядами полированных деревянных скамей. С обеих сторон от них поднимаются незатейливые витражи, а воздух здесь на несколько градусов холоднее, чем снаружи.

Анна идет по центральному проходу.

- Ничего, если я сяду здесь? – спрашивает Лу. – Может быть, другие захотят сесть поближе.

- Конечно, – уверенно отвечает Анна, – Не будем садиться на первые ряды, сядем подальше, – и проскальзывает на скамью.

«Интересно, почему Карен выбрала эту церковь? – размышляет Лу. – Наверняка рядом есть более приятные храмы», – но она не озвучивает свои размышления, а тихонько спрашивает:

- Саймон регулярно ходил в церковь?

Анна качает головой:

- Не сказала бы. – Расправив сзади юбку, она садится и раскрывает руководство по службе, потом наклоняется к Лу и шепчет: – Думаю, что все имеют право на похороны в своей приходской церкви, даже если не ходили на службу.

- Я не знала этого.

- Я тоже. Саймон иногда ходил сюда, но не слишком часто – обычно на Рождество и иногда на Пасху.

Лу думает о Саймоне, человеке, с которым не была знакома. Его тело лежит в нескольких футах от нее – там стоит гроб, накрытый белой материей и украшенный простым букетом лилий.

За спиной продолжают идти люди, Лу удивляется: их так много! Может быть, вот почему Карен выбрала эту церковь – она большая. Приходят люди всех возрастов, некоторые в черном, другие – нет, большинство, – в строгих выходных нарядах. Лу вспоминает, что сама она одета довольно небрежно – парка, джинсы, – у нее не было времени переодеться. Она надеется, что никто не обратит внимания и не подумает, что это неприлично.

Появляется Карен, по-видимому, с Молли и Люком – Лу раньше не видела их. Люк, как она сразу замечает, – точная копия Карен, у него густые каштановые волосы и нежные заостренные черты лица. Лу задумывается, похожа ли Молли со своими светлыми локонами и розовыми щечками на Саймона в детстве. «Бедные малыши, – думает она. – Потерять отца в таком возрасте!»

Они садятся на первый ряд. Карен, обернувшись, улыбается Анне и видит рядом с ней Лу.

- Спасибо, что пришли, – говорит она.

Лу видит, что она сделала над собой усилие – ее волосы чистые и блестят, она подкрасилась и надела элегантное темно-серое платье. Но в то же время у нее такой вид, будто она несколько суток не спала, глаза красные – наверное, она совсем недавно плакала.

И тут, неизвестно почему, Лу вспоминает о Джиме, и она задумывается, отпевали ли его в церкви? Это печально, что Саймон умер и столько людей о нем горюют, но, пожалуй, еще трагичнее покинуть этот мир, не оставив никого, кто будет горевать по тебе.

* * *

Через несколько минут начинается служба.

Вперед выходит викарий и произносит приветственные слова. Он читает «Господь мой пастырь», как и просила Карен, а потом произносит несколько молитв. Слышится шорох бумаги, когда прихожане достают тексты, а потом почти единогласно звучит «аминь!».

Карен держится. Она глотает слезы, все кажется чрезмерным, и все же ей хочется прочувствовать это, каждую драгоценную минуту, не плача. Она также помнит, что рядом Молли и Люк, и не хочет, чтобы они нарушали порядок, хотя пока что они ведут себя на удивление хорошо.

Викарий кивает ей. Наступает ее момент.

Карен встает и поднимается на кафедру. Слышно, как стучат ее каблуки по каменным плитам, и дети смотрят на нее широко раскрытыми глазами.

В руках у нее два сложенных вчетверо листа формата А4. Он разворачивает их и наклоняется к микрофону.

- Сначала я ничего не хотела говорить, - признается Карен.

Ее голос разносится под высокими сводами, и это ее смущает. Она немножко пятится назад, стараясь, чтобы ее голос звучал потише.

- А потом подумала, что нельзя так, что, может быть, буду жалеть об этом всю мою оставшуюся жизнь.

Она видит ряды знакомых лиц, все на нее смотрят. На каждом лице явно выражаются чувства беспокойства и ожидания, люди хотят, чтобы она пояснила, что хочет сказать. Она видит усталость, замешательство, десятки вопросов «почему?». Но больше всего она видит скорбь по человеку, которого и они потеряли. Она никогда не встречалась раньше с таким горем. Это душит ее, несколько секунд она не может говорить. Но нужно. Она *должна*. Карен глотает слезы.

- И вот я подумала, что расскажу вам, что я любила в Саймоне. И начала составлять список. - Она смотрит на лист и читает: - Его густые блестящие волосы. - Она улыбается и смотрит на Алана. - Знаю, это смешно, что я поместила это в самое начало, но это первое, что мне вспомнилось. Для тех из вас, кто не знал: Саймон очень гордился своими волосами.

Алан проводит рукой по лысеющей голове; его жена кладет голову ему на плечо и пожимает руку.

- Список продолжается. Его смех. Его чувство юмора. Его отцовские способности... Потом я подумала, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой; это не объясняет всего, кем Саймон был. Вы ведь не хотите слушать только перечень его лучших качеств, верно? Он состоял не только из них. Он не был совершенен. Совсем нет.

Она слышит смешки.

- И тогда я стала записывать его недостатки и, пока писала, поняла, что их-то я и любила в Саймоне больше всего, даже, может быть, больше, чем достоинства. Его недостатки и делали его тем, кем он был. Мой муж добрый, щедрый, смешной, общительный, восхитительный человек, - она кашляет и добавляет: - *Был.* - Потом берет второй лист.

- Вот. Я любила, что он всегда и всюду опаздывал. Не совсем опаздывал, а чуть-чуть, но всегда. Но он действительно клял себя за это, постоянно ругал себя, хотя в действительности умел ценить. То есть да, он часто опаздывал минут на десять, а то и на двадцать, но редко больше, не то что некоторые, которые заставляют вас ждать часами или отменяют встречу в последнюю минуту. Нет, на него можно было положиться, ты всегда знал, что он придет - он просто всегда заканчивал работу на несколько минут позже остальных. Поэтому, пожив с ним, я вскоре научилась делать поправку: добавлять четверть часа к назначенному времени. Видит Бог, он не догадывался сделать это сам и просто говорил, что на несколько минут опоздает, но - что ж, - она пожимает плечами, - не догадывался...

Молли и Люк улыбаются и согласно кивают.

- Еще одно, - продолжает она без остановки. - Он баловал детей.

Карен видит, что ее мать сияет.

- Когда дело касалось Молли и Люка, он превращался в пластилин, они делали с ним, что хотели. Он не устанавливал границ. Он давал им добавку, когда я хотела оставить еду на следующий день, он разрешал им уходить из-за стола, когда я хотела научить их доедать все, а когда шел с ними в магазин, то возвращался с кучей вещей, которые они уговорили его купить. Из-за этого наш дом уже не вмещает всякой всячины. И, признаю, это выводило меня из себя. Я представлялась большим злым волком, который требовал дисциплины. Я редко покупала детям подарки просто так, потому что Саймон делал это слишком часто. Но потом я поняла, как мне повезло. Родители не бывают совершенны, и к недостаткам Саймона можно причислить то, что он позволял Молли и Люку очень многое, потому что любил их. А разве не лучше, когда отец слишком любит детей, чем когда любит их недостаточно? Они абсолютно обожали его. - Карен смотрит на Молли и Люка и снова задумывается: поняли они хоть что-то из сказанного ею?

Они смотрят на нее снизу вверх, широко раскрыв глаза. Карен удивлена, она думала, что они будут отвлекаться. Но они ведут себя не так, как обычно в церкви. Филлис наклоняется, чтобы по очереди обнять детей.

- И это подводит меня к следующему недостатку Саймона. Он слишком усердно работал, по крайней мере, усерднее, чем следовало, и это не шло ему на пользу. Скажем честно: эти ежедневные поездки, стресс, часы, проведенные в поезде, не улучшали его здоровье. Но он любил свою работу. - Теперь она смотрит на его коллег и высматривает их группку в задних рядах. - Он никогда не был так счастлив, как когда планировал какой-нибудь новый ландшафтный дизайн. Во всех подробностях, учитывая малейшие возможности для растений. Хотя не это составляло его работу - главное, он любил людей, с которыми работал; он сам часто говорил об этом. Он даже - какой подхалим! - любил Чарльза, своего начальника. - Карен смеется и кивает в сторону Чарльза, который немного смущен. - Это правда, что он подумывал сменить работу, чтобы проводить больше времени с нами, и чтобы не приходилось каждый день ездить в город - может быть, вы этого не знали. Но, как бы то ни было, он планировал продолжать то же дело, открыв собственную практику, - он был полностью,

на сто процентов предан своей профессии. Работать с такой отдачей было его выбором, никто его не заставлял так поступать. Он был просто очень добросовестным и хотел сделать все как можно лучше и сделать все самое лучшее для нас, его семьи.

Она снова бросает взгляд на детей. Теперь Молли ушла в собственный мир и беспорядочно болтает ногами в абстрактном ритме. Но Люк по-прежнему недоуменно смотрит на мать, словно пытаясь понять, что она говорит, и, кажется, что-то понимает. Он держит на руке Синего крокодила, как будто игрушка тоже слушает.

- Боже! - Карен смотрит в бумаги. - Всего лишь третий недостаток. Я постараюсь побыстрее. Его вес - это, конечно, тоже не достоинство. По сути, за здоровьем он не следил, как мог бы. Что ж... он определенно расплатился за это. - Она закусывает губу, чтобы снова сдержать слезы. - Но опять же, были недостатки, которые я любила: для начала, его аппетит - как он любил поесть, как наслаждался едой. И мне нравились его габариты, мне было так уютно с ним...

Она задерживает дыхание, чтобы не сорвался голос.

- Что еще? Гм, да, его неопрятность. Он был не очень опрятным, мой Саймон - сколько сил мне стоило убирать за ним. Я не переставала удивляться этому, учитывая его аккуратные архитектурные чертежи. - Она горестно улыбается и переходит к его литературным вкусам. - Иногда они были ужасные. Его слабостью были бестселлеры. Он проглатывал их в поезде, по одному, а то и по два в неделю. Например, ту ужасную книгу про код да Винчи [26]. Вы знаете ее - она вышла несколько лет назад. Извините, если кому-то она понравилась. Хотя вы, наверное, оказались в хорошей компании, потому что Саймон абсолютно бредил ею и, к моему смущению, рекомендовал ее всем подряд. Например, Анне. Она копирайтер, если вы не знали. - Карен улыбается подруге, которая качает головой при воспоминании об этом.

- Она не была *так* уж плоха, - бормочет Анна.

- Ты сама сказала, что это хлам! - говорит Карен, и в церковном пространстве слышится смех. - Думаю, так и есть. Я тут записала кое-что еще, вы можете посмотреть потом, если захотите, когда мы придем домой. Спасибо, викарий. - Она спускается с кафедры и возвращается на скамью, не забыв взять с собой сложенные листы, до конца соблюдая аккуратность.

вернуться

26

«Код да Винчи» (англ. «The Da Vinci Code») - культовый роман, написанный американским писателем и журналистом Дэном Брауном, изданный в апреле 2003 г. (Прим. ред.)

12 ч. 39 мин.

Анна первая приходит в дом Карен. Ей хочется удостовериться, что Стив выполнил свое обещание, и когда Карен попросила ее пойти вперед и встретить гостей, пока близкие члены семьи будут на кладбище, она с благодарностью воспользовалась этим поводом. Она также взяла с собой Молли и Люка; Люк закапризничал после службы и захотел домой, так что Анна вызвалась отвести его, а потом и Молли захотела домой. Они вели себя очень хорошо, и Карен решила, что на кладбище им присутствовать не обязательно. Анна втайне обрадовалась,

что не пошла на «возвращение праха в землю».

Стив открывает дверь, и Анна тут же понимает, что он в нормальном состоянии. Снова он опрятен и представителен, от стряпни исходит аппетитный аромат, и снова она испытывает облегчение. Но она устала от таких танцев: шаг вперед, два шага назад.

Стив хочет обнять ее, но она отстраняется.

- Ну, иди ко мне, - просит он, и она отпускает детей, после чего позволяет себя обнять.

Однако через несколько секунд ощущает удушье: от грубой шерсти его свитера ей жарко, и он колет ей щеку; объятия Стива похожи на заключение, а не на утешение, и она высвобождается из них.

- Извини, - говорит она, - мне сейчас не до этого.

Он беспомощно опускает руки.

- Ладно. - Но по тому, как Стив топает по прихожей, Карен понимает, что обидела его. Однако даже это вызывает в ней враждебность: по сравнению со Стивом Лу была так великодушна в своей поддержке, она просто давала, ничего не прося взамен. А когда траурная церемония закончилась, тихонько улизнула на вокзал.

«Ей, наверное, проще, - оправдывает Стива Анна. - Она не связана со мной, она не мой партнер, она, по сути, не знакома с Саймоном».

Тишина.

Анна идет за Стивом в кухню, ведя с собой Люка и Молли.

- Пахнет прекрасно, дорогой, - бодро говорит она. - Ты хорошо поработал.

И тут видит, чем он занят. Сначала она не поверила, но нет - у него штопор, бокалы.

Ей не верится.

- Ты ведь не пьешь, нет?

- Конечно, я собираюсь выпить, - отвечает Стив так же удивленно, как и она.

- Это же похороны, - бормочет Анна, стараясь не повышать голос, чтобы Молли и Люк их не услышали.

- Гости захотят вина, - настаивает Стив.

- Да, наверное, но не сразу, как только войдут в дверь.

Как только она произнесла эти слова, в дверях появляются гости.

- Бокал вина? - искушает Стив.

- М-м-м, да, пожалуй, почему бы и нет? - говорит первый вошедший.

Это Чарльз, он кажется застигнутым врасплох этим вопросом, но тем не менее доволен таким

предложением.

Стив саркастически ухмыляется, глядя на Анну.

Она ошеломлена его нахальством.

- Еще нет и часу дня, - ворчит она, прищурившись, а он протягивает бокал Чарльзу и наливает второй себе.

- Я бы предпочел чашку чаю, - просит один из соседей Карен и Саймона.

- Конечно, - говорит Анна, - позвольте вам заварить, - и, сжав губы, отпихивает локтем Стива, чтобы взять чайник, но потом передумывает: - А почему бы тебе не сделать это, *дорогой*? а я спрошу детей, не хотят ли они поесть. Они обычно рано обедают... она наклоняется, чтобы огладить их по голове, - правда, мои милые?

* * *

Знак в конце вагона показывает, что туалет занят, но Лу хочется быть первой в очереди - может быть, из-за воды, выпитой в парке. Она идет в том же направлении, куда движется поезд, судорожно хватаясь за ручки на спинках по обе стороны от прохода, чтобы не потерять равновесия в мотающемся туда-сюда вагоне.

В ожидании она стоит в переходе между вагонами. Поезд неожиданно дергается, и Лу на мгновение теряет опору, пошатывается и хватается за ручку автоматического открывания дверей. Наконец, черные буквы на замке переворачиваются на «свободно», и из туалета выходит женщина с мальчиком. «Извините», - шепчет женщина, ведя ребенка впереди себя, положив руку ему на голову. Лу сочувственно улыбается.

Она входит в кабинку с трепетом: они бывают страшные, эти туалеты в поезде. Потом, пытаясь совладать с неисправной сушилкой для рук, она надеется, что мать оценит ее страдания. Лу все равно проводит большую часть своей жизни в поездах, и в субботу ей меньше всего хочется трястись в поезде. А сегодня она еще и пропускает день рождения Вик, и не может провести время с Софией.

Мать досаждала ей в самое неподходящее время, и Лу не уверена, что у нее хватит терпения общаться с ней. Последние двадцать четыре часа она была страшно занята, а прошедшая неделя оказалась совершенно изматывающей, и Лу устала физически и морально. Не много нужно, чтобы вывести ее из себя, но она наперед знает, что матери будет трудно понять, зачем она пошла на похороны Саймона. Но если она захочет, чтобы Лу начала оправдываться, то это окончательно выведет ее из себя.

Но это еще что. Она уж точно не сможет объяснить матери, что накануне встретила потенциальную любовницу, они засиделись с ней допоздна, и поэтому она очень устала.

И снова Лу задумывается, сколько еще сможет жить во лжи. Солгала раз, недавно еще раз, - со все возрастающим злобным отчаянием думает она. Так жить не правильно.

* * *

- Не бери в голову, - говорит Карен, отмахиваясь от ее извинений. - Я бы, наверное, и сама предложила вина в свое время.

- Он откупорил шесть бутылок! - шипит Анна.

Кухня полна гостей, Анна наблюдает, как Стив выставляет бокал за бокалом, причем наполняет их почти до краев - а потом доликает себе до того же уровня.

- Ничего, - повторяет Карен, - он помогает людям расслабиться. Не бери в голову, честно.

Но Анна встревожена. Карен не может понять, что щедрость Стива прежде всего обусловлена тем, что ему самому хочется выпить. Неимоверным усилием Анна пытается переключить внимание на что-то другое, но все-таки наблюдая при этом за Карен, но это невероятно трудно, когда всю ее душевную энергию отнимает Стив. Если бы жизнь с ним не была похожа на такие эмоциональные качели, когда ты то наполняешься гордостью, то вдруг съеживаешься от тревоги!

Нужно во что бы то ни стало на какое-то время выбросить его из головы. Анна хватается бумажную тарелку, набирает в нее еды и протискивается в гостиную.

* * *

- Привет, Лола.

Лола - это семилетняя дочка Трейси. Карен чуть приседает, чтобы поговорить с ней. - Ты знаешь, кто там, наверху?

Лола качает головой.

- Котенок.

Лола разевает рот.

- Его зовут Тоби. Хочешь вместе с Молли и ее друзьями познакомиться с ним? Только важно, чтобы вас не было слишком много: учти, он еще очень маленький.

- А можно?

Карен кивает. Лола благоразумная девочка, а поскольку Трейси работает няней, привыкла быть с маленькими детьми, - ей, похоже, нравится чувствовать свое естественное превосходство.

- КТО ХОЧЕТ ПОЙТИ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С КОТЕНКОМ? - кричит она теперь из дверей в кухню, и через несколько секунд стайка малышей тянется за ней в спальню Молли и Люка. Только они скрылись с глаз, Карен слышит, как Лола учит их:

- Нужно обращаться с ним очень ласково.

- Не выпускайте котенка из комнаты! - кричит вслед дочери Трейси и обращается к Карен: - С ним ничего не случится?

- Он привык к Молли и Люку, - отвечает та и снова смотрит, что с сыном. Он кажется вполне довольным и у задней стены сада пытается забить гол вместе со своим другом Остином; дядя Алан стоит на воротах. Их патио вряд ли рассчитано на такие упражнения, и Карен даже встревожилась за окна в кухне, но, конечно, Судьба в долгу перед ней за события прошедшей недели. Гораздо важнее, чтобы дети развлеклись, она не хочет, чтобы они запомнили похороны отца как совершенно мрачное мероприятие.

- Ну, как дела? - спрашивает Трейси и сразу же поправляется: - Пожалуй, неуместный вопрос.

- Нет, ничего, - улыбается Карен, чтобы показать, что не смущена. - Если совсем честно, то за последние пару дней у меня не было ни минуты свободной. Организация всего этого занимает столько времени! Мне непрестанно звонили, или я кому-то звонила, и к тому же постоянно кто-то приходил. Со мной была мать Саймона Филлис, или Алан, или Франсуаза. Вчера приходили Стив и Анна, они помогали готовить, теперь приехала мама... Когда все это закончится, я полагаю, тогда я все и осознаю. - Она замолкает. - Хотя, по правде сказать, меня страшно пугает, что такое время вот-вот наступит.

- Представляю.

- Я еще многое не обдумала. - Карен кажется, что легче говорить об этом с Трейси, возможно, потому что их отношения всегда фокусировались на детях, и Трейси плохо знала Саймона, а потому у Карен нет чувства, что она старается быть с ней осторожной.

- Могу себе представить, что на вас свалится потом, когда подумаете, что же делать дальше.

- Именно, - вздыхает Карен. Она боится, что когда поминки закончатся, это только освободит пространство для того, чтобы на нее обрушилась новая реальность. Она пытается объяснить: - Мы ведь планировали переезд. То есть я, конечно, не собираюсь сейчас этим заниматься, но все равно придется с этим разбираться. Вот, например, я знаю, что Саймон застраховал свою жизнь. Но я не имела к этому никакого отношения. Даже не знаю, где лежат документы.

- Слава богу, что у него была страховка, - замечает Трейси.

- Да, хотя я не представляю, что она означает для нас в финансовом отношении.

- Ну, времени еще много.

- Наверное... - Хотя Карен чувствует, что решать этот вопрос придется безотлагательно, ведь ипотеку и счета все равно нужно оплачивать. Чарльз намекнул, что не стоит волноваться, но она не может избавиться от чувства, что люди постепенно начнут ожидать, что она придет в себя, и это может случиться раньше, чем она действительно очнется от произошедшей трагедии. Если когда-нибудь очнется...

Трейси словно прочла ее мысли и хочет помочь.

- Как бы то ни было, я просто хотела сказать, что эти недели я буду здесь. Я могу взять Молли и Люка, когда вам понадобится, в любое время. И, знаете, для вас, то есть как для друга, я, гм... В общем, за это не надо платить. - Ей вдруг становится неловко.

- Спасибо. - Щедрость Трейси особенно трогает Карен: ей известно, что у Трейси сравнительно невысокий доход и еще меньше свободного времени. У нее щиплет глаза. - Извините, - и Карен достает носовой платок.

- И не надо извиняться за слезы, - напоминает Трейси и берет ее под локоть. - Знаете, что бы я вам сейчас посоветовала? Пойдемте и поедим немного, все эти блюда выглядят такими вкусными... Не знаю, как вы, а мне очень хочется лукового пирога и, может быть, даже пиццы...

16 ч. 29 мин.

Ни у Лу, ни у ее матери нет машины, но они отказали себе в автомобилях по совершенно разным причинам. Лу руководствуется в основном экологическими соображениями. На самом деле ей очень нравится водить машину, и когда она была помоложе, у нее был «жук». Но теперь она лучше сознает, какой вред приносят автомобили, да и вообще ей машина не нужна. Брайон – компактный городок, она живет в центре, и ей легко добираться повсюду пешком или на велосипеде, а ездить в Лондон на поезде относительно дешево, быстро и просто.

Мать же Лу так и не научилась водить машину, а теперь ей скоро исполнится семьдесят, и вряд ли она когда-нибудь научится. А это значит, что она много времени проводит дома, особенно после смерти мужа. Она очень полагается на доброе отношение других, чтобы переместить ее из пункта А в пункт Б – и привлекает к этому своему зятю чаще, чем ему хотелось бы. («И главное, – думает Лу, – она звонит ему напрямую, минуя Джорджию, свою дочь». Но в этом, считает Лу, лежит ключ к мотивации матери не водить самой – она полагает, что за рулем должен сидеть мужчина.) И когда у нее нет жильцов, как часто случается на неделе, особенно зимой, мать копошится в пустом доме, чувствуя себя все более одинокой, от этого она начинает нервничать.

Отсутствие машины приводит также к тому, что Лу на вокзале никто не встречает, и ей приходится брать такси. Она не считает, что можно было бы попросить тетю или дядю подвезти ее, раз дядя болен, и к тому же они гости в доме матери. Тем не менее не хотелось тратить еще несколько фунтов за такси, а учитывая, что ей вообще не хотелось приезжать, негодование Лу только возрастает, когда она идет по садовой дорожке с похмелья, невыспавшаяся и ожидая допроса, почему она явилась так поздно.

* * *

- Как папа? – спрашивает Карен, осознав, что они с матерью пробыли вместе уже несколько часов, а она так и не спросила об отце.

- Ну, ты понимаешь... – отвечает мать.

Да, Карен понимает. Последний раз она видела отца на Рождество, когда они вместе с Саймоном и детьми ездили на несколько дней в Португалию. Он узнал Карен и Саймона, но не помнил, как зовут Молли и Люка. Его память не сохранила их образы. Старые воспоминания врезаются в память, а недавние события пролетают, как машины по автостраде: *вжик!* – и их уже нет.

- Извини, что он не смог приехать, – говорит мама, – но ты знаешь, как на него влияют переезды.

- Понимаю.

Такие мысли об отце очень печалят Карен. Постепенно, мало-помалу, она теряет и его. А ее мать теряет мужа, как сама Карен потеряла Саймона, хотя утрата может быть не такой скорой, внезапной и разящей – отцу Карен уже восемьдесят, и все же это разрывает сердце ее матери.

* * *

Лу встречают, как обычно – чаем в гостиной. Пока мать находится на кухне, Лу разговаривает с тетей и дядей. Наконец, появляется мать с темным деревянным подносом, накрытым, как у нее заведено, белоснежной льняной салфеткой так, что углы свисают по краям безупречным ромбом. На подносе позвякивают четыре изящных розовых чашки в цветах

на блюдечках с золотой каемкой, такой же заварочный чайник, маленький молочник с молоком, чашечка с кубиками сахара и безупречно отполированные серебряные щипчики, а печенье тщательно разложено в форме цветка.

- Чаю, дорогая? - спрашивает мать.

- Почему ты не нальешь сначала другим? - спрашивает Лу. - Я люблю крепкий.

Мать наливает чай в чашки гостей, но когда очередь доходит до дочери, то Лу видит, что чай не такой, как она любит, даже после того, как она много лет повторяла свою просьбу.

- Печеньица?

Лу уже не ребенок. Это «печеньице» вместо «печенье» еще более раздражает ее, хотя она и понимает, что не права. Она берет два, а не одно, поскольку очень голодна.

- Оставь остальным, - замечает мать.

Лу удерживается от замечания, что на тарелке осталась еще достаточно печенья, по меньшей мере, дюжина, и все-таки бормочет извинения.

- Ну, - мать садится на стул, ее спина впечатляет своей прямизной при таком возрасте, - расскажи нам, дорогая, на какие похороны тебе так внезапно пришлось пойти. Кстати, ты была вот так одета?

Лу старается не вспылить.

- Да. Это была очень неформальная церемония.

- Понятно. - Мать всем видом показывает, что ей ничего не понятно. - И чьи же, ты говоришь, это были похороны?

Лу надеялась, что ей дадут хотя бы несколько часов передышки, прежде чем начнется допрос, и то, что не прошло и десяти минут с тех пор, как она вошла в дверь, сердит ее еще больше. Она глубоко вздыхает. Как коротко и ясно объяснить матери все произошедшее, чтобы закончить эту тему и перейти к следующей? Ей не хочется входить в подробности, это кажется бестактным. И хотя она не знала Саймона лично, ей почему-то кажется, что она была знакома с этим человеком - как с мужем Карен и отцом Люка и Молли. Лу не хочется марать память о нем любопытством и комментариями матери.

- Это был просто человек, хмм... с которым я как бы познакомилась в поезде.

- Вот как? - Мать подается вперед, наострив уши.

- На самом деле я не очень хорошо его знала, но в нем было что-то... - Лу подыскивает слова.

- Да?

Она решает опустить подробности про Карен и Анну и свои последующие встречи с ними. Это только все запутает. Может быть, если рассказать кратко и просто, это удовлетворит мать.

- Видишь ли, он умер внезапно, совершенно неожиданно. Он был еще довольно молодой. Мы разговаривали иногда, - привирает Лу, но она специально это сделала, чтобы мать отвязалась, - и, м-м-м... Он мне нравился, мы были в хороших отношениях, и когда я узнала,

что он умер, то решила пойти на похороны, выразить почтение, понимаешь, попрощаться. – Уф! Может быть, такое объяснение ее устроит, и она отстанет.

Но...

– А, *понимаю*, – говорит мать, и в ее тоне сквозит намек.

И тут Лу осознает, что мать заключила, будто бы тут была какая-то романтическая связь. Как же она могла *так* ошибиться? Это просто смешно.

– Нет, нет, ничего такого, – поправляет ее Лу. – Мы были друзьями.

– Ну, если ты так говоришь, – говорит мать и, сочувственно улыбаясь, многозначительно смотрит на дядю Пэта и тетю Одри. – Ничего удивительного, что тебе захотелось пойти на похороны.

Чтобы не спорить и не объясняться, Лу решает, что проще все оставить как есть.

* * *

К вечеру Стив израсходовал весь алкоголь в доме. Он как будто поставил себе задачу весь день всех спаивать и доливал бокалы прежде, чем люди успевали опомниться. Анна присматривала за ним. В результате поминки превратились в шумную вечеринку. В гостиной завели стереомузыку, и некоторые пожилые родители даже пустились в пляс – на глазах у остолбеневших подростков; детям поменьше разрешили бегать и визжать по всему дому, без присмотра играя в сардинки [27]; незнакомые люди непринужденно и довольно громко заводили беседы на темы, не имеющие ни малейшего отношения к покойному.

Люди смеются – празднуют, – и Анна радуется: Саймону бы это понравилось. Тем не менее от всего происходящего у нее тяжело на душе. В отличие от прочих, она знает, что это лишь маска Стива. Она позволяет ему пить без ограничения, скрывая свое состояние. Анна подозревает, что пьет он намного больше остальных.

– У нас кончилось спиртное, – говорит он Карен, перехватив ее в коридоре, когда она проходила мимо, собираясь подняться наверх. – Может быть, мне сбегать, принести еще?

– Неужели кончилось? – спрашивает Карен. – Я ведь много купила, и у нас еще пара ящиков в шкафу.

– Все закончилось, – уверяет ее Стив.

Анна наблюдает за ним из дверей гостиной.

Карен в замешательстве.

– Н-ну, да, м-м-м... Пожалуй, тогда нам понадобится еще.

– Я схожу, – снова предлагает Стив.

– Спасибо. Это было бы прекрасно.

Но, постояв немного, он вдруг выпаливает:

– Мне нужны деньги.

- Конечно, извини.

Анна испытывает досаду. Уж сегодня-то Карен меньше всего должна думать о деньгах. Анну всегда возмущает, что Стив зарабатывает мало, а все заработанное тратит на себя. То есть он привык никогда никому ничего не давать, даже только что овдовевшей женщине на несколько бутылок вина.

- Я разберусь с этим, - заявляет Анна. - Сейчас, только сумку свою возьму.

- Нет, нет, ничего. Это я должна платить. - Карен очевидно неловко от щедрости Анны.

- Потом рассчитаемся, - говорит Анна в надежде, что Карен потом не вспомнит об этом.

- Конечно, - улыбается та и поднимается наверх.

Анна идет на кухню, находит кошелек и достает две двадцатифунтовые бумажки.

- Почему бы тебе не дать мне свою карточку? - предлагает Стив.

Анна не доверяет ему свою карточку после нескольких попоек Стива. Он вполне способен украдкой купить бутылку чего-нибудь покрепче для себя.

- Нет, - говорит она, - этого достаточно. Думаю, тебе лучше кого-нибудь взять с собой, чтобы помог нести. - Если он будет не один, то, с Божьей помощью, у него хватит совести не покупать что-нибудь для себя.

- Почему бы тебе не пойти со мной?

Но Анне не хочется никуда уходить. Ей больше не хочется вина, не хочется минут десять идти по улице, и, сказать по правде, не хочется оставаться наедине со Стивом.

- Лучше возьми кого-нибудь из мужчин. Сумки будут тяжелые.

- Я пойду, - вызывается Алан, и они вдвоем уходят.

19 ч. 21 мин.

Полчаса спустя Алан и Стив возвращаются с шестью тяжелыми сумками.

- Спасибо, - говорит Анна, когда она кладут свою ношу. Но ее благодарность в действительности относится к Алану, и она целует его в щеку.

- А меня? - спрашивает Стив, но она не обращает на него внимания.

Она уже прошла пару шагов по коридору, когда Стив хватается ее за плечо и разворачивает лицом к себе.

- Ты меня не поблагодарила.

- Ах, прости, - с сарказмом отвечает она.

- Что с тобой? - спрашивает он. Он чуть ли не кричит, он потерял контроль над собой.

Некоторые гости выглядывают в коридор посмотреть, что там происходит.

Анна понижает голос, надеясь, что и Стив начнет говорить потише.

- Ничего. Со мной все в порядке.

Но...

- Не ври мне! - кричит он еще громче.

Пара, разговаривавшая в дверях кухни, прерывает беседу и настороженно смотрит на Стива.

- Прекрати, слышишь? - шипит Анна.

- НЕ ПРЕКРАЩУ! - ревет Стив, и все поблизости замолкают. - Почему ты поцеловала Алана, а не меня?

Выпивка всегда вызывала в Стиве ревность. Трезвый Стив уверен в себе, и это когда-то и привлекло к нему Анну. Но пьяный - совсем другое. Это животное, это первобытное зеленоглазое чудовище.

- Я ничего не имела в виду, - говорит Анна, сознавая произведенный ими переполох и желая поскорее исправить ситуацию.

- Нет, имела. - Он сжимает губы, его глаза полны злобы.

Она качает головой.

- Я только что сказала тебе спасибо.

- Эй, друг, - вмешивается Алан, тихонько отодвигая его плечо от Анны: Стив нависает над ней. - Спокойнее, ладно? Она ничего не имела в виду.

Но его вмешательство только обостряет ситуацию.

- ОТСТАНЬ ОТ МЕНЯ! - И Стив локтем отталкивает Алана.

- Ого! - Алан делает шаг назад и поднимает ладони, показывая, что не хочет никакого насилия. - Вот этого не нужно.

- Что ты сказал, повтори? - поворачивается к нему Стив.

Все происходит так быстро, что Анна не может ничем помочь.

На верху лестницы появляется Карен, она вышла посмотреть, что случилось.

Увидев ее, Стив понимает, что у спектакля, который он разыгрывает, появились зрители.

- Почему ты просто этого не скажешь? - усмехается он.

- Не скажу чего? - не понимает Алан.

- Ты бы хотел, чтобы это был я!

- Не понял.

Стив замечает пару, застывшую в кухонных дверях, людей в гостиной, которые в ужасе

раскрыли рты.

- Ты бы хотел, чтобы это был я!

Карен с середины лестницы пытается образумить его:

- Думаю, тебе нужно успокоиться, Стив, - но ее вмешательство безрезультатно.

Стив смотрит на Карен, она видит в его глазах злобу - злобу, направленную на нее.

- ТЫ ТОЖЕ ХОТЕЛА БЫ, ЧТОБЫ ЭТО БЫЛ Я!

Он поворачивается вокруг, на триста шестьдесят градусов, распространяя свою злобу на всех окружающих.

- ВЫ ВСЕ ХОТЕЛИ БЫ, ЧТОБЫ УМЕР Я, А НЕ САЙМОН.

Все ошеломленно замолчали.

Потом Карен спокойным тоном заявила:

- Знаешь что, Стив? Не знаю про других, не могу за них говорить. Но что касается меня, ты действительно прав. Я бы предпочла, чтобы это был ты, а не Саймон. А теперь вон из моего дома, сию же минуту. Ты достаточно наскандалил. Иди домой, проспись.

Стив так потрясен ее словами, что несколько мгновений не может ничего сказать.

- Уведи его отсюда, - бормочет Карен Анне через перила, возвращаясь назад. Анна видит, что ее трясет, ее сдержанность едва скрывает ярость.

- Я отведу его домой, - кивает она.

Анна смутно сознает, что люди вокруг снова начинают разговаривать, и их диалоги сочетают наигранную живость, как будто ничего не случилось, и приглушенное обсуждение поведения Стива.

Теперь он прислонился к стене и держится на ногах.

- Ты справишься? - спрашивает Алан. - Если хочешь, я могу присмотреть за ним. По крайней мере, позволь, я помогу тебе довести его до дома.

- Пожалуйста, не надо. - Алан и так достаточно сделал - и вытерпел. - Я справлюсь.

Честно говоря, на его месте она бы хорошенько вмазала Стиву. Но Алан, как и Саймон, его брат, чрезвычайно мягок. Проявлять физическую агрессивность, кроме как на футбольном поле, совершенно не в его духе, и к тому же он тоже подавлен горем.

- Извини. - Анна просит у него прощения.

вернуться

27

Сардинки - детская игра, в конце которой все играющие оказываются в «доме», набитом

как банка сардин.

- Ты ни в чем не виновата, - отвечает Алан.

Но Анна чувствует свою вину.

Стив выводил Анну из себя бесчисленное число раз, но ничего подобного тому, что случилось сейчас, не случалось. Как он посмел? Случившееся явно за пределами ее понимания, но от этого ничуть не легче. Когда она отведет его домой, как бы ни был он пьян, не важно, она выскажет ему все, что думает, но сначала нужно туда добраться.

- Пошли, - говорит она скрепя сердце и тянет его за свитер к двери.

- Куда мы идем? - невнятно бормочет Стив.

- Домой. Ты здесь не понравился.

Она берет его за локоть, хотя сейчас ей противно даже дотрагиваться до Стива, и ведет на улицу.

- Пока, - прощается она с Аланом.

Стив еле держится на ногах, он натывается на дверь и, шатаясь, тащится по дорожке.

- Может быть, вернешься, когда уложишь его? - предлагает Алан из дверей.

- Может быть, - кивает Анна, хотя про себя думает, что вряд ли.

Она проводит Стива через калитку и поворачивает налево. Кажется, проходит вечность, пока они добираются до конца улицы. Он несколько раз спотыкается, хихикает и каждый раз вскрикивает «ой!». Анне ни капельки не смешно, это еще одно испытание, ее терпение на исходе.

- Что ты такая сердитая? - спрашивает Стив, когда они очень медленно переходят улицу.

- Думаю, тебе должно быть понятно.

Но он, напившись до беспамятства, уже ничего не соображает.

- Я выпил всего несколько бокалов вина.

- Да, конечно, - фыркает Анна. - Доведу тебя до дому и тогда скажу, что ты делал не так. - Ей не хочется орать на него на улице.

- О-о-о, доблая Анна пелеводит меня челез дологу, - бормочет Стив, соорив физиономию плохого мальчика. Возможно, если бы он был трезвым, она нашла бы его паясничанье забавным, но сейчас это выглядит жалко.

Наконец, они добираются до Чарминстер-стрит. Стив вваливается на садовую дорожку и встает у двери в ожидании. Анна достает из сумки ключи и одной рукой открывает дверь, а другой удерживает Стива в вертикальном положении. Потом толкает его через порог.

- Ты меня толкнула! - протестует он, упав на лестницу и цепляясь руками за перила, чтобы

подняться.

- Да, - рычит она, - толкнула.

- Зачем?

- Чтобы ты оказался внутри. - Она ногой захлопывает за собой дверь. - Но если бы ты так не нарезался, то не упал бы. Не устраивай из этого трагедию.

- Но мне больно, - хнычет Стив, кое-как поднимаясь на ноги.

- Я тут ни при чем. И если уж говорить о боли: каково, по-твоему, мне сейчас?

- А?

Он ничего не помнит, и Анна понимает, что зря тратит время, но ей нужно выпустить пар. Она слишком взбешена, чтобы сдерживаться.

- Ты сегодня вел себя отвратительно. По отношению ко мне и всем прочим. Я никогда не видела ничего подобного.

- А?

- Ради бога, Стив! Люди пришли на поминки, чертов идиот! Умер человек. Внезапно, неожиданно, без предупреждения УМЕР. Сравнительно молодой человек. Которого все так любили. У которого остались жена, дети, множество друзей и родственников, и они скорбят. А ты обругал его брата, потом Карен, его жену, потом всех гостей!

- Мне очень жаль.

- Не жалею. Поздно жалеть. Меня тошнит от этого. Ты еще умудрился изобразить из себя жертву. Но если честно, Карен была права. Саймон стоил десяти таких, как ты.

- Что ты говоришь? - Он шагает к ней, подняв плечи.

Анна пятится к двери. Она уже видела это раньше - способность Стива преображаться не только эмоционально, но и физически - из неуклюжего надоедливый пьяницы он превращался в жестокого и агрессивного типа. И все же, даже понимая, что это приведет к беде, Анна повторяет:

- Я сказала, что Саймон стоит - наверное, надо сказать «стоил» - десяти таких, как ты.

Она так переполнена яростью, что ей все равно, что будет дальше.

- Сука!

Оскорбление не задевает ее. Она с вызовом поднимает подбородок.

- Я не сука. Я просто говорю тебе правду. Сегодняшнее траурное мероприятие ты превратил в полное бедствие. Мы были на поминках, Стив, помнишь? *На поминках по моему другу*. А ты начал бросаться на людей. Грубо и агрессивно, на сто процентов по-свински. Почему? Потому что напился.

Возможно, Стив в этот момент ничего не соображает, но Анна-то в ясном уме. Ярость

обострила ее язык, ускорила мысли.

- Я не напился!

- Да что ты говоришь! Ты нажрался, как последнее говно. В том-то вся и беда, что ты не считаешься абсолютно ни с кем, кроме себя. Ты не можешь поставить себя на место другого, Стив. И, - она коснулась того, что в их отношениях было главной проблемой, - на мое место тоже.

- Что?

- Попытайся понять. Я только что потеряла друга, дорогого, очень дорогого друга. Я глубоко, глубоко расстроена. Но с тех пор как Саймон умер - сколько? пять дней назад, - ты не сделал ничего, *НИЧЕГО*, чтобы поддержать меня.

- Сделал...

- Что? Приготовил мне спагетти по-болонски? Ой, извини, забыла. - Она изображает раскаяние. - Да, конечно, ты вчера помогал готовить угощение для гостей. Это очень хорошо, признаю. Хотя на самом деле ты делал приятное себе. И это дало тебе веский довод не присутствовать на похоронах. А я хотела, чтобы ты пошел, ты был *нужен* мне там. А тебе это даже в голову не пришло, не проникло в твой убогий самовлюбленный умишко!

Стив вздергивает голову; оскорбление, похоже, дошло до него.

- Ты думаешь только о себе, и не любишь похорон. Ну, так знай: *их никто не любит!* Думаю - надеюсь, - ты все же подумал о Карен. Но я твоя женщина, и ты не подумал - *ни разу* - как-то помочь *мне*.

Анна замолкает и смотрит на него. Стив как будто немного протрезвел и успевает осмысливать ее тираду, едва успеваает.

- Ты знаешь, чего я хочу прямо сейчас? - говорит Анна.

- Чего?

Они стоят, как два боксера, настороженно глядя друг на друга, на расстоянии пары футов.

- Чтобы ты убрался к черту.

Анна приближается к нему и плюет ему в лицо буквально смачным, липким плевком. Плевком попадает в щеку Стива и постепенно сползает вниз.

Анне приятно смотреть на униженного Стива.

Возникает пауза - Стив заторможен алкоголем, - потом он реагирует: бросается на нее и злобно толкает со страшной силой, так что она отлетает назад, ударяется головой о дверь и оседает на пол.

И хотя Анна задыхается и потрясена случившимся, но через долю секунды она все-таки оживает. Теперь она в полной боевой форме, адреналин переполняет ее. Она понимает, что Стив больше и сильнее, но ей все равно. Он угрожал ей слишком часто, подумавшись: еще один раз! Какая разница, что она слабее. Она хочет, чтобы он почувствовал - физически - силу ее ярости. И как дикий зверь она бросается на Стива. Не успеваает он двинуться с места,

как она со всей силы бьет его ногой. У нее длинные ноги и растяжка хорошая. Ее сапоги – эти модные на высоких каблуках, остроносые темно-зеленые кожаные сапоги – эффективное оружие. И она бьет его между ног. Прямо туда, в самое уязвимое место.

От боли он складывается пополам.

Но Анна не останавливается и, не давая Стиву разогнуться, с руганью открывает дверь, хватая его, пока он не понял, что она делает, и выпихивает со всей силой, что у нее есть, до последней унции, на улицу.

Стив падает на дорожку, приземлившись на задницу, но Анна и не думает беспокоиться, пострадал ли он: теперь пора подумать о собственной безопасности. Она отступает в прихожую и – ХЛОП! – захлопывает дверь. И запирает ее на цепочку и на засов.

* * *

- Думаешь, у Анны все в порядке? – спрашивает Карен.

- Надеюсь, – отвечает Алан.

Оба все еще не отошли от устроенной Стивом сцены.

Карен кусает губы.

- Пожалуй, я ей позвоню.

- Но у тебя и без того хлопот хватает. Если хочешь, мы с Франсуазой заедем к ней по дороге домой. По-моему, пора расходиться.

- Ты думаешь?

- Да, конечно.

Алан с семьей живет в паре миль от Карен, дом Анны как раз по пути.

- Стив – идиот, – замечает Алан.

- Несомненно, – кивает Карен. – Ужасно, что это я их познакомила.

- Она выгонит его, – уверен Алан. – Вот увидишь.

- Надеюсь, так и случится.

- Иди сюда. – Алан протягивает руки, они обнимаются. Он отстраняется, убирает ей волосы с лица и заглядывает в глаза. – Не вини себя. Ни за Стива, ни за Саймона.

- Я и не виню! – протестует Карен.

- Нет, винишь. – Голос Алана звучит решительно, но в нем слышна ласка, доброта, и у Карен сжимается сердце – он так напоминает Саймона.

- Ладно, – кивает она. – Но когда приедешь домой, пошли мне сообщение, как там дела у Анны.

* * *

Вскоре Анна слышит, как Стив встает и отряхивается. Потом открывает щель для писем и заглядывает внутрь.

Анна отходит от двери, садится на лестницу и смотрит на него.

- Ты меняпустишь? - спрашивает Стив.

- Ты шутишь?

И тут она вспоминает, что хотела сказать с самого начала, может быть, уже несколько дней, пожалуй, даже с того момента, как узнала о смерти Саймона.

- Ты больше никогда сюда не войдешь.

- Что?

- Что значит твое «что»? Ты меня слышал. Я сказала: ты больше не войдешь в мой дом, никогда.

- Ты не можешь так поступить.

- Только попробуй.

Щель захлопывается. Анна напрягается: она знает, что сейчас последует. Конечно: БАМ! Она чувствует, как сотрясается дверь, когда он всем весом ударяет в нее, да и вся прихожая, весь дом. И снова: БАМ! БАМ!

Анна беспокоится, выдержит ли засов. Но в ее крови все еще переизбыток адреналина, поэтому страх отступает - она бежит наверх, открывает окно в спальне и высовывается наружу.

Стив прямо под ней, в темноте, его тело скрутилось набок. Он отходит на несколько шагов и снова бросается на дверь. Его, кажется, не волнует, что он может разбиться сам.

- Эй!

Он смотрит наверх.

- Если будешь продолжать, я позвоню в полицию.

- Не позвонишь.

Он сжал челюсти и не верит ее угрозе.

- Еще как позвоню.

Она отходит от окна, берет со столика беспроводной аппарат и возвращается. Анна держит его так, чтобы Стив видел: - Кажется, в таких случаях набирают 999, так?

Он хнычет:

- Впусти меня, Анна. Пожалуйста.

Это напоминает сказку про трех поросят.

Анна язвительно усмехается:

- Ни за что.

На лице Стива появляется выражение, которое она так часто видела раньше, когда он был пьян: губы обвисли, брови нахмурились – он в замешательстве. Несмотря на свою агрессивность, он нетвердо стоит на ногах, его движения плохо скоординированны. Но в глазах Анны как будто рассеялись последние остатки тумана, и она теперь ясно видит, что собой представляет Стив.

Жалкий горький пьяница.

И она понимает, что слова Карен на похоронах Саймона относились и к ней тоже. Карен любила Саймона за его недостатки, а Анна не любит Стива – за его. Не может их полюбить и никогда не полюбит. Его пьянство портит ее жизнь. Он терроризирует ее в ее собственном доме. Так жить нельзя. *Им вместе жить нельзя.*

- Тебе придется меня впустить, – вопит Стив.

- Нет.

- Где же мне спать?

- Меня это не касается.

- Ну, Анна...

Он говорит, как пятилетний мальчик, но ее не трогает его уязвимость.

Она полна решимости.

- Не говори мне «ну, Анна». Я уже это слышала. С меня хватит. Все кончено. Тебе ни до кого нет дела, кроме себя самого. Ты даже на поминках стал кричать о себе. И в последние дни вел себя так, будто мне нужно выбирать между тобой и моей ближайшей подругой. Я выбираю подругу. И можешь не стоять тут и не спорить со мной. Если снова будешь вопить и ломиться в дверь, я позвоню в полицию. Иди к черту, спи, где хочешь, мне все равно. Завтра утром выставлю твои вещи.

Она отходит от окна, идет в спальню для гостей и берет пару старых одеял. Потом возвращается к окну и высовывается.

Стив с горестным видом сидит на дорожке.

- Вот, – кричит она.

Он задирает голову.

- Можешь взять. Лови.

Она бросает одно, потом второе. Первое шлепается сложенным, но второе разворачивается и опускается на землю, как парашют.

Несколько минут Стив стоит у двери, ругаясь. Потом замолкает, но Анна по-прежнему слышит, как он там ходит. Она больше не разговаривает с ним, но потом он начинает звонить. Сначала на стационарный телефон. Снова и снова. Она отключает его. Тогда он звонит на мобильный. Она выключает и его тоже. В конце концов, она слышит, как он забирает одеяла и уходит

прочь.

21 ч. 45 мин.

«Вот и все», – думает Карен, закрывая входную дверь. Все гости ушли. Теперь надо проверить мобильник. Алан, наверное, выполнил свое обещание.

«На Западном фронте без перемен, – говорится в сообщении. – Все спокойно. Был рядом, не слышал ничего предосудительного, так что не стал их тревожить – подумал, оба спят, и не захотел будить. Не волнуйся».

И все же что-то ей не дает покоя. У нее всю неделю было ощущение, что трения между Анной и Стивом нарастают, несмотря на то, что в пятницу они так хорошо готовили вместе. Она сама была так поглощена этими печальными событиями, что не слишком задумывалась об отношениях Анны и Стива, но этим вечером безобразная сцена возродила прежний страх, и она содрогается от мысли, на что способен Стив, когда доходит до крайности.

Карен решает на всякий случай сама позвонить Анне.

Но мобильный телефон Анны выключен, сразу слышится голосовое сообщение. Карен пытается позвонить на стационарный телефон. Слышны долгие гудки, никто не отвечает.

– Оставь это, дорогая, – говорит мать. – Анна достаточно взрослая, чтобы позаботиться о себе.

Карен качает головой:

– Мне тревожно, мама.

Как ей объяснить, что их отношения с Анной выходят за границы обычной дружбы, что иногда ей кажется, что их связывает какое-то шестое чувство, она ощущает это физически, особенно когда эмоции перехлестывают через край, как это случилось недавно? Мать думает, что она ведет себя как в мелодраме.

– Я знаю, что ты тревожишься, Анна твоя хорошая подруга. Но при всех твоих прочих бедах, думаю, тебе не стоит так близко принимать это к сердцу. Если нужно, пусть поможет кто-нибудь другой.

– Я ее ближайшая подруга, – возражает Карен. – И я живу совсем рядом. А что, если с ней что-то случилось?

– Ничего с ней не случится, Алан же написал: они легли спать. Она, наверное, отключила телефоны, чтобы никто не беспокоил. Думаю, ты так привыкла волноваться обо всем на этой неделе, что не можешь отключиться. Это можно понять, но я уверена, что с Анной все хорошо. Я присмотрю за детьми, а ты, если хочешь, можешь сходить к ней утром.

– Ладно...

Но Карен по-прежнему беспокоится.

* * *

Лу сидит в гостиной с матерью, тетей Одри и дядей Пэтом. Дядя Пэт пододвинул кресло с изогнутой спинкой поближе к телевизору; кроме прочих своих болезней, он еще плохо

слышит, и иначе, как он громко объяснил, не услышит ведущего. Одри и мать Лу вместе сидят на канаве, и их выпрямленные спины выдают их строгое воспитание («Сиди прямо!»).

Лу развалилась в кресле, закинув ноги на подлокотник. Это кресло показалось ей наименее неудобным – обветшавшее, с откидной спинкой, мать считает его слишком неряшливым и никуда не годным и не выбросила только потому, что его любил ее муж.

Дядя Пэт загораживает Лу телевизор, но она все равно не смотрит на экран. Она чистит ногти – замещающая деятельность от досады после разговора о Саймоне.

«Неужели мать не видит, что я не интересуюсь мужчинами? – думает она, удаляя особенно упорную часть кутикулы. – Однако она быстро заметила, что я одета не подходящим для похорон образом. Да, у меня уже годы, *годы*, как нет бойфренда. С пятнадцати лет. Что, она думает, я делала все это время? Воздерживалась?»

Лу думает о Софии и ее поцелуе вчерашним вечером. Потом смотрит на мать – на ее шлем седых волос с тщательно уложенными волнами, как у Тэтчер, на ее надутые губы, на морщины, образовавшиеся от мимики, выражающей недовольство, – она пребывает в таком состоянии уже много лет. Но, несмотря на чопорную внешность, она родила двух дочерей с небольшой разницей в возрасте. Как-то она их зачала. Лу даже вспоминает, что отец намекал, что ее мать была на удивление страстна в сексуальном отношении. В конце концов, должно быть что-то, что тридцать лет удерживало вместе двух таких разных людей.

Эта ситуация мучает Лу изнутри всю ее взрослую жизнь. И как это странно... Вот она практически распласталась в кресле, ее тело трепещет всего лишь от воспоминания о поцелуе женщины.

- Я лесбиянка, – едва слышно бормочет она.

Но мать так погружена в телепередачу, что не слышит ее голоса.

* * *

- Ложись спать, мама, – говорит Карен. – Я поднимусь через минуту.

- Почему тебе не оставить это до завтра?

Карен вынимает тарелки из посудомоечной машины.

- Ничего страшного, честно. Лучше я сделаю это сейчас. А потом загрузю новые. Почему бы тебе не принять ванну, расслабиться?

- Хорошая мысль. Тебе оставить воды?

- Да, пожалуй. – Они не делали этого много лет, и предложение матери напоминает ей детство.

Мама принадлежит к тому поколению, для которого такая бережливость была привычной. Карен часто думала, что людям может снова пригодиться такой образ жизни. «Странно, – размышляет она, вынимая посуду и выставляя ее на полку, – как прошлое напоминает о себе в самые неожиданные моменты». Вот она убирает посуду, и воспоминания переполняют ее.

Здесь выщербленная чугунная кастрюля, которую ей несколько лет назад отдала Филлис, сказав, что Карен она нужнее, ведь у нее дети. Вот разные кружки – каждая со своей историей: одни Саймон принес с работы, где ему их дали по рекламной акции, пара изящной формы

фарфоровых чашек – подарок от Анны; смешная чашка от Алана с надписью, что лохматые мужчины – лучшие любовники. Вот формы для пирога, принадлежавшие бабушке, она подарила их Карен, когда та поступила в колледж. В ту же осень бабушка отправилась в дом престарелых, и Карен вспоминает, как она говорила, что больше не будет готовить, но, может быть, эти вещи пригодятся Карен? Тогда на Карен это не произвело впечатления, но теперь это воспоминание глубоко трогает ее, ведь она уже много лет пользуется этими формами.

Потом она вынимает одну, две, три, четыре, пять, шесть тарелок из сервиза, который они с Саймоном просили подарить им на свадьбу. Сколько раз они пользовались ими? Она проводит пальцем по краю, по голубой каемке. Ничего кричащего, просто белый фарфор. В то время у друзей не было лишних денег; они с Саймоном поженились, когда она была довольно молодой и только что закончила колледж. Экстравагантный список свадебных подарков показался бы алчностью. Все равно эти тарелки хорошо послужили, разбились только две. А какой толк был бы от чего-нибудь дорогого и хрупкого, на чем они не решались бы есть? А этим тарелкам нашлось хорошее применение, они пережили их первые приемы гостей в качестве семейной пары, когда она умела более-менее хорошо готовить лишь картофельную запеканку на дни рождения детей. Их плоское дно идеально подходило для запеканки, да и сегодня эти тарелки превосходно подходят для ватрушек, пиццы и тортов...

И они получались у Карен, как и сами тарелки, совершенно круглыми.

А в сердце этих воспоминаний сам Саймон. Так долго он был неотъемлемой частью ее жизни – почти каждый предмет посуды каким-то образом связан с ними двоими. Даже то, чем пользовался до встречи с ней, он потом делил с Карен.

К этому трудно привыкнуть. Карен сегодня выплакала все слезы. Теперь она выжата и оцепенела в отчаянии.

Она освобождает посудомойку и наполняет ее новой партией посуды. Потом вкладывает таблетку в контейнер для мощного средства, закрывает дверцу и поворачивает циферблат, чтобы запустить машину.

* * *

Через несколько часов Анна снова просыпается. Она удивлена и обрадована, что Стив больше не доставал ее. Наверное, он ушел.

Она заходит в эркер и смотрит в щелку между штор. Если он все еще в саду, ей не хочется, чтобы он увидел ее и снова устроил сцену.

Там никого нет.

Потом она что-то замечает. Напротив, у дверей дома, где располагаются офисы, виднеются ее одеяла, и она видит Стива, он закутался в них и спит. Раньше там спал тот бездомный, человек с творожными бутербродами.

Воскресенье

08 ч. 23 мин.

Карен ворочается: кто-то лежит рядом с ней в постели.

Возможно ли?

Не может быть.

Нет, нет!

Это Люк. Он заполз под одеяло ночью, а теперь прижался к ней сзади.

И так будет каждое утро? Удар под дых, как только она открывает глаза?

Она зажмуривается в надежде, что нахлынувшие чувства исчезнут.

Потом сильнее прижимает к себе Люка – то ли защищая его, то ли ища его защиты. Он теплый и мягкий и мирно спит. Может быть, он просто случайно прижался к ней.

* * *

Через некоторое время Анна снова смотрит в окно. Стив исчез и забрал одеяла.

Она поднимает раму, высовывается и осматривает дорогу.

Никаких признаков.

Она все еще взволнована случившимся, но, как всегда практичная, быстро оценивает ситуацию. Сейчас она не может выйти из дому – как бы не вернулся Стив. У него есть ключи. Поэтому прежде всего нужно позвонить слесарю. Она втыкает в розетку шнур стационарного телефона и звонит.

Оказывается, нужно заплатить двойную цену, потому что сегодня воскресенье.

- Вы не можете подождать до завтра? – спрашивает слесарь. – Раз уж вы все равно дома?

- Не могу, – резко отвечает Анна.

И вот через час она, уже одетая, смотрит, как слесарь долбит входную дверь. Она боится, что Стив придет раньше, чем тот закончит работу, но она больше не может наблюдать за работой с дрожащими коленями, поэтому решает найти оптимальный выход для своего возбуждения. Она достает из-под кухонной раковины рулон мусорных мешков и уносит их наверх, там снимает с вешалок в шкафу всю одежду Стива и выкладывает на кровать. Потом, кое-как сложив, складывает ее в мешки. Через двадцать минут все готово.

Анна ищет коробки для его книг, но вдруг вспоминает, что ее мобильник все еще выключен. Пожалуй, можно рискнуть и включить его. По крайней мере, можно посмотреть, кто звонил. Но как только она включает телефон, он начинает звонить. Взвинченная, она подпрыгивает. Это Карен.

- Слава богу! Я целую вечность пыталась дозвониться.

- Извини, я выключила телефон. Почему ты не позвонила на стационарный?

- Вчера вечером я пыталась это сделать. Но никто не подошел. Потом я попробовала дозвониться утром, было занято. Я подумала, что неисправность на линии или что-то в этом роде.

- О, я забыла! Я ведь отключила его. А утром, наверное, разговаривала со слесарем.

- Со слесарем? Зачем?

- Мы со Стивом расстались.

Она не хочет ничего объяснять.

- О! - В голосе Карен явно сквозит удивление.

Анна ждет, пока та усвоит информацию.

- Это правда? - спрашивает Карен через какое-то время.

- Правда. - Анна знает, что Карен, наверное, не говорит лишнего на случай, если она скоро передумает. Это всегда рискованно, когда пара расходится - быстрое одобрение может легко вернуться бумерангом, если они опять сойдутся.

Анна хочет дать понять Карен, что это окончательно.

- Мы здорово разругались, когда пришли домой.

- Боже! Извини.

- Ты не виновата.

- Надеюсь.

- Он вел себя как законченный говнюк. Мне нужно извиниться перед тобой.

- Ты тоже не виновата.

Но Анна снова чувствует вину.

- Я должна была это предвидеть.

- Анна, со Стивом никогда не знаешь, чего ожидать. Сейчас он такой симпатяга, а через минуту - ну, я надеюсь, ты не против, если скажу это - просто пьяная свинья.

- Это мягко сказано.

- Вчера он превзошел самого себя.

- Ты мне это говоришь! Ты не видела самого худшего. Когда мы вернулись, это был просто ужас.

- Он тебя не бил?

- Не совсем так... - И тут Анна рассмеялась. - Наверное, я вмазала ему сильнее, чем он мне.

- Что?

- Я ногой как следует дала ему по яйцам.

- Молодец! - вскрикивает Карен, и Анна, наконец, понимает, как ее подруга относилась

к Стиву. - Где он сейчас?

- Я его вышвырнула.

- Что, утром?

- Нет, вечером.

- Не повезло бедняге. Ночью было холодновато.

- Я дала ему одеяла.

И только рассказав все, Анна понимает, как нелепо выглядит все произошедшее. Зеркало разбилось об ее зазеркалье.

- И что теперь?

- Я сменила замок.

- Черт возьми! - разевает рот Карен. - Ты не теряла времени.

- Всего четыре года, - сухо замечает Анна.

- Ну, извини, - повторяет Карен. - Он мне в некотором роде нравился, - и добавляет: - Во всяком случае, трезвый.

- В том-то и беда - пьяное свинство - лишь половина него.

- Угу...

Анна чувствует, что Карен задумалась.

- Чем ты сегодня занята?

- В основном, наверное, буду паковать его вещи. А что?

- Мама предложила присмотреть за Молли и Люком чуть позже. Мне прийти, помочь?

- Это было бы здорово.

* * *

Это была длинная неделя, и Лу нужно отоспаться. К тому же сегодня воскресенье - хорошее оправдание для того, чтобы встать попозже. Едва проснувшись, полусонная, она слышит, как по дому ходят люди. Шум нагревательной колонки - тетя принимает душ, - тихие звуки классической музыки по радио, звяканье посуды на кухне.

Наконец, она понимает, что дальше отлынивать нельзя: мать будет ходить туда-сюда, дожидаясь Лу к завтраку. Она сбрасывает одеяло, надевает халат и спускается по лестнице. Ей слышны голоса, но это не дядя Пэт разговаривает с матерью, это сестра Джорджия. Джорджия часто заезжает в выходные, они с матерью на кухне.

- Элиот напоминает твоего отца, - говорит мать.

- Ты так думаешь? Мне казалось, он больше похож на Говарда.

Говард - это муж Джорджии, а Элиот ее сын.

- Нет, посмотри. Подбородок - точно как у твоего отца.

Лу, нахмурившись, стоит на нижней ступеньке. Черт, Джорджия показывает матери рождественские фотографии - а она хотела это сделать сама. В конце концов, это она фотографировала, и ей понравилось, что ей удалось схватить удачные моменты. Жаль, что не удалось услышать похвалу матери. Но, опять же, нужно было это предвидеть, посылая фотографии сестре: когда дело касается снимков ее сына, конечно, Джорджия захочет похвастать ими при первой же возможности. Лу велит себе не быть ребенком и идет к ним.

- Доброе утро, - приветствует ее мать.

Лу берет из буфета чашку с блюдцем, наливает себе чаю из чайничка. Она любит крепкий, но этот перестоял и - она макает мизинец - холодный.

- Пожалуй, я заварю свежий, - бормочет она.

- Ах, да, извини, мы давно его заварили, - говорит Джорджия. - Я встаю рано, с детьми. Это машинально. Завидуешь тебе, что можешь спать так долго!

Лу хочет ответить: «Вовсе ты не завидуешь», но вместо этого она садится с ними и берет фотографии со стола. Ее племянник Элиот лижет ложку с тортом, и измазал себе весь рот; Элиот на кривых ножках делает первые шаги; Элиот плещется в ванне - при виде этого нужно изображать умиление. А вот ее племянницу кормят грудью, личико малышки сморщилось и нахмурилось; вот племянница улыбается и играет с погремушкой. Лу сама дала ей игрушку.

Лу добавляет в чай молока и погружается в просмотр фотографий, смеясь и сюсюкая вместе с матерью и сестрой, и ей самой нравятся фотографии, хотя мать ни разу не сказала, как они хороши. Потом, добравшись до последней, Лу испытала необъяснимый наплыв чувств. Ей вдруг захотелось плакать.

Она встает, подходит к окну, пытаясь понять, что это на нее так повлияло. Слезы щиплют глаза. И, вытерев их, она вдруг понимает причину. Это зависть. Она завидует не жизни своей сестры: она бы не хотела такого брака, или такого дома, или, если на то пошло, таких детей. Но она завидует отношениям сестры с матерью.

Они кажутся такими легкими, такими ясными, такими честными по сравнению с ее.

* * *

Анна уже почти запечатала третью коробку с книгами Стива, она с шумом оклеивает ее липкой лентой, когда телефон звонит снова.

Это Лу.

- Привет, - говорит она. - Удобно говорить?

На этот раз Анна более уверена, что действительно удобно. Ураган миновал. Она собирает вещи, но не захвачена, как раньше, на полпути.

- Да.

- Я просто хотела спросить, как вчера все прошло.

«С чего начать?» – думает Анна. Это были потрясающие двадцать четыре часа.

- Поминки у Карен прошли хорошо. В целом.

- Я очень рада.

- Вы где? – Анна хочет уточнить, прежде чем излагать полную версию событий.

- У матери. Ну, на самом деле я вышла купить газеты. Нашла повод прогуляться.

Анна слышит в трубке, как проносятся машины.

- Добрались нормально?

- Да, прекрасно.

Анна еще не очень хорошо знает Лу, но тем не менее улавливает в ее голосе некоторую нотку: на самом деле у нее не все прекрасно.

- Все хорошо?

Лу выдыхает.

- Я только что разругалась с матерью. Она сводит меня с ума.

- Ааа. – По тому как Лу это произносит, и из того, что она рассказывала раньше, когда они встречались на неделе, Анна точно знает, что их отношения с матерью – это целая история. – Печально это слышать.

- Одно и то же, одно и то же. На самом деле я и не ожидала ничего другого. И все-таки иногда надеешься, что что-то изменится. С этим ничего не поделаешь.

- Да. – Анна думает о Стиве. Как часто она надеялась, вопреки очевидности, что он изменится, станет другим. И решает признаться. – А вчера вечером мы разошлись со Стивом.

- О!

Анна дает ей несколько секунд, как раньше Карен.

- Это печально, – в конце концов, произносит Лу.

- Вы так думаете? – Анна удивлена, что Лу так считает. Она думала, что Лу не считала их идеальной парой.

Но Лу объясняет:

- Всегда печально, когда расходятся люди, не безразличные друг другу. У меня было чувство, что вам не наплевать на него.

Хотя они знают друг друга совсем недолго, Лу прекрасно ее поняла.

- Да. Он много значит для меня. Значил.

- Я понимаю, что это страшно тяжело – жить с алкоголиком.

- Я просто больше не смогла.

Анна смотрит на коробки вокруг. Это действительно печально. У них было со Стивом кое-что общее, например, чтение книг, и ей будет страшно этого не хватать.

- Тогда, в парке, знаете, я говорила серьезно.

- Что?

- Что вы не можете разобраться с этой проблемой за него, вылечить его.

- Да.

- Знаете, ему, наверное, придется дойти до самого дна, прежде чем он поймет, что пора завязывать. Так говорят. В некотором роде, может быть, вы помогли ему жить с его проблемой. Вы поддерживали его, придавали сил. Он не мог бросить пить.

Анна слышала эти доводы и раньше, но до этого утра они не отзывались в ней так сильно. Стив на дне - это трагическая мысль. Она вдруг ясно осознала такую перспективу.

- Думаете, у него все будет хорошо? - Ей хочется, чтобы Лу ответила утвердительно. Она понимает, что не может вернуть Стива, и тем не менее чувствует тревогу за него и свою вину. Она оставила его - хотя кто-то может сказать, что он сам оставил себя, - без дома.

- Может быть, - говорит Лу. - Если он будет искать помощь, то сможет ее найти.

- Вы имеете в виду Анонимных алкоголиков и все такое?

- Да. Он пытался обратиться туда?

- Нет.

- Но он может обратиться сейчас. А пока ему есть где жить?

- Не знаю, - честно признается Анна. Ее чувство вины возрастает. Она по-прежнему чувствует себя в ответе за Стива - не может стряхнуть это чувство за одну ночь. Но ощущает и противоположное чувство, новое, и дорожит им: это понимание того, что прежде всего она должна позаботиться о себе. - Я не хочу терпеть его здесь, - повторяет она.

- Да.

- Он может пожить у человека, с которым иногда работает, у Майка, или, надеюсь, у кого-то еще. Я даже не хочу с ним разговаривать. Но мне бы хотелось знать, что он устроился. - Анна обеспокоена. - Сегодня утром я еще ничего не слышала о нем.

- Он взял с собой свой мобильник?

Анне вспоминаются непрерывные звонки вечером.

- Да.

- Я могу позвонить ему, если хотите, - неожиданно предлагает Лу.

- То есть как?

- Проверить, что у него все в порядке. Я работаю еще и в хостеле для бездомных. Так что, в худшем случае, если он не у Майка или кого-то еще, я могу направить его туда.

У Анны смешанные чувства: мысль о том, что Стив в хостеле, обжигает ее изнутри. Тем не менее ей бы хотелось знать, что он в тепле и хоть как-то устроен. Это лучше, чем ничего. Ей невыносима мысль, что и следующую ночь он будет спать на улице под дверью.

- Вам не трудно?

- Конечно нет. Я могу скрыть свой номер, чтобы он не мог позвонить на мой телефон. Мы просто узнаем, что у него все в порядке.

Анна не хочет, чтобы Лу впутывалась в бесконечные звонки, ей не нужен посредник. Но Лу очевидно сталкивалась раньше с таким поведением, как у Стива - не так уж удивительно, учитывая ее работу, - и рассуждает практически, но также и великодушно.

Анна благодарна ей, особенно учитывая, что у самой Лу был трудный день.

«Мать Лу не понимает, какое счастье - иметь такую дочь, - думает Анна, ожидая, когда Лу позвонит и сообщит ей новости. - Она не должна ругать свою дочь, ей надо гордиться ею».

* * *

«Такого еще не было», - думает Лу. Она не знает, что скажет, но нет смысла репетировать. Она уже довольно давно бродит по деревенским лугам. Мать, наверное, гадает, куда она подевалась. К ее облегчению, Стив отвечает сразу.

- Алло?

- О, привет! - говорит она, все еще собираясь с духом. - Я, м-м-м... Вы меня не знаете, но я Лу, подруга Анны.

- Да. Она говорила про вас. - Лу различает новозеландский говор. - Что вам надо?

- Я звоню по ее просьбе. Она просто хочет знать, что у вас все в порядке.

- У меня все прекрасно, - говорит он. Кажется, он не пьян. Это хорошо. - Просто плоховато провел ночь. А у Анны все в порядке? - Слышно, что его голос смягчился.

- Да, кажется, в порядке. - Она переходит к сути: - Вы где?

- У моего приятеля Дэйва. Он говорит, что я могу пожить у него какое-то время.

Ага, Анна была права. Это тоже хорошо. В какой-то степени он стал проблемой для кого-то другого. Но Лу почему-то не хочет, чтобы он оставался там, она надеется направить его в нужное русло, дать надежду. Не ради него и Анны, а для него самого.

- Рада это слышать, - говорит она и добавляет: - Слушайте, Стив, вы меня не знаете и можете просто послать куда подальше, можете не пользоваться моим советом и делать что угодно, это ваше дело. Я знаю, что вы много пьете - мне сказала Анна. - Она делает паузу, дожидаясь его реакции. Если он не собирается ее слушать, то положит трубку. Но нет, она слышит его дыхание, и потому продолжает: - Короче, когда я все выясню, то pošлю вам номер телефона. Есть люди, которые могут вам помочь, если вы решите бросить пить. Хорошо?

- Ладно, - говорит он, а потом добавляет: - Спасибо.

13 ч. 00 мин.

Обед подают ровно в час; ровно в этот момент, когда все садятся за стол, бьют часы на каминной полке в столовой. Только Джорджия уехала домой - ей нужно приготовить обед для своей семьи.

Тем не менее в честь Пэта и Одри мать Лу раздвинула дубовый стол и приготовила им ростбиф. Лу, как обычно, обойдется овощами.

- Значит, ты по-прежнему питаешься, как веганы? - спрашивает Пэт.

- Как вегетарианцы, - поправляет Лу. - Я ем молочное.

- Я думал, ты уже выросла из этого, - говорит он, с аппетитом отрезая себе мяса; из ростбифа на блюдо сочится кровь. Дядя Пэт ложкой кладет порцию овощей себе на тарелку.

- Из этого не *вырастают*, - поправляет его тетя Одри. - В это верят. - Она улыбается Лу, чтобы показать что-то вроде своего понимания.

Лу признательно кивает. Она давно заметила, что тетя Одри придерживается более либеральных взглядов, чем ее муж и, если на то пошло, ее сестра, мать Лу. У матери есть дети и внуки, однако ее сестра, похоже, лучше, а не хуже понимает младшее поколение.

Несколько секунд слышен лишь звук столового серебра по фарфору. Потом Одри пытается возобновить беседу.

- Значит, - как ни в чем не бывало говорит она, - у тебя сейчас есть бой-френд, дорогая?

Лу чуть не роняет вилку. Она не привыкла к таким прямым вопросам, мать обычно избегает этого.

- Я думаю, у нее было что-то с тем мужчиной из поезда, - говорит мать Лу, приподняв бровь.

Очевидно, при поддержке Одри и Пэта она приготовилась прозондировать почву поглубже, чем обычно.

Лу скрипит зубами.

- Нет, ничего не было, - настаивает она и опускает глаза, тыча вилкой в морковь перед собой. Этот обед невероятно безвкусен, она не может даже взять подливки, потому что в ней жир от мяса.

- Ничего, дорогая, можешь рассказать нам, - говорит дядя Пэт с той чрезмерно сочувственной ноткой в голосе, какую Лу уловила вчера в голосе матери.

«Да не могу! - внутренне протестует Лу. - В том-то все и дело».

- Думаю, она не хочет об этом говорить, - наконец, понимает Одри. - Извини, дорогая, я не хотела соваться не в свое дело. Просто ты такая милая девушка, и...

- ...И уже не такая молодая, - помогает ей дядя Пэт.

- Пэт! - пресекает его Одри. - Я хотела сказать совсем не это.
- Я вышла замуж в двадцать один, - замечает мать Лу.
- Я знаю. - Лу тянется за горчицей. Ей нужно что-то острое, чтобы придать вкус этой пище.
- А твоя сестра вышла замуж в двадцать четыре.
- И это я знаю.
- Так, значит, ты не хочешь иметь детей? - спрашивает дядя Пэт.

У Лу такое чувство, что этот разговор натягивает ее нервы, как ветер натягивает нить воздушного змея.

- М-м-м... не знаю, - бормочет она.
- Ты бы стала прекрасной матерью, - говорит Одри.

Лу знает, что она желает добра, но, честно сказать... Сама Одри тоже могла бы стать прекрасной матерью, но Лу не собирается говорить ей об этом. Она не знает, почему у Одри нет детей - выкидыши, бесплодие, импотенция мужа - причина может быть любая. Это может быть связано с нервами. Почему они не могут оставить ее в покое?

- Знаете что? Я не думаю, что хочу иметь детей, - говорит она, надеясь хоть немного шокировать их. Это не совсем правда - на самом деле она просто не нашла, с кем могла бы обсудить рождение ребенка. Но, по крайней мере, это может остановить их домогательства.
- О! - восклицает мать.

Лу видит, что она разочарована. Но почему она должна чувствовать себя такой несчастной? Разве двух внуков не достаточно? Это напоминает Лу о фотографиях, и она чувствует, как струна внутри натягивается еще сильнее.

Может быть, это оттого, что мать видит их сходство с Лу: обе без мужа, живут одни. И хотя она не хочет этого признавать, мать одинока, а ее жизнь так ограничена, что она не может поверить, что жизнь Лу может быть иной.

Лу содрогается. Ей ни на секунду не хочется думать, что они с матерью похожи. Они разные, совершенно разные. Ей нужно показать то.

И тут она думает о Саймоне и обо всем, что случилось за неделю, и что у нее лишь одна жизнь, которую нужно прожить хорошо или, по крайней мере, насколько возможно, честно. Ей вспоминается просьба отца держать правду в тайне от матери, и она, наконец, понимает, что это было. Трусость.

Да, отец, может быть, прожил жизнь, избегая конфронтации с женой, но это убило его, а Лу не хочет позволить убить себя. Она понимает, что если продолжит отрицать правду о своей ориентации, то она тоже может кончить, как и ее мать, в одиночестве и изоляции. Если не прямо сейчас, то в конечном итоге. Она больше не может притворяться.

После такого признания нить больше не может натягиваться. Она рвется.

И...

- Я лесбиянка, - говорит Лу.

На этот раз телевизор не отвлекает их, они все здесь, за столом. Два самых сильных слова, которые она когда-либо выговаривала, затмили переваренные овощи, недожаренное мясо и быстро остывшую подливу.

* * *

Разогретая пицца, бобовый салат, кускус - остатки вчерашнего ужина - Карен дает детям и матери на обед и ест сама. Потом, пока Молли спит, а Люк с бабушкой тихо упражняется в письме, она выскальзывает к Анне.

Это первая короткая прогулка в одиночестве - в полном одиночестве - за последние дни. А так всегда рядом кто-то был - наверху, в соседней комнате, где-то поблизости.

День унылый. Вроде бы не нужен зонтик или капюшон, но воздух сырой, влага наполняет волосы и одежду, оседает на коже. Во многих отношениях этот день не отличается от тысяч других, но, шагая по тротуару, Карен все отчетливее понимает, что он не такой. Это первый день ее жизни совсем, полностью без Саймона.

Саймон похоронен, его нет.

Минуя один за другим домики с террасами, некоторые с облупившейся краской, некоторые заново отремонтированные, некоторые в лесах, она вдруг поражается: не все, но многие из них - семейные дома. Внутри, за побеленными стенами живут люди со своими супругами, детьми. Они смеются, играют, спорят, хандрят, устраивают воскресные обеды, дремлют на диване.

И не верится, что ее мир не отражает, как в зеркале, их миры.

* * *

- Так я и знал, - говорит дядя Пэт.

- Если знал, почему же никогда меня не спрашивал?

Дядя Пэт, похоже, не понимает, что ответить, и Лу помогает ему:

- Может быть, потому что боялся?

- М-м-м... не знаю.

- Ну, думаю, так, - говорит она. - И кто тебя упрекнет? Мне самой было страшно это сказать. Правда состоит в том, что все вы годами об этом знали, но не позволяли себе сказать вслух.

Она смотрит на всех по очереди. Тетя Одри старательно рассматривает свою тарелку; кажется, продукция «Royal Doulton» никогда ее так не зачаровывала. Дядя Пэт смотрит на Лу, склонив голову на бок, словно неожиданно наткнулся в зоопарке на странное животное и пытается оценить его. Но больше всего Лу хочет прочесть, что написано на лице матери, но не может.

- Ты знала это, мама? - спрашивает она. - У меня не было и нет бойфренда не потому, что я не могу ужиться с мужчинами, а потому, что не хочу. Я люблю женщин. По большому счету, это так просто. Папа знал об этом и просил не говорить тебе. Потому я и молчала все эти годы. Я заботилась о тебе, скрывая, потому что он так беспокоился, что это тебя расстроит. Он даже

сказал, что это тебя убьет. Но мне уже тридцать два, черт возьми! – Она замечает, как мать вздрогнула от этого выражения, но Лу уже не может сдерживаться. Она должна высказать все, что у нее на душе.

Лу поворачивается к дяде.

– Ты прав, дядя Пэт, я уже не так молода. – И говорит матери: – И я поняла, что все прекрасно, пока я забочусь о тебе, мама. А как насчет того, чтобы ты позаботилась обо МНЕ? Если я продолжу и дальше жить во лжи, то в конце концов это погубит меня, съест изнутри. И говорю тебе: я лесбиянка. Назад дороги нет, ничего не изменишь, никаких «она-просто-не-встретила-подходящего-мужчину». Я никогда не стану Джорджией. Я никогда не выйду замуж, у меня не будет два и четыре десятых ребенка [28], я не буду жить в миленьком домике в деревне с очаровашкой-мужем, рядом с тобой. Я никогда не буду, как она, ездить на миленьком «гольфе» по Хитчину, пока мой муж зарабатывает деньги, чтобы оплатить одежды от Бодена для моих чертовых детей и мои дизайнерские сумочки. Я живу в Брайтоне, где много таких, как я. Я сама зарабатываю себе на жизнь. И я буду спать с женщинами.

Она замолкает, переводя дух, готовясь отразить нападение.

Ждет...

Но вместо этого мать говорит:

– Все поели? – и встает из-за стола.

Они передают ей тарелки, мать забирает их и, не говоря ни слова, выходит из комнаты.

Трое остаются сидеть в неловком молчании; Лу слушает, как тикают часы на каминной полке, отмечая течение времени.

Наконец, Одри покашливает и произносит:

– Ну, тогда... Значит ли это, что у тебя есть женщина?

Лу несколько истерично смеется.

– Нет.

На ум приходит София, но еще слишком, слишком рано присваивать ей этот титул, и все равно Лу не хочет углубляться в свои специфические отношения, чтобы добавить жару в и так достаточно взрывоопасную ситуацию.

Одри сочувственно улыбается, и Лу чувствует, что, хотя бы так тонко, она все-таки предлагает свою поддержку.

– Я действительно ни с кем не встречаюсь, – откровенно признается она.

Лу слышит, как ерзает дядя Пэт, словно само упоминание о свиданиях с другой женщиной вызывает в его воображении всевозможные половые извращения.

Лу в ответ улыбается тете, потом глубоко вдыхает, сгребает оставшиеся овощи на одно блюдо, убирает пустую емкость, берет соусник и уходит на кухню.

Мать стоит у раковины, по локоть опустив руки в мыльную воду. Лу с посудой подходит

к сушилке.

Мама плачет.

подавив злость, Лу наклоняется, чтобы заглянуть ей в глаза.

- Ты как, мама?

Мать не может посмотреть ей в глаза. Она отводит взгляд и смотрит в сад, а потом говорит:

- Я не понимаю, Лу. Что я делала не так?

- Ты тут ни при чем, мама, - отвечает Лу. Внутренне она вопит: «Почему ты считаешь, что ты сделала что-то *не так*, раз я лесбиянка?»

Мать, наконец, поворачивается к ней, и Лу видит ее боль. Щека матери дергается, глаза полны горя.

- Ты всегда была у отца любимицей, - говорит мать, словно пытаясь найти объяснение.

- Но не у тебя, - замечает Лу.

- Это не значит, что я тебя не любила.

Лу потрясена: мать никогда не говорила с ней о любви. Она ждет. Мать кладет руки на край раковины, и мыльная вода капает с них на пол.

- Я просто не понимала тебя, вот и все.

- Я знаю. - И вдруг Лу отчасти уясняет точку зрения матери. Наверное, непросто было иметь такую дочь, как Лу: девочку, так легко, так крепко привязавшуюся к отцу. Может быть, она чувствовала себя отвергнутой, лишенной влияния на собственное дитя. - Теперь я пытаюсь помочь тебе понять меня.

- Угу. - Мать снова задумчиво смотрит в окно.

Там безупречно ухоженный сад, газоны сверкают зеленью аккуратно подстриженной травы, горшки с примулами и анютиными глазками расставлены в строгом порядке, самые маленькие впереди, как выстроившиеся ученики на школьной фотографии.

- Знаешь, еще не поздно. - Лу кладет свою руку на руку матери и сжимает ее. Она не привыкла прикасаться к ней, это бывало так редко. Сквозь воду и мыло она чувствует мамины кости, их хрупкость, и хотя мать не отвечает и по-прежнему не смотрит на Лу, она не убирает руку.

Лу понимает, что пока это все, чем может ей ответить мать.

* * *

- Кофе - вот что нам нужно, - говорит Карен. - Я сварю, ты продолжай.

Она знает, где Анна хранит кофе, как работает кофеварка, и приносит кружки наверх, осторожно, чтобы не пролить на кремовый ковер.

- Прервись на минутку, - предлагает она.

Обе садятся на диванчик в эркере, и Карен ставит кружки на пол рядом с ними.

Какое-то время они сидят молча, глядя в окно.

Это не оживленная улица, и вряд ли когда-нибудь будет такой. На тротуаре мусор – пластиковая бутылка, мешок, старая промокшая под дождем газета. Медленно проезжает машина. Водитель ищет, где бы припарковаться. По дороге, обходя лужи, идет молодая женщина. Вдали, на склоне холма, растет новый деловой квартал; на крыше дома рядом не хватает нескольких плиток черепицы.

– Вот мы и обе остались без мужчин, – говорит Анна и добавляет, извиняясь: – Я не хочу сказать, что у меня то же, что у тебя.

«Сегодня она выглядит иначе», – думает Карен и вдруг понимает, почему: Анна без косметики – явный признак того, что события заставили ее, как раньше и саму Карен, забыть о ежедневной рутине. Но Карен нравится видеть Анну в таком виде: она кажется моложе, незащищеннее, как-то реальнее, что ли. Карен наклоняется и берет ее за руку:

– Мужайся.

Воскресенье

11 ч. 43 мин.

Небо – не бывает голубей, без единого облачка. Середина лета, жарко. Окно в машине полностью опущено, Лу положила руку на оконную раму и подперла ею голову, наслаждаясь ветерком. Она в выдавшем виды «эм-джи» Софии, крыша откинута назад, они едут к морю, София за рулем. Лу смотрит на профиль Софии, та сосредоточенно уставилась вперед, и сердце у Лу взлетает ввысь, выше, выше, до самого безоблачного неба.

вернуться

28

2, 4 ребенка считается средним уровнем плодовитости женщины, необходимым для воспроизводства населения.

Это один из тех ах-каких-редких случаев, когда Лу не может, никак не может представить, как можно быть счастливее. Она любит свою работу, несмотря на всех заноз-учеников, с которыми приходится иметь дело. Любит этот город, несмотря на путаницу его обветшавших домов и людей и галечный, а не песчаный пляж. Она любит свою квартиру, хотя та маленькая и неказистая. Любит своих друзей – и старых, и новых. Она даже – странным образом – любит свою маму. Ей известно, что мама борется с собой – она слышит усилие в ее голосе, когда разговаривает с ней. И хотя она также различает и неодобрение, тем не менее Лу уже сказала, кто она есть, и в этом деле появилась ясность. В конце концов, это больше беда мамы, а не ее. И мама может справиться с этим, постепенно, в собственном темпе. И, наконец, Лу теперь сосредоточена на другом – она переменялась, освободилась. Может быть, ей понадобилось стать свидетельницей смерти, чтобы понять, как ей хотелось кого-то встретить, открыться, освободиться от оков прошлого. Но какова бы ни была причина произошедших в ней перемен, Лу влюблена, и с прошлой ночи это стало очевидным фактом. Она сказала это первая, тихо, когда они с Софией лежали в постели: «Я тебя люблю». И София ответила, громче,

с несомненной страстью: «Я тоже тебя люблю», - и они засмеялись и стали целоваться, и вскоре после этого сначала кончила София, а потом Лу.

Они подъехали к светофору.

- Здесь направо, - командует Лу.

София включает сигнал поворота, поворачивает, и они едут от прогулочной дорожки через жилые кварталы Хоува, и у Лу возникает мысль, как сделать этот момент еще совершеннее.

- Давай остановимся и купим мороженого, - говорит она.

* * *

Карен, на четвереньках пропалывая огород, прислушивается. Молли и Люк играют рядом и болтают друг с другом. Земля сырая от ночного дождя, и они делают кулички. Чуть подальше кто-то забивает в землю столбы - наверное, ставит забор или ремонтирует сарай. А еще дальше - слышатся крики со спортивной площадки за дорогой: «Давай! Давай! Давай!» Сегодня выходной, поэтому, должно быть, там играют в бейсбол или софтбол и болеют за своих игроков.

Спину Карен припекает палящее солнце.

- Дети, - говорит она, вставая, - вам нужно намазаться лосьоном.

- Нет, нет, не надо лосьона! - Молли топает ножками по кочковатой траве. Она не любит эту процедуру.

- *Надо* лосьон.

Карен подходит к большой ивовой корзине, которую принесла с собой, и роется в поисках пластикового флакона.

- Идите сюда. - И прежде чем Молли успеет продолжить протесты, она выливает на ладонь голубовато-белую жидкость и мажет Молли ручки и ножки, проводя пальцами по пухлому тельцу дочери, сверху вниз и снизу вверх, а потом - шлеп! шлеп! - мажет каждую щечку - Молли уже отшатывается и топает ножками со все большим возмущением, и Карен чувствует, что она готова заплакать. Со словами «все, готово» она отпускает дочку играть дальше.

Уф, скандала удалось избежать. В последнее время Молли стала поспокойнее - месяц назад у нее часто случались истерики, но как только Карен подумала, что пора что-то предпринимать, а то она уже больше не выдержит, припадки Молли стали реже. Теперь они случались раз в день, а с этим она вполне может справиться.

- Люк, твоя очередь.

Он послушно встает, выпятив грудь. Цветом волос и кожи он похож не нее, но сложением точно в отца, думает Карен, и таланты у него тоже от отца.

Ей бы хотелось, чтобы Саймон увидел их. Он не видит, как они меняются, не видит нюансов их взросления. Молли пока еще не так подвержена переменам, а вот тело Люка превращается из мальчишеского в мужское...

Карен чувствует себя одинокой и иногда смотрит на них и думает: хотя у нее есть друзья

и близкие родственники, которые рады послушать про ее детей, только их отец оценил бы эти тонкие изменения так, как она.

Тут она чувствует порыв ветра, слышит шум листвы в деревьях, жужжание пчелы рядом, и впервые с того страшного февральского дня ощущает, что может пережить эту катастрофу и переживет ее. Она знает, что рана не зажила и по-настоящему не заживет никогда. Она воспринимает тот день как далекий и ошеломительный, и никогда не оправится от смерти мужа, но она научилась жить по-другому в этом мире, где нет Саймона. Ее чувства как будто переместились на другую территорию, она постепенно раскапывает свою печаль, чтобы заново выстроить свой образ на новом фундаменте. Как инстинктивно, так и по расчету, она находит то, что дает утешение, и тянется к этому, как цветок к солнцу. Она может жить дальше.

- Готово, - говорит она, закрыв флакон и легонько шлепая Люка.

* * *

Анна набирает номер на кодовом замке, и он открывается. Она вынимает замок и распаковывает большие металлические ворота. У нее тяжелая ноша: на плече вошенная хлопчатобумажная сумка с бутербродами, водой и печеньем, в одной руке большие садовые вилы, в другой коврик. Она запирает за собой ворота и идет по дорожке.

Свернув за угол, Анна видит перед собой Карен, Молли и Люка.

Молли бежит поздороваться.

- Это крестная Анна!

Карен внаклонку выпалывает сорняки.

- Привет! - Она поднимает сияющее лицо.

- Привет. - Анна кладет свой груз на траву и восхищается довольно внушительной кучей увядших сорняков. - Ты сегодня уже неплохо поработала.

- Посмотри на мой участок! - визжит Люк, бросая свои куличики и грязными руками дергая Анну за футболку. Ей ничего не остается, как идти за ним к самой маленькой грядке. И конечно - вот, подсолнухи вытянулись вверх с тех пор, как она была здесь последний раз, они уже высотой в два фута, прекрасный ряд больших здоровых листьев, немного поникших на солнце. На подсолнухах уже завязываются цветы.

- Ух ты! Скоро будут с тебя ростом.

- Знаю, - с гордостью говорит Люк. - И, смотри, мои семена тоже проросли.

- О-о-о, да. Как они называются?

- Леденцовые пучки [29].

- Какая прелесть. Давай посмотрим, как поживают овощи, а?

Люк идет туда, где работает Карен.

- Побегі выросли, да? - замечает Анна.

Обвившись вокруг бамбуковых шестов, они расцвели, сверкая яркими красными бутонами. Один-два уже превратились в стручки.

Карен кивает.

- Латук нужно прореживать. Вырывай, сколько сможешь, ему только лучше будет.

- Прекрасно. Что я должна делать? - спрашивает Анна.

Карен знает лучше, она много читала по этой теме и консультировалась с Филлис.

- Поливать не имеет смысла. Слишком жарко. Сделаем это перед уходом. Может быть, сумеешь прополоть грядку вокруг ревеня?

- Конечно. - Анна достает из сумки рабочие перчатки и вскоре уже на коленях вытаскивает из земли сорняки.

Вскоре с дорожки слышится:

- Привет! Привет!

Это Лу, а сразу за ней София. Они выглядят как настоящие работницы, в оборванных джинсах и куртках из хлопка. Они прекрасно дополняют друг друга, как форзац книги. В их паре есть что-то особенно восхитительное.

- Добро пожаловать, леди, - приветствует их Карен, вставая.

- Мы принесли мороженое! - объявляет София.

- Ах! - выскакивает Молли. Она только что сосредоточенно выкладывала камешки по размеру рядом с куличиками.

- Его нужно съесть сейчас же. *Сию минуту*, - командует Лу, роясь в белом пластиковом мешке. Анна уже не впервые замечает, что она очень естественно держится с детьми. Не удивительно - такая у нее работа.

- Хочешь шоколадное или земляничное? - спрашивает Лу у Молли.

- Земляничное!

Лу протягивает ей холодное лакомство на палочке.

- А Люк?

- Шоколадное!

- Я тоже люблю шоколадное, - говорит Анна. - Это ничего?

- Конечно. А Карен?

- Я возьму, что останется, - говорит та.

- Нет, теперь ваша очередь выбирать, - настаивает Лу.

Анна улыбается. Типично для Карен. Но и для Лу тоже типично. Лу соперничает с Карен

по части великодушия. Эти двое – как отражение друг друга. А в другом отношении она сама и Карен являются отражением друг друга, так же как она и Лу. Их дружба напоминает ей трельяж в спальне ее матери. Когда Анна была маленькая, то поворачивала три плоскости так, чтобы видеть свои бесконечные отражения, которые становились все бледнее и бледнее. Ей понравилось такое представление многообразия перспективы мира.

вернуться

29

Candytuft (*англ.*) – буквально «леденцовый пучок» – английское название перечника.

Анна разрывает обертку и лижет мороженое. М-м-м! Белый шоколад, нежный и восхитительный.

- У нас объявление! – говорит Лу.

По ее выражению Анна понимает, что это что-то хорошее.

- София переезжает в Брайтон, – объявляет Лу, улыбаясь своей партнерше.

- Это чудесно, – говорит Анна.

- Поздравляю! – улыбается Карен.

Лу притягивает Софию к себе, та краснеет.

Анна ощущает укол зависти – она переживала за них, и все же не может не позавидовать их счастью. «Не будь противной, – говорит она себе. – Теперь не твое, а их время. Лу такая милая, она заслуживает счастья».

- Это значит, что вы будете ездить на поезде? – спрашивает она.

- Да, – говорит София.

- Прекрасно. – Анна чувствует оттенок грусти, ее разговоры один на один с Лу прекратятся.

- Я буду выходить в Восточном Кройдоне, – считает нужным объяснить София.

«Ага, – думает Анна, – значит, у нас будет какое-то время в поезде, когда мы сможем остаться вдвоем». Ей бы хотелось быть не такой эгоистичной, но она надеется, что никто не заметит. Но еще не прошло и шести месяцев с того февральского дня и на неделю меньше с тех пор, как она разошлась со Стивом. Анна не жалеет об этом, теперь она знает, что никогда не могла бы быть с ним счастлива, хотя Стив, очевидно, вступил в общество Анонимных алкоголиков, и дела у него стали лучше. Но трезвость – его задача; он сам должен решить ее, один, без нее. И все же ей сильно не хватает Стива, и она еще не готова к новым отношениям. Но со временем, может быть, она встретит кого-то еще, более покладистого и доброго.

Может быть.

Вероятно...

Сейчас она лишь точно знает, что это было нелегко.

И для нее, и для Карен, и для детей. Карен по-прежнему каждый день плачет, хотя и старается это скрывать. Люк по-прежнему ночью спит с мамой; Карен признается, что пока позволяет ему это, как и себе, но когда-то должна будет отослать его в свою комнату. Скоро она сделает это. Карен такая, она мужественная.

Когда-нибудь, в конце концов, Анна надеется, Карен тоже кого-нибудь встретит. Конечно, ей на это потребуется больше времени, потому что они с Саймоном прожили целую вечность, но, опять же, это может быть, и не больше.

Как знать?

А до тех пор, да и потом тоже, у Карен будет Анна, а у Анны – Карен.

Волею Бога/Судьбы/Удачи они будут дружить с Карен еще много лет. И с другими вроде Лу, и теперь Софии.

И вдруг Анна, еще раз взглянув на пару Лу – София, чувствует, как к ее глазам подступают слезы. Четыре месяца назад, когда эти женщины приобрели этот участок, здесь была лишь голая земля. Никаких грядок, ни цветов, ни овощей – лишь дикие заросли и пырей, и это земля действительно требовала заботы. Они раскошелились и засадили ее. Они потели и смеялись, их сводили с ума частые дожди и недостаток воды, они стонали из-за слизняков, пока Карен не смягчилась и не согласилась травить их ядом, и всю боролась, хотя и тщетно, с сорняками. Молли и Люк тоже помогали. Сегодня здесь всего восемь грядок, каждая огорожена деревянными планками, и на них растут экзотический пурпурный, и вьющийся зеленый латук, и традиционный гибколистный. Одно время у них росла руккола, а теперь поспела малина и ревень, мгновенно захватывающий свободное пространство. Скоро вырастут бобы и брокколи, и капуста, и крыжовник, и ежевика, и тыквы, и сливы на дереве, которое уже росло тут. В Хоуве невозможно было иметь большой участок земли, как хотела Карен, но это более чем здравая альтернатива.

Природа имеет свойство лечить душу, и огород стал мостом во внешний мир. То, что они делают, наполняет Анну радостью.

Так почему же ей хочется плакать? Она бросает работу, чтобы подумать о своем настроении, потом понимает.

Саймон.

Саймону бы это очень понравилось. С его чувством общности, среди дающей ростки жизни под широко простирающимся небом, огород был бы по-настоящему его местом. И еще он так любил растения и все планировал, разрабатывая ландшафтное пространство – здесь он был бы в своей стихии.

И опять же, может быть, он здесь. В конце концов, он вернулся в землю. Жизнь, смерть, времена года, день, ночь – это рутинная последовательность, определенный цикл.

Анна доела мороженое и взяла свою лопату.

Вскоре она уже опять на коленях, старается вырвать из земли особенно упрямый одуванчик.

Выражение признательности

Прежде всего, огромное спасибо Вивиан Грин, моему агенту. Сдавая карты моей жизни, Фортуна подбросила мне туз. Не могу выразить словами мою благодарность. Во-вторых, спасибо Сэму Хэмфри, который с самого начала был на 110 процентов вовлечен в этот роман. Два туза. Фортуна одарила меня. Я помню также всех сотрудников издательства «Пикадор», литературных агентств «Гайа Бэнкс» и «Шейл Лэнд», всех представителей маркетингового агентства «Диджитал энд Директ» Мне бы также хотелось поблагодарить тех, кто читал роман, пока я его писала. Это Элисон Бойделл и Клер Стреттон, которые помогли мне оттачивать первые наброски и критиковали текст. А также Клер Эллисон, Джекки Доннеллан, Патрик Фитцджеральд, Хэтти Гордон, Эмму Холл, Кэти Холфлрд, Алекса Хайд, Никки Лоуит, Кейт Миллер, Эйден и Джинетт Роурт и Джоанна Уотсон, каждый из которых прочитал этот роман, когда я его дописала, и чье мнение сыграло неоценимую роль. Также благодарю Диану Мессидоро и Джона Найта за авторскую фотографию. И, конечно, мою мать, Мэри Райнер, она – мое вдохновение. И еще спасибо Тому Бика не только за чтение, хотя он не занимается романами, но и за то, что не обращал внимания, когда я огрызалась, пребывая в муках творчества, и просто за то, что был, ну, просто восхитителен.

В конечном итоге эта книга посвящается моим подругам.

Можно считать, что я писала ее для всех вас.